НА ЧУЖБИНЕ 1923-1934 гг. ЗАПИСКИ И СТАТЬИ

Нестор Иванович Махно

SHOUT
SHARE
IT

- Александр Скирда. Предисловие для русского издания
- Предисловие 1984 г. для французского издания
- I. ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО
  - ОТ РЕДАКЦИИ
  - Глава первая
    -
    - II.
    - III.
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая.
    -
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
  - Глава пятая
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
  - Глава шестая
    - I
    - II
  - ОТ РЕДАКЦИИ АНАРХИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА
  - ПИСЬМО Н. И. МАХНО П. А. КРОПОТКИНУ
- II. СТАТЬИ
  - АНАРХИЗМ И НАШЕ ВРЕМЯ
  - НАША ОРГАНИЗАЦИЯ
  - О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
  - ИДЕЯ РАВЕНСТВА И БОЛЬШЕВИКИ
  - ПАМЯТИ КРОНШТАДТСКОГО ВОССТАНИЯ
  - СОЗДАДИМ ФОНД ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ
  - ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Т-ЩУ МАКСИМОВУ
  - В ДОПОЛНЕНИЕ К «ОТКРЫТОМУ ПИСЬМУ Т-ЩУ МАКСИМОВУ» ОТ Т-ЩА Н. МАХНО («Дело Труда» №

15)
    - I
  - ПУТЬ БОРЬБЫ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА
  - НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ НА УКРАИНЕ
  - КАК ЛГУТ БОЛЬШЕВИКИ (правда об анархисте Железнякове)
  - К ЕВРЕЯМ ВСЕХ СТРАН
  - К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ
  - МИРОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ И МИРОВЫЕ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРУДА
  - ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ НА УКРАИНЕ
  - МАХНОВЩИНА И АНТИСЕМИТИЗМ
  - ФОНД НЕСТОРА МАХНО
  - КРЕСТЬЯНСТВО И БОЛЬШЕВИКИ
  - ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ АМЕРИКАНСКИХ ТОВАРИЩЕЙ (По поводу одной клеветы «порядочных» людей)
  - 1-ое МАЯ - СИМВОЛ НОВОЙ ЭРЫ В ЖИЗНИ И БОРЬБЕ ТРУДЯЩИХСЯ
  - ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПАРТИИ ВКП И ЕЕ Ц.К.
  - К 10-ой ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦ. ПОВСТАНЧЕСТВА НА УКРАИНЕ - МАХНОВЩИНЫ
  - СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ЕЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
  - НА ПУТЯХ ПРОЛЕТАРСКОЙ ВЛАСТИ
  - АЗБУКА АНАРХИСТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА
  - ПИСЬМО К ИСПАНСКИМ АНАРХИСТАМ
  - К ИСТОРИИ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОЛИ В НЕЙ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ И АНАРХИСТОВ
  - НАД СВЕЖЕЙ МОГИЛОЙ Т.Н. РОГДАЕВА (Из доклада, сделанного мною товарищам 21 января 1934 г.)
- III. МАХНОВЩИНА И ЕЕ ВЧЕРАШНИЕ СОЮЗНИКИ - БОЛЬШЕВИКИ
  -
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - I. ВЗЯТИЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВА И БАСНИ БОЛЬШЕВИКОВ О ИХ РОЛИ И РОЛИ ИХ ВООРУЖЕННЫХ «СИЛ» ПРИ ЭТОМ
  - II. МАХНОВЩИНА И ЕЕ БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ
  - III. МАХНОВСКАЯ АРМИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ ПО КУБАНИНУ
  - IV. ДНЕВНИК ЖЕНЫ МАХНО. ПОКАЗАНИЯ «ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ» МАХНОВЩИНЫ. ПОКАЗАНИЯ «ТЕОРЕТИКА» ЕДИНОГО АНАРХИЗМА НЕКОЕГО

ВОЛИНА (ПО КУБАНИНУ) БОЛЬШЕВИСТСКИМ ВЛАСТЯМ ПРИ АРЕСТЕ ИМИ ЕГО
- V. РУКОВОДИТЕЛИ, УЧИТЕЛЯ И ВОСПИТАТЕЛИ
- VI. БОЛЬШЕВИСТСКИЕ «МАХНОВЦЫ»
- VII СОЮЗЫ МАХНО С БОЛЬШЕВИКАМИ И «ИЗМЕНА» ИМ
- VIII. ЛОКАЛЬНОСТЬ МАХНОВЩИНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЕЕ РОЛЬ В ЛИКВИДАЦИИ ДЕНИКИНЩИНЫ

- ВОЛИН РАЗЪЯСНЕНИЕ
- Н. МАХНО ПО ПОВОДУ «РАЗЪЯСНЕНИЯ» ВОЛИНА
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Александр Скирда. Предисловие для русского издания
Слово Нестору Ивановичу Махно!

Двадцать лет тому назад, в 50-ю годовщину смерти Н.И. Махно, мы издали сборник его зарубежных публицистических материалов во французском переводе[1], а затем - на английском языке[2]. В этом году - 70-летие этого печального события, так что мы решили выпустить этот сборник на языке оригинала, то есть на русском[3], дополненный другими статьями и текстами. В результате представляем полное собрание - кроме мемуаров - зарубежных сочинений великого бунтаря.

Следует, кстати, напомнить, что повстанческое движение Левобережной Украины было проявлением народной самообороны во имя социальной справедливости и национального освобождения от завоевателей всех мастей и паразитов всех сортов.

Стремления Н.И. Махно и его соратников основывались на учении Михаила Бакунина и Петра Кропоткина - анархо-коммунизм - так, как они его определили во второй половине XIX столетия: этическое соотношение между средствами и целью, взаимопомощь, самоуправление и самодеятельность; одним словом, честь быть человеком, а не хищником, как проявил себя человеческий род в XX веке. Более того, анархия понималась как завершающая стадия гармонического общественного строя - мать порядка, по выражению знаменитого французского ученого Элизе Реклю, а не всеобщий беспорядок, как принято в вульгарном значении, которое господствует в современном обществе, когда допускается наибольшой произвол и крайнее угнетение. А коммунизм - термин, употребляемый в XIX веке в смысле высшего социального идеала, был приспособлен Лениным и его сторонниками только в 1918 году ради отличия от их родной социал-демократии. Большевики почти окончательно опозорили саму идею общественного освобождения, применяя чудовищную систему кровавой тирании. Таким образом, коммунизм стал теперь синонимом государственного ига, полицейской репрессии, истребления мирного населения, уничтожения инакомыслящих и т. п., в конце концов наглого обмана народа в пользу шайки самозванцев, девиз которых - «ложь, лицемерие и подлость». Можно быть уверенным, что если бы близкие и даже последователи и сторонники большевизма вовремя раскрыли, что

таилось за демагогией Ленина, мало кто из них пошел бы за ним.

Все статьи Н.И. Махно представлены в хронологическом порядке. В свое время мы рассмотрели содержание большинства из них, переведенных на французский язык: это исследование помещено здесь в русском переводе. Теперь надлежит рассмотреть те, которыми дополнен сборник: во-первых, его *Записки,* написанные в заключении в Польше под угрозой высылки или приговора. Они не совсем совпадают с последующей редакцией его воспоминаний, поэтому мы решили включить их в сборник. Во-вторых, статьи *О создании фонда помощи заключенным анархистам в России* - протест против большевистской расправы и выражение солидарности с идейными товарищами; *Открытое письмо т-щу Максимову,* в котором Махно излагает подробности о редакции «Декларации» движения. Дополнительно мы поместили объяснение Волина; *Ответы на запросы американских товарищей,* где Махно счел нужным оправдаться в глазах «критических» обозревателей за присутствие в Париже на праздновании 10-летия большевистского переворота. Наконец, его последнее сочинение: некролог по поводу кончины близкого товарища Николая Рогдаева, который он не смог отослать вовремя в редакцию из-за отсутствия денег на марки! Это обстоятельство свидетельствует об ответственности его французских «единомышленников» - бюрократов и моралистов, которые не передавали ему деньги, посылаемые со всего мира, а особенно из Америки, в его пользу. (В нашей монографии подробно изложено, как эти «анархисты» его уморили.)

В сборнике мы впервые переиздаем его важнейшую брошюру *Махновщина и ее вчерашние союзники - большевики,* в которой он отвечает на клевету и ложь официальной большевистской истории махновского движения, некоего М.Кубанина. Несомненно, этот текст представляет исключительный интерес, ибо он непосредственно опровергает басни, распространенные красными, и поворачивает против них их обвинения:

«Можно ли встретить большую, чем это, мерзость где-либо в других социалистических движениях. Пока она особенно заметна в рядах только марксизма-ленинизма, в его практике».

О трех предполагаемых союзах с большевиками:

«Для Махновщины и ее руководителей совершенно неизвестно о троекратном союзе ее с большевиками. Это Кубанин для большей «политической» важности подчеркивает, что три раза Махно был в союзе с большевистской властью...

Союзов было два: один весною 1919 года против контрреволюции казачества Дона и Деникина и другой в октябре месяце 1920 года против Врангеля.

В 1918 году у нас не могло быть союза с большевиками потому, что Махновщина, как организованная революционная сила трудящихся, была лишь одна на Украине. У большевиков трудовых вооруженных и организованных сил не было. И Махновщине заключать с ними союзы было незачем».

Он напоминает еще о сущности движения: «Махновщина руководствовалась идеей Революции, свободы и независимости тружеников деревни и города на ее пути и она хорошо сознавала, что ввести в жизнь трудящихся реально эти идеи можно только через полное и решительное физическое уничтожение вооруженных сил действительной контрреволюции на всей территории революции и к этому она стремилась, это она делала».

Большевики, утверждает Махно, «убили украинскую революцию» -вот что Кубанин пытается скрыть.

О «мнимых руководителях, учителях и воспитателях» Махно - черным по белому - пишет: «Движением руководили неизменные его прямые создатели, под идейным и организационным руководительством бесцеремонного дерзкого Махно».

А именно: «Главное руководительство повстанчеством, его армией, во всех ее внутренних разветвлениях, как-то: административных, хозяйственных, организационных и контрольных, строевых и оперативно-боевых, неизменно находилось в руках крестьян и рабочих. Братья Каретники, Ф.Крат, Мощенко, А.Марченко, И.Лютый, братья Махно, Тихенко, Гавриленко и многие, многие другие - все они крестьяне-анархисты, в большинстве своем из батраков.

Т.т. Серегин, В.Данилов, Я.Домашенко - были рабочие.

Эта группа, признав меня первым среди равных на пути движения, сосредотачивала через меня все нити руководства движением».

Сугубый интерес представляет его опровержение так называемого «Дневника жены Махно», используемого поныне противниками, чтобы заклеймить махновское движение: «писать всевозможные выдержки», «давать их разного сорта рассказчикам и баснописцам» и по ним «изучать» Махновщину и ее роль в Революции:

«Я категорически заявляю свое опровержение того, что большевиками цитируется, якобы из этого же «дневничка», что будто бы я, руководя таким грандиозным движением, как революционная Махновщина, имел привычку напиваться допьяна, ходить по селу или деревне с гармонией, наигрывая на ней на утеху себе и жителям. Я на гармонии не играю и никогда в жизни не играл, хотя и люблю послушать ее, когда на ней играет

хороший мастер.

Еще с большей категоричностью я опровергаю то, что (опять таки согласно дневничку) большевики утверждают, будто бы повстанцы махновцы - эти безымянные революционные борцы-добровольцы в армии движения Махновщины - получали жалование по 1000 руб. или вообще жалование».

Насчет напрасной стрельбы из пулемета он детально объясняет этот конфуз:

«В практике Семена Каретника, как и у всех моих помощников вообще, которые погибали на своем посту и заменялись другими, было правило, унаследованное ими от меня: *Будучи на руководящем боевом посту, ни на кого целиком не полагаться в вопросе о состоянии вооруженных единиц, перед выступлением в поход. Всегда осмотри их, проверь сам.* Особенно, правило это практиковалось у нас в отношении тех пулеметных единиц, которые во время переходов и походов, должны были следовать вместе со мной в авангарде всех сил армии. Семен Каретник в таких случаях обязательно проверял эти единицы, в особенности в зимнюю пору, когда слабое охлаждение в них могло замерзнуть. Проверял он их потому, что хорошо знал меня, что я, идущий далеко впереди армии, на случай встречи с врагом, не буду поджидать главных сил армии, а по чисто боевым соображениям, чтобы не дать врагу своевременно осмотреться и подготовиться, согласно своему и нашему положению, брошу свои части на него, хотя бы это стоило больших жертв в начале схватки именно нам, а не врагу...

Вот в этих то случаях Семен Каретник проверял обыкновенно пулеметы путем прострелки из них по пяти и десяти патронов, часто сам. Номера их только смотрели на него и, когда нужно, помогали ему». Этими разъяснениями - помимо воли Махно, ибо он к этому не стремился - оправдывается прозвище «Батько» и подчеркивается его военная одаренность.

Он точно опровергает факты и сцены, описанные в этом «дневничке», доказывая их невозможность, так как он и его жена Галина не находились в этих местах в этих числах: «Все положения этого дневничка ни в основе, ни в деталях своих, не содержат никакой истины, - они ложны». Тем самым он привносит немало данных, неизвестных до тех пор, существенно осветив борьбу повстанцев: «Этого-то никак не могут понять все борзописцы от большевизма. И поэтому все их писания, все их выводы в них касательно крестьянства и его революционной роли в русско-украинской революции бывают сплошь и рядом полны недоговоренностей и лжи».

По нашему мнению, этот «Дневник» был сфабрикован

специально ЧК с целью дискредитировать движение. Вдохновился ли «писарь-чекист» каким-то фактическим документом, это до сих пор неизвестно, но самое главное то, что Н.И. Махно успел при жизни его полностью опровергнуть, то есть по версии, тогда представленной[4].

Не менее интересна полемика между Махно и Волиным: она открывает неожиданную и малосимпатичную сторону личности последнего.

Разумеется, мы учли все эти сведения и подробности в нашей монографии на французском языке в 1982 г.[5], так что стало трудно лгать и клеветать на эту тему. Можно относиться положительно или отрицательно к Н.И. Махно и повстанческому движению, но больше нельзя обходить стороной все предоставленные данные и факты. По этому поводу следует обратить внимание на удивительное явление: Махномания! Чрезвычайная судьба народного мстителя и подвиги движения его имени вызывают интерес не только на родине и в России, что естественно, но даже во всем мире: более ста сайтов в Интернете и множество публикаций - книги, романы, театральные пьесы, не считая случайных «махнологов», часто с публичным успехом. Это положительно, и чем больше будет, тем лучше. Но нельзя забывать, что действительность превосходит здесь фикцию и предоставим слово самому Нестору Ивановичу.

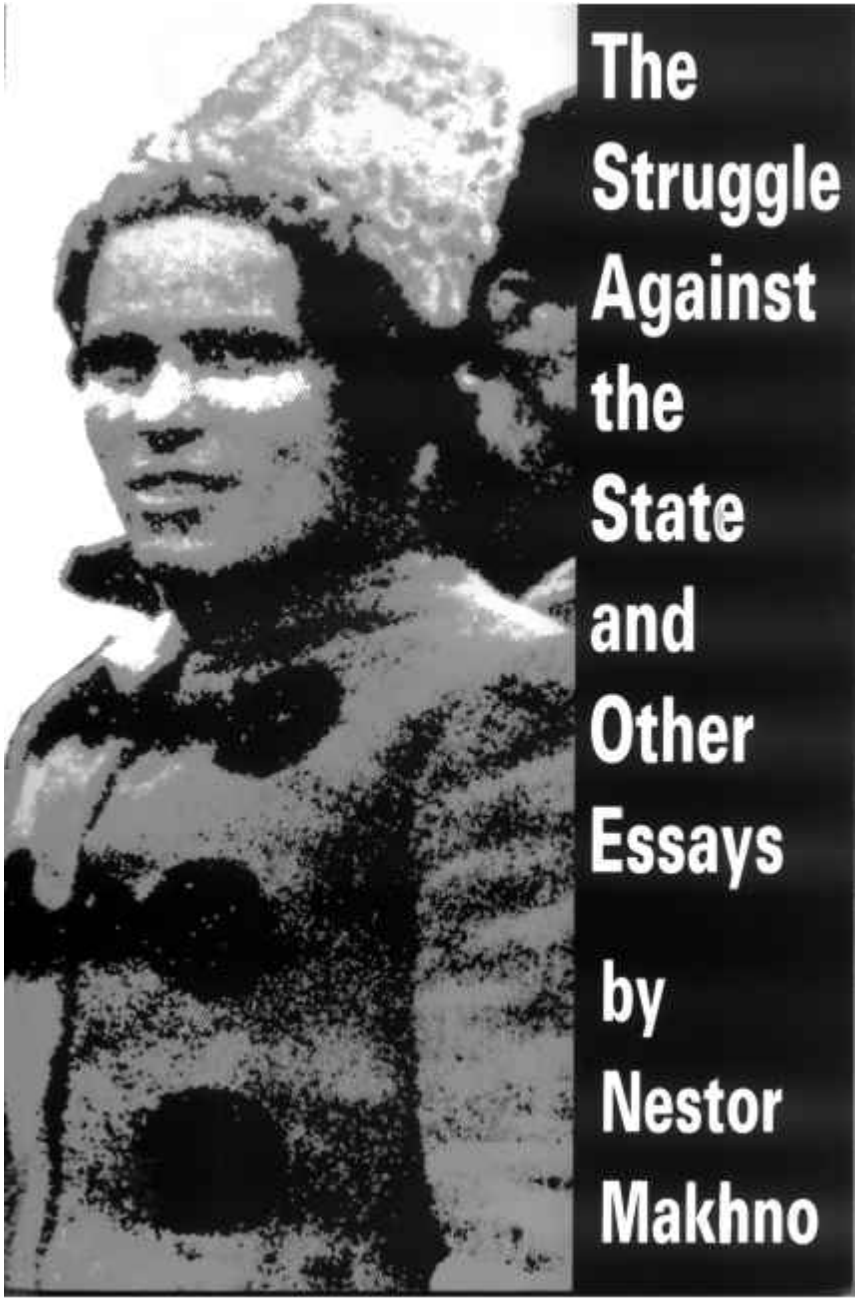
Александр Скирда Париж, июнь 2004

NESTOR MAKHNO

La lutte contre l'État
et autres écrits

J.-P. Ducret

Обложка французского издания в юбилей смерти Н.И. Махно в 1984 г.



Английское издание статей Н.И. Махно

Предисловие 1984 г. для французского издания Последний бой Н.И. Махно

В 1984 все, для кого важна борьба за лучшую жизнь и лучший мир, смогут почтить пятидесятилетие безвременной кончины - в возрасте сорока пяти лет - Нестора Ивановича Махно. В посвященной ему монографии мы показали с максимальной точностью незаурядность этой личности и подчеркнули ее определяющую роль в ходе украинской социальной революции. Напомним основные положения нашей книги.

Махно - выходец из бедного крестьянства Восточной Украины, колыбели запорожского казачества, известного своей свободолюбивой борьбой против турецких, польских и московских угнетателей. С самого юного возраста он включился в борьбу против царского самодержавия, за свободное общество трудящихся. Именно под его влиянием группа гуляйпольских коммунистов-анархистов становится во главе широкого крестьянского повстанческого движения, вооруженная борьба которого стала определяющей на протяжении всей гражданской войны в России. Действительно, никогда не лишне повторить, что именно Махно и его товарищи дважды отразили в ходе решающих схваток мощные наступления белой армии под командованием генералов Деникина и Врангеля. Махновские повстанцы, безусловно, считали, что этим они спасают русскую и мировую революцию - они сражались не только за себя - и ни на миг не предполагали, что в действительности это было на руку диктатуре партии - государства, имевшей намерения, диаметрально противоположные их собственным. С одной стороны, это недоразумение, с другой - трагедия, не только для них самих, но также для всего революционного замысла этого века вплоть до наших дней.

Спаситель Ленина, помимо своей воли, Махно с огромными трудностями ускользает из когтей чекистов, наемников нового хозяина Кремля. Понадобились четыре года, долгие и опасные заключения в румынских, польских и немецких тюремных камерах, прежде чем ему удалось обосноваться в достаточно надежном месте, в Париже. Тогда он отдает оставшиеся силы написанию воспоминаний и политических работ, чтобы наиболее полно осветить свой революционный опыт. Так, он дает свой последний бой, поменяв саблю на перо; и это несмотря на очень

тяжелые условия существования, на распри эмигрантской жизни, на последствия многочисленных ранений и туберкулеза, который вскоре должен был унести его жизнь.

Вместе с близким товарищем Петром Аршиновым он начинает издание русского анархистского коммунистического журнала *«Дело труда»*. В своих статьях он стремится в первую очередь подробнее рассказать о титанической борьбе, которую вел совместно с товарищами в украинских степях. Он подчеркивает в этой связи преимущественное влияние местных анархистов, которые почти все были крестьяне, внутри движения масс, получившего его имя. Он противопоставляет их поведение поведению украинских, и особенно русских городских анархистов, остававшихся скандально пассивными или же просто-напросто присоединявшихся к ленинскому режиму.

Он проливает также некоторый свет на различные проблемы движения: национальный вопрос, который он, по собственному признанию, недооценил, необоснованные обвинения в антисемитизме, условия и обстоятельства, в которых родилось и развивалось повстанческое движение, в частности в организационном и практическом плане.

Эта последняя тема является самой деликатной, поскольку повстанческая армия, вместе с необходимыми военными структурами, даже если она создавалась убежденными анархистами, представляла собой явление беспрецедентное и парадоксальное для теории и практики анархистских идей. Бесспорно, эта армия функционировала исходя из принципов прямой демократии: добровольчество, избрание и смещение снизу руководителей и командиров всех уровней, автономность отрядов и полков - разумеется, кроме случаев общей стратегической необходимости - наконец, полный симбиоз с трудовым населением, породившим эту армию. Вместе с тем, существовал, с одной стороны, центральный штаб, в котором сам Махно играл первостепенную роль, а с другой - твердое и динамическое ядро движения, как в политическом, так и в военном отношении, состоявшее из анархистов и, особенно, из членов гуляйпольской анархистской коммунистической группы. Махно считал, таким образом, своим долгом объяснить необходимость такой революционной армии, вызванную социальной и исторической действительностью, а затем определить функцию авангарда, которую взяли на себя местные анархисты. Махно понимал этот авангард в буквальном смысле слова, а именно так, что его члены должны находиться на передовых рубежах борьбы и подавать пример; в этом не было ничего общего с якобинско-ленинской концепцией авангарда,

который претендует на роль исторического и политического руководителя масс, с тем, чтобы лучше подменить коллективные чаянья своими собственными элитарными интересам. Что касается авангарда махновских повстанцев, он взял на себя только инициативу вооруженной борьбы и определения ее целей, тогда как высшие народные органы были представлены свободными советами, их заседаниями и съездами. Этот авангард находился, таким образом, в самом центре масс, а не впереди или сверху, над массами, и эта разница огромна.

Для Махно такая стратегическая и тактическая линия была реакцией на определенное отречение большинства анархистов страны, неспособных осуществить до конца свои убеждения и оказавшихся объективно в хвосте у большевиков. Пользуясь успехом, полученным вследствие такого развития событий, Махно думал, что эта линия должна служить укреплению концепции анархизма, более последовательного и более сплоченного организационно благодаря постоянной социальной практике. Этот вывод станет, впрочем, отправной точкой для коллективной мысли, конкретизированной в «Проекте платформы для всеобщего союза анархистов», написанном совместно с Аршиновым и другими русскими анархистами-эмигрантами.[6]

Этот пересмотр эффективности анархизма не мешает Махно убедительно подтвердить основные ценности анархического коммунизма. Во многих статьях, излагавших его кредо, он настаивает на бунтарском духе, на отказе от всякого подчинения и примирения, благодаря чему индивид становится действительно сознательным и независимым, непокорным повстанцем, каковым был он сам на протяжении всей своей жизни. Для него анархизм является социальной доктриной, наилучшим образом отвечающей интересам класса рабочих и крестьян, наиболее бедных и наиболее угнетенных; революционное и освободительное призвание анархизма должно утверждаться как размышлением и осознанным пониманием, так и волей к действию - посредством «действующего коллектива», по его собственному выражению, - против всех несправедливостей, причиненных государственным устроем общества. Собственные размышления и концепции Махно являются для него только личным вкладом в революционный проект, извлеченным из военного и революционного опыта; он стремится к объединенному действию анархистского движения и предлагает в этом направлении в 1931 году создание интернационального коллектива для изучения вопроса о подготовительной конференции к международному анархистскому конгрессу, задачей которого должно было стать дополнение и развитие

фундаментальных положений анархического коммунизма в мировых масштабах.

Махно с исключительной резкостью критикует большевизм и его извращение социальной революции 1917 года. Он не только пересматривает то, что принято называть «Октябрьской революцией» по отношению к революционной Украине, но и снижает значение большевистского переворота, сравнивая его с борьбой и завоеваниями украинских крестьян, задолго до штурма Зимнего дворца в Петрограде. Он осуждает подавление красными фанатиками восстания кронштадтских матросов, выразителей справедливых народных чаяний. Отметим также его блестящее разоблачение революционных претензий наследников Ленина, чьи различные толкования равенства, лозунга Октября 1917 он излагает. Укажем, кроме того, на его неординарный анализ «пролетарской» власти: он констатирует, что значительная часть рабочего класса активно участвовала в установлении большевизма и нашла в этом свою выгоду, пользуясь в качестве «официально правящего класса» некоторыми привилегиями. Рабочие, таким образом, смогли стать эксплуататорами, иногда худшими, чем буржуи, не только по отношению к своим братьям по классу, но в особенности по отношению к крестьянским массам. Однако, по мнению Махно, именно крестьянские массы были действующим лицом первого плана в русской и украинской революции, более радикальным, чем взятый в целом городской пролетариат. Это утверждение явно противостоит антикрестьянским предрассудкам, распространенным в городских и революционных кругах - иногда даже среди анархистов, которые пытались, напротив, объяснить поражение революции «жадностью» и крестьянским «инстинктом собственника»[7].

Социальное расслоение, таким образом, не было достаточным, чтобы гарантировать освободительную эволюцию, требовалось, кроме того, еще проявление революционного этического сознания. Махно дополняет этим критику некоторых русских анархистов и польско-русского мыслителя Махайского, которые утверждали, что только каста социалистической интеллигенции, и через нее растущий класс работников интеллектуального фронта, навязала свое господство рабочим и остальным трудящимся страны, используя дело революции.

Отметим также позицию в отношении «настоящего и будущего СССР», занятую Махно в 1931 в пользу объединения всех без исключения русских революционеров, в том числе бывших и настоящих членов коммунистической партии, для борьбы с большевизмом.

Заметим, попутно, предвосхищающий характер его анализа

ситуации в Испании в начале 30-х годов; остается сожалеть, что этот анализ был мало известен и распространен в то время среди испанских анархистов. Можно также сожалеть, что тексты этих работ так долго оставались неизвестными - хотя некоторые из них были опубликованы в то время в *Le Libertaire* и других анархистских изданиях - это можно объяснить лишь общим отступлением анархистского движения после его поражения в Испании в 1936-37 годах и сталинского триумфа после Второй мировой войны. С тех пор губительные последствия этих двух масштабных исторических отступлений слегка ослабели, анархистские идеи набирают новую силу и желательно осветить как можно шире и лучше их исторические и теоретические достижения. Именно поэтому мы предлагаем данную антологию, состоящую из статей Нестора Махно, отобранных по значимости и актуальности затронутых тем, - опубликованных между 1925 и 1932 гг. в русских анархистских журналах *«Дело труда»* и *«Пробуждение»*.

Александр Скирда, Париж, февраль 1984.

I. ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемые нами записки т. Нестора Махно написаны им уже после того, как он покинул пределы Украины. Они не охватывают махновского движения во всей его широте и разнообразии, а являются, главным образом, повествованием автора частью о себе, частью о некоторых проявлениях революционного повстанчества в русской революции. Но повествование это построено на историческом материале и представляет огромную ценность для всякого интересующегося личностью Махно и явлением махновщины в русской революции.

О махновском движении в заграничной прессе уже печатался ряд документов точного исторического смысла. Укажем на статьи П.Аршинова на разных языках - в европейских и американских газетах:

«Махновщина и антисемитизм», «Нестор Махно», и «Махновщина» (концентрированный очерк махновского движения).

В самое последнее время из печати вышла «История махновского движения» того же автора (см. о ней рецензию в настоящем №-ре *Анархический Вестник)* - книга в 258 страниц, где явление махновщины изображается с исчерпывающей широтой и глубиной.

Записки Нестора Махно, как одного из непосредственных и активнейших участников движения, пополняют собранный материал о махновщине, проливают на него дополнительный свет и представляют собою документ большой исторической ценности.

Глава первая
КРАТКИЕ ДАННЫЕ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ ДО РЕВ. 1917 г.

Отец мой - бывший крепостной помещика Шабельского, жившего в одном из своих имений, в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляй-Поля, Александровского уезда, Екатеринославской губернии.

Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика, то конюхом, то воловником.

Ко времени моего рождения (27 октября 1888 года), он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляй-польскому заводчику, богатому еврею Кернеру.

Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только одиннадцать месяцев. Пятеро нас, братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола ни двора.

Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать.

На восьмом году мать отдала меня во 2-ую гуляй-польскую начальную школу.

Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, а мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима, и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто, вместо класса, попадать на реку, - на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь с товарищами, проголодавшись, - возвращался домой.

Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери.

Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке.

Узнав, в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог садиться, как следует, на парту, но помню также, что с этих пор я стал прилежным учеником.

Итак, зимою я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотьбы, гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 коп. в день.

По окончании начальной школы, я то служил у помещиков, то учился и работал в красильной мастерской; и, поднявшись немного и окрепнув, - поступил в гуляй-польский чугунно-литейный завод, в литейный цех.

В 1906 году, когда революция была уже подавлена, я вступил в кружок молодежи украинской группы хлеборобов анархистов-коммунистов.

В конце 1906 года я был заподозрен в убийстве стражников, схвачен и предан военно-полевому суду. Вскоре меня оправдали и освободили. По освобождении я продолжал свою работу в группе, которая то жила открыто, то временами надолго уходила в подполье.

В конце 1907 года я был вторично арестован. Меня обвиняли в целом ряде политических убийств и экспроприации. Однако, следствием это не было доказано и, спустя несколько месяцев, меня под залог имущества одного заводчика выпустили из тюрьмы. В это время группа сильно преследовалась со стороны полиции. Полицейские агенты и стражники так и рыскали по району и выхватывали отдельных товарищей. В августе 1908 г., по показанию члена нашей группы Альтгаузена, оказавшегося, как мы потом узнали, провокатором, я был опять схвачен и посажен в тюрьму.

В марте 1910 года я, во главе шестнадцати обвиняемых, был осужден одесским военно-окружным судом в г. Екатеринославе и приговорен к смертной казни через повешение. 52 дня сидел я под смертным приговором, после чего, благодаря несовершеннолетию в момент преступления, а отчасти благодаря хлопотам матери, смертная казнь была заменена мне бессрочной каторгой.

Каторгу я отбывал в московской центральной тюрьме. Сидя в тюрьме и до суда, и после, и даже в московской каторге я делал попытки к бегству, но все эти попытки оканчивались неудачей.

В течение всех семи лет сиденья в московской тюрьме, я не покидал заниматься самообразованием, пользуясь богатой библиотекой, находившейся при тюрьме, и услугами более

образованных товарищей политических - учителей и студентов. С особенным усердием изучал три любимейших отрасли знания - историю, географию и математику.

Наступил 1917 год.

Грянул гром, вспыхнула революция, и тюремные двери раскрылись.

II.

Помню 1 марта, часов в 8-9 вечера нас начали освобождать. Об этом освобождении никто из заключенных ничего не знал. Все знали и видели, что по одному по два человека из отдельных камер куда-то зачем-то вызывают, а обратно не приводят. Нам не говорили, куда и зачем уводили этих людей, и это для нас было загадкой. Загадка эта нас всех мучила и беспокоила. Мы терялись в догадках и начинали нервничать.

Помню, было около часа ночи. Из 25 человек в камере осталось только 12; остальные были куда-то уведены. Несмотря на столь поздний для тюрьмы час, мы, оставшиеся еще в камере, нервничая, мучаясь неизвестностью, спать и не собирались ложиться. Наконец - свисток. Проверка. К нам в камеру заходит дежурный помощник начальника тюрьмы и с ним какой-то неизвестный нам военный. Дрожащим от волнения голосом спрашиваю: «Господин помощник, будьте добры, объясните нам, куда и зачем увели наших товарищей?»

Услышав мой вопрос, помощник быстро произнес: «Успокойтесь и не волнуйтесь. Нашей стране дал Бог переворот, объявлена свобода, к которой примкнул и я. Кто имеет 102 статью (статья о принадлежности к политическим партиям), тот завтра обязательно будет освобожден. Сейчас комиссия по освобождению устала и поехала отдохнуть».

Сказав это, он вежливо раскланялся с нами, чего раньше никогда не делал, и вышел из камеры. Многие из нас от радости подпрыгнули чуть ли не до самого потолка. Другие, со злобой, посылая проклятия по адресу комиссии по освобождению политических, заплакали.

Когда я спросил их: «О чем вы плачете», то мне ответили: «Мы десятки лет томимся по застенкам тюрем и не устали, а они (комиссия) там на воле поработали всего только несколько часов и уже устали. А вдруг восторжествует снова контрреволюция, и мы остались опять на долгие годы в этих гнусных застенках»...

Эти слова многих из нас натолкнули на разные мысли, и на час-другой каждый из нас погрузился в уныние... Сколько тревог, надежд и волнений уместилось в наших душах...

III.

Рассвет... Спать в эту ночь никто из нас не ложился. Каждый погрузился в самого себя и с нетерпением ожидал утра, а с ним и обещанного освобождения. Какой бесконечно желанной, прекрасной и дорогой нам, бессрочникам, казалась в эти минуты свобода. И не получив еще ее, как мы волновались, как трепетали наши сердца в тревоге, в страхе, что у нас ее, свободу, или вернее - мечту о ней, отымут.

Время шло страшно медленно, и часы казались вечностью.

Наконец-то среди мертвой тишины камеры послышался шум говора со двора и раздался выстрел. Окно нашей камеры выходило на широкий двор тюрьмы с церковью и с большой площадью впереди нее. Услышав шум и выстрел, мы все моментально ринулись к окну. Видим, вся площадь тюремного двора заполнена солдатами в форме конвойной команды. То и были конвойные, которые кричали:

«Товарищи заключенные, выходите все на свободу. Свобода для всех дана!»

Из окон тюремных камер послышалось: «Камеры заперты».

«Ломайте двери!» все, как один, крикнули конвоиры.

И мы, не долго думая, сняли со стола полуторавершковую крышку и, раскачав ее на руках, сильно ударили ею по двери. Дверь открылась. С шумом, с криком выбежали мы в коридор и направились было к другим камерам, чтобы посоветовать, как открыть дверь, но там без совета проделали то же, что и мы, и все уже были на дворе.

Тогда мы поспешили все к воротам, ведущим на одну из улиц Москвы. Там были уже тысячи каторжан, и каждый из них спешил первым выйти на улицу. На Долгоруковской улице по дороге к городской думе всех нас выстроили по четыре человека в ряд, для регистрации, как пояснили нам. Вдруг видим - летят от городской думы военные и гражданские и с возмущением в голосе кричат конвоирам: «Что вы наделали... Обратно в тюрьму!.. Освобождение будет производиться по порядку».

И нас моментально охватили войска и загнали обратно в тюрьму.

Среди криков и проклятий моих товарищей по адресу и властей, и комиссии по освобождению, просидел я еще часов 5-6.

Наконец заходит какой-то офицер в чине поручика с какими-то бумагами в руках и кричит: «Кто такой Махно?» Я откликнулся.

Он подошел ко мне, поздравил со свободой и попросил следовать за ним. Я пошел. Товарищи бросились за мной

вдогонку, плачут, бросаются на шею, целуют. - Не забудь напомнить о нас...

По дороге этот офицер многих еще вызывал, и, следуя за ним, мы пришли в привратницкую. Здесь на наковальне солдаты разбили наши ножные и ручные кандалы, после чего нас попросили зайти в тюремную контору. Здесь заседала комиссия по освобождению. Она сообщила нам, кто из нас по какой статье освобождается и поздравила со свободой. Отсюда уже без провожатых мы сами свободно вышли на улицу. Здесь нас встречали толпы парода, которые также приветствовали нас со свободой. Зарегистрировавшись в городской думе, мы отправились в госпиталь, где для нас были отведены помещения,

Наладив связь с анархическими организациями, я поспешил выехать домой к себе в свое родное село Гуляй-Поле.

Глава вторая
РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА В ГУЛЯЙ-ПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Приехав домой, я застал старушку мать сильно постаревшей, согбенной, беспомощной. Девять лет моего отсутствия ее сильно изменили. Братья в мое отсутствие обзавелись семьями и теперь были на войне.

Весть о моем приезде быстро разнеслась по Гуляй-Полю, и ко мне стали сходиться крестьяне и крестьянки.

Всю ночь я провел в беседе с ними и через них ознакомился с положением организации общественного самоуправления.

Утром 23 марта я был уже на трибуне перед всем гуляй-польским населением.

Я призывал крестьян реорганизовать свой общественный комитет, который был организован произвольно и возглавлялся не местными, а офицерами 8 сербского полка, стоявшего тогда в Гуляй-Поле. Я призывал крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию взять всю жизнь села в свои руки.

Скоро общими усилиями крестьян, рабочих и местного учительства был реорганизован сначала только местный, а потом и волостной и общественный комитет.

Одновременно с реорганизацией комитета, я начал организовывать в селе крестьянский союз, который из местного расширился скоро в волостной, а потом и в районный.

Занимая пост председателя крестьянского союза, я одновременно был помощником председателя общественного комитета, председателем земельного комитета, председателем профессионального союза металлистов и деревообделочников и председателем больничной кассы.

Время шло, события развертывались, революция быстро шла вперед...

В первых числах августа 1917 года на губернском съезде в г. Екатеринославе было постановлено реорганизовать все крестьянские союзы в советы крестьянских и рабочих депутатов. Проводя в жизнь его постановление, мы у себя на местах реорганизовали союзы в советы. В ожидании новых распоряжений, наш совет работал очень мало.

Состоя председателем совета, я в это время мало работал в нем, а отдался всецело работе по земельному вопросу, который по постановлению крестьянского съезда гуляй-польского района требовал немедленного разрешения.

Собрав в средних числах августа всех помещиков и крупных собственников района, я отобрал у них официальные документы о количестве находящейся в их владении земли, инвентаря и т. п.

Подытожив все это, я выступил с докладом сначала на волостном соединенном собрании совета и общественного комитета, а потом и на районном съезде. На этих заседаниях было постановлено оставить кулакам и помещикам по общей трудовой норме как земли, так и живого и мертвого инвентаря.

По примеру гуляй-польского района, такие же постановления были вынесены на съездах целого ряда уездов Екатеринославской и Таврической губерний.

Для проведения в жизнь этих постановлений август месяц оказался неблагоприятным, в виду выступления Корнилова.

В связи с Корниловским походом, и в нашем районе все недовольные новыми порядками зашевелились и стали организовываться.

Тогда комитет спасения революции взял на учет всю буржуазию и отобрал у нее огнестрельное оружие.

Начались возмущения, протесты, доносы и заявления на меня правительственному комиссару уезда Михно. Последний в скором времени присылает бумагу Гуляй-польскому общественному комитету с требованием немедленного устранения меня от общественной работы, так как я, за свои действия в Комитете Спасения Революции, предан Уездным Общественным Комитетом суду.

Глава третья
ОККУПАЦИЯ УКРАИНЫ. НАЧАТКИ РЕВ. ПОВСТАНЧЕСТВА. ОТСТУПЛЕНИЕ. ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Март месяц 18-го года принос нам в Гуляй-Поле весть, что Центральная Украинская Рада заключила с Германией и Австро-Венгрией военный договор, при помощи их войск заняла Киев и движется вглубь Украины.

Это ошеломляюще подействовало на наш район, так как крестьяне и рабочие хорошо знали, что им может принести Украинская Центральная Рада своим святейшим союзом с Карлом австрийским и Вильгельмом II.

Правда, агенты Центральной Рады крестьянам и рабочим Украины проповедовали, что эта Рада везет с собой много обуви, мануфактуры, сахару и соли. На пути своем она устраивает всестороннюю здоровую мирную жизнь. Но крестьяне и рабочие к этому мало прислушивались. Они спешно готовились к вооруженной встрече своей спасительницы.

По зову гуляй-польского революционного комитета группы анархистов-коммунистов и левых эсеров (большевиков у нас не было), профессионального союза, весь гуляйпольский район объединился вокруг этого комитета в недельный срок времени.

Немецко-мадьяро-австрийские войска с проводившими их разведывательными отрядами Центральной Рады подходили к Екатеринославу.

Поэтому гуляйпольский революционный комитет поручил мне, как главе своему, сорганизовать себе полевой штаб и создать из крестьян и рабочих вольные батальоны, которыми и руководить в борьбе против Центральной Рады и немцев.

В это время большевицко-левоэсеровский блок на всех парах отступил на Таганрог. Поэтому мне без затруднений удалось у начальника юга резервных войск Белинькевича достать 6 орудий, 9 вагонов к ним снарядов, три тысячи винтовок и два вагона патронов.

Были сорганизованы батальоны и отряды, и вооружены. Мы со дня на день ожидали момента, когда придется сразиться со своими «спасителями».

О нашей организации дошли вести в штаб Егорова, командующего крымским направлением. Последний вызывает меня в штаб в Федоровку (мелитопольского уезда). Я выехал в

Федоровку. Пока я отыскивал штаб, который уже вместо Федоровки очутился на Волновахи, Гуляй-Поле было без боя сдано немцам.

В мое отсутствие к крестьянам и рабочим Гуляй-Поля была допущена делегация немцев и Центральной Рады, которая нарисовала крестьянам картину сожжения всех сел, кто будет сражаться против немцев, и крестьяне и рабочие согласились сложить оружие без бою. Они его сложили. Немцы и украинцы вошли в Гуляй-Поле.

Гуляй-Поле сдано! - разнеслось по всему району... Об этом быстро донесли и мне. Я вместо Гуляй-Поля принужден был повернуть на Таганрог.

В Таганроге я долго не задержался и направился в глубь России, где спустя месяц, полтора услыхал о том, что немцы Центральную Раду вышвырнули из правительственного кресла. Ее заменил гетман.

Торжество гетманщины меня страшно бесило. Это торжество напомнило мне мое пребывание на каторге, сидки по карцерам и одиночкам, а временами и избиения.

Я сопоставил все мною пережитое с переживаниями под владычеством гетманщины украинского крестьянина и рабочего.

Это напомнило мне мою клятву, данную в гнусных тюремных застенках, вырваться на волю и всецело посвятить себя делу подлинного освобождения трудящихся не на торгашеских митинговых словах, а на деле.

В этот момент я упрекал себя за выезд из Украины. И тут же, не задумываясь и ни перед чем не останавливаясь, я собрал свои жалкие вещички и уселся на саратовский вокзал в поезд. Прибыл в Москву, мечтая через Курск быть на Украине. По пути, в уме, я уже выработал план похода против немцев, гетмана и всей возглавляемой ими буржуазии.

Эта мысленная подготовка возбудила во мне какую-то внутреннюю тревогу - тревогу, которую увеличивал каждый шаг моего скитания вне своего народа.

Вспоминая его, пусть даже наивное, но, во всяком случае, искреннее доверие ко мне во всех отношениях социально-общественного строительства, я чувствовал в себе беглеца от него.

И это чувство такой болью отозвалось во мне, что я давал временами себе слово трижды отречься от кружковой замкнутости, от своих убеждений, - хотя бы, если надо, и анархических, - и от всего того, что во имя их делал хорошего и во всеуслышанье сказать, что нет партий, нет групп, нет политических организаций, а есть кучки политических

шарлатанов, которые, во имя личных выгод и острых ощущений на путях к достижению своих целей, уничтожают трудовой народ, но что этих целей без сплоченности, желаний и целости трудового народа никогда не достигнуть.

В Москве я отыскал членов союза идейной пропаганды анархизма: А.Борового и П.Аршинова. С ними я поделился своими намерениями как можно скорее выехать на Украину, и с какими целями. На эту тему много между нами говорилось, и в особенности с Аршиновым. Порыв мой быть немедленно сейчас же на Украине немного остыл. Я на две-три недели решил задержаться в Москве. За это время я посетил ряд лекций анархистов, большевиков, эсеров. Кроме того, участвовал в заседании анархистов в гостинице «Флоренция» по вопросу о тактике борьбы на Украине против гетманщины и водрузившего ее немецко-мадьяро-австрийского юнкерства.

Посетил съезды профессиональных союзов текстильщиков и других профессий.

Все вопросы и решения их на этих съездах меня, крестьянина, и радовали, и угнетали.

Радовали они меня оттого, что я видел в пролетариате сознание своих пролетарских интересов, свои стремления, свой пролетарский фронт в достижении тех или иных целей.

Угнетало меня именно то, что я в этом пролетариате, как классе, не видел его прямой воли при решении тех или иных вопросов.

Председательство пролетариата на этих съездах, разрешая те или другие насущные вопросы, хотя и делало это от имени своего класса, но волей политических партий, из которых каждая по-своему понимала и истолковывала пролетарские цели и обязанности в момент строительства социалистического государства.

А это, по-моему, во-первых, резко отмежевывало пролетариат от трудового крестьянства, без взаимного содружества, с которым в социалистическом обществе, не говоря уже в полусоциалистическом, полукоммунистическом государстве, каким было в это время, государство большевицко-левоэсеровского блока, нормальной трудовая классовая жизнь быть не может.

Во-вторых, такое автоматическое подчинение пролетариата, как класса, каким бы то ни было политическим партиям отдает его в распоряжение этих партий на самое позорное глумление, как в духовном, так и физическом отношениях.

И вот, зарождается нездоровое мышление среди части городского пролетариата России и Украины: о необходимости

своей - пролетарской государственной политической власти или ее диктатуры, во имя которой эта часть разбивает единство своего трудового организма, создает новые в мыслях рознящиеся пролетарские кадры; совершает поход и борется зачастую за то, что в будущем во имя Свободы вольного труда и равенства обездоленного человечества сама же будет отбрасывать в сторону. Благодаря этому во всех тружениках села и города закрадывается и развивается недоверие одних к другим.

Идеологи политического авантюризма это недоверие подхватывают и на нем строят свои партийные принципы, указывая этим труженикам, что, только следуя этим принципам, можно отыскать, понять и устранить причины этого недоверия.

Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целость, - единство, из которого можно было черпать силу, поддержку, знание, поддаются на эту удочку. Они бросаются в объятия какой-либо из этих политических партий, и этим распылив свой трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой во всех отношениях все везде и всюду живут и наживаются и в то же время, кто хочет и как хочет повелевают.

Политические же партии считают такие явления в виду таких-то и таких-то причин (как они обыкновенно выражаются)... неизбежными, даже необходимыми.

В этом единственно может быть и кроется успех политических партий, которые упорно убеждают трудящихся, что последние без них, т. е. без политических партий, со своими аполитическими профессиональными союзами и кооперативами бессильны и неспособны оградить свою социальную жизнь от своих противников на политическом горизонте и ковать свое счастье на поле экономическом.

Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющиеся трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить. Такое положение чувствовалось в июльские дни 18-го г. в России для большевицко-лево-эсеровского блока, когда с одной стороны Вильгельм II через своего посланника Мирбаха и через большевиков ставил препятствия развитию русской революции, а с другой стороны - пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требовали для революции широкого простора.

Правда, благодаря этому блок дал трещину. Левые эсеры опирались больше на крестьянство, тогда как большевики и на пролетариат, и на крестьянство. Выиграли, конечно, большевики,

ибо они остались у власти. Этот выигрыш слишком дорого стоил трудящимся не только России, но вообще всем трудящимся, которые так глубоко верили в чистоту принципов октябрьской революции.

Все это действовало на меня удручающе.

Я лишний раз убедился в том, что, подымая революцию, пролетариат прежде всего приносит пользу политическим партиям, зачастую во вред тем идеалам, во имя которых он подымал революцию.

Правда, таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Последняя только в своем стихийном беге сметает всякий авантюризм.

В период ее развития, политиканы со своей демагогией болтаются больше в хвосте, а те, которые идут совместно с массами, но не как повелители, а как друзья и советчики в рядах бойцов и как бойцы, зачастую погибают.

Когда я находился в Москве и посетил всероссийский съезд профессиональных союзов и ряд лекций таких представителей политического мира, как Свердлов, Ленин, Троцкий, М.Спиридонова, Камков, Рощин и другие, во мне еще сильнее заработала мысль и забурлила кровь - желанием быть на Украине.

Все взоры мои были направлены туда, чтобы совместно с народом в борьбе против немецко-мадьяро-австрийских и гетманских сатрапов умереть или освободить Украину.

В душе поднялось властное желание путем воли и усилия самого народа создать на Украине такой строй жизни, где бы не было ни рабства, ни лжи, ни позора! ни презренных божеств, ни цепей, где не купишь за злато любви и простора, где лишь правда и правда людей...

Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников.

При посредстве съездов эти самоуправления устанавливают общий порядок взаимности между собой.

Создают свой учетно-статистический, распределительный и посреднический органы, вокруг которых тесно объединяются и при помощи которых в интересах страны и ее свободного народа гармонируют на поприще всестороннего социально-общественного строительства свою работу.

Над практическим осуществлением этого я часто задумывался. Волнуемый подобными мыслями, я 29 июня 18 года достал соответствующие украинские документы и выехал на Украину.

По пути следования к Украинской границе я много встретил знакомых из Украины. От них узнал, что дом моей матери немецкими и украинскими военными властями сожжен. Брат старший Емельян, который совершенно, как инвалид, не участвовал ни в какой политической организации, - расстрелян. Второй брат арестован и сидит в александровской тюрьме. Мать скитается по чужим квартирам.

Эта весть страшно на меня повлияла. Я душевно заболел. Я способен был возвратиться в Москву, но разум диктовал другое. Он напоминал мне ответственность перед тем, что я наметил и во имя чего еду на Украину. Я переборол свои чувства боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было и из моего рода умирать за освободительные идеи народа; но что смерть эта скоро ли поздно ли вызовет за собой взаимные смерти. И я тронулся дальше.

Путь тяжелый был; каждую минуту тебя ожидала смерть, почему приходилось маскироваться и до безумия «щырим гетманцем», и чем хочешь, лишь бы только быть на Украине, в тех самых селах, где тебя знают и ожидают.

Военная офицерская форма, погоны несчастного прапорщика, в такт фальшиво расшаркнуться и поклониться - все это мне помогло добраться в район Гуляй-Поля, но не жить, а только добраться и мигом пролететь мимо него. Здесь в окружности этого района я поселился и чувствовал, что я на Украине. Отсюда и началась организация под моим руководством крестьянского восстания.

Глава четвертая. ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

Июль месяц 1918 года. Я на Украине.

На тех самых широких степях, в веселых селах, среди того самого крестьянского населения, которое, до прихода Центральной Рады со своими могущественными сильными защитниками - немецко-мадьяро-австрийскими армиями и до водружения последними царства гетмана Павла Скоропадского, - так смело и настойчиво заявляло о своем торжестве над несправедливостью царского режима.

А теперь...

Теперь я их встречаю согбенными, забитыми, изнуренными, придавленными в своих свободных мыслях и в смелых и чистых стремлениях, - встречаю немыми, безнадежными.

Да и то встречаю далеко не всех. Многие из крестьян были уже расстреляны или посажены в тюрьмы, где, во многих случаях, они также бесследно исчезали. Другие остались в своих ограбленных избушках, не раз подвергаясь избиениям.

У оставшихся в живых крестьян я уже не видел такого энтузиазма, такой сплоченности и веры в свои стремления к трудовой социальной независимости.

И казалось, что вся та организация повстанческих крестьянских групп, которую я со своими близкими друзьями - Лютым, Марченко и Каретниковым - уже начали и при помощи которой мечтали в известном районе поднять повсеместное вооруженное восстание крестьян против гетманщины, - казалось, что все наши начинания пойдут прахом.

Какое тяжелое охватывало нас разочарование.

Но, не желая поддаваться всему мерзостному, что творилось гетманщиной, а равно и сдаваться без напряженной борьбы, я предложил своим друзьям всецело отдаться тому, что уже было нами начато, а в будущем время и жизнь сами покажут нам свои плоды.

Друзья мои с этим согласились, и мы сразу же, оставив Гуляй-Поле, выехали по району.

II

В своей работе по подготовке восстания по району мы еще много раз натыкались на затруднения.

Но своей крестьянской упорностью, своим недальновидным, способным более переживать, чем критиковать, умом мы все эти затруднения переживали.

И вот, спустя месяц после начала нашей организационной работы, мы увидели в целом ряде сел и деревень среди крестьянских обществ известный процент людей, которые по первому зову будут в наших рядах.

А спустя еще месяц, я получил от 32-х волостей александровского и части бердянского и павлоградского уездов сведения, что в каждой волости, по моему указанию, организованы инициативные группы, вокруг которых организуются повстанческие отряды.

Это еще больше укрепило во мне и в моих друзьях мысль о том, что нужно напрячь все силы и готовиться к открытому выступлению. А так как первым должно было выступить Гуляй-Поле, то мы сразу же и прибыли туда.

III

В Гуляй-Поле, до совета со всеми вооруженными, сидящими мирно по домам, крестьянами, мы решили сделать точную разведку в центре его и, если удастся, то взорвать австрийское командование, которое, по нашим сведениям, должно было скоро выехать из Гуляй-Поля, а между тем это командование расстреляло в Гуляй-Поле много крестьян. Поэтому-то и не хотелось выпускать его живым.

Для этого я лично переоделся в дамское платье и с товарищем Лютым пошли в центр Гуляй-Поля.

Там в расположении войск мы узнали, где что и кто помещается, и решили взорвать главное над гуляй-польским районом австро-венгерское командование, которое помещалось на соборной площади в доме Гельбуха.

Подойдя к этому дому, мы в комнатах никого не заметили, и направились поэтому к театру - разузнать, нет ли командования в театре. В театре его также не оказалось. Тогда мы вторично пошли к его помещению. У входа в это здание, у ворот стоял часовой.

В комнатах окна были раскрыты; а в столовой, два окна которой выходили на площадку и через которые хорошо было метать бомбы, сидело много военных. Между ними сидели также женщины и дети.

По силе бомба должна была разнести не только людей - палачей украинского народа, но и стены этой столовой.

Мы долго ходили по тротуару и думали: «за что же должны

будут сейчас погибнуть среди этих палачей женщины и дети, которые роковой судьбой очутились в эту минуту за столом этих непрошеных хозяев?»

Эти мысли нам, и особенно мне, не давали покоя, так как я прекрасно сознавал, что всякий политический террористический акт должен служить агитацией. Невинные же жертвы, не заслужившие смертной кары, противоречат этим принципам.

Это заставило нас уйти из центра Гуляй-Поля на свои нелегальные квартиры, оставив немецкое командование в покое.

На другой вечер собралось нас человек двадцать вооруженных карабинами, и мы еще раз пошли в центр Гуляй-Поля с целью взорвать это командование, но по пути поймали голову державной варты и несколько вартовых; но так как среди схваченных вартовых был также и наш человек, который был послан нами на эту должность с известной целью, мы принуждены были их всех отпустить.

Однако, произведенный шум заставил немецко-австрийское командование устроить облаву по Гуляй-Полю.

Отложив выступление, мы выехали в район под Синельниково.

В районе еще раз условились с несколькими своими повстанческими организациями о выступлении и 22 сентября 1918 года мы, взяв 7 человек из организации деревни Терновое, пулеметы системы Максима и Люйса, сели на тачанки и в 12 часов дня выехали по дороге через Лукашево на Гуляй-Поле (около 90 верст расстояния).

Проехав верст 25, подъезжая к Лукашеву, мы встретились с конным отрядом и, подпустив его на 70 шагов расстояния, скомандовали сдаться. Отряд схватил винтовки с плеч и взял их на изготовку.

Наш пулемет открыл огонь, и отряд сдался.

Разоружив его, мы узнали, что это отряд уездной варты под командой поручика Мурковского объезжает район.

Мы также назвали себя карательным гетманским отрядом, присланным из Киева по приказанию гетмана навести в бунтарском александровском уезде порядок.

Доказательством этого на мне была военная форма с погонами капитана. Командир разоруженного отряда этому очевидно поверил и рассказал мне, где, в каком селе и какие стоят немецкие и гетманские карательные отряды.

В конце концов я ему, командиру, и всем его подчиненным заявил, что я революционер Махно. - «Вы не бойтесь, я вас расстреливать не намерен. Вы ведь не отстреливаетесь». Заявление, что я - Махно, всех людей этого отряда по-видимому

обеспокоило, и они бросились ко мне с просьбой: - «Едемте, Махно, к нам; мое имение вон там-то; там, сколько хотите, получите от нас денег».

Услыхавши это, я приказал всех их расстрелять, как подлых людей, способных в любую минуту при других обстоятельствах казнить своих идейных классовых врагов, а сейчас, когда попались им в руки, хотят их честь подкупить.

Приказание было исполнено. Отряд был расстрелян. После чего мы некоторые тачанки оставили в хуторах, а сами сели на их верховых лошадей и поехали в Гуляй-Поле.

IV

В Гуляй-Поле нам остановиться не пришлось. В нем было полно немецких войск. Поэтому мы остановились в с. Марфополь, близ Гуляй-

Поля. Отсюда был послан человек в Гуляй-Поле с запросом, готовы ли гуляй-польцы к наступлению. Ответ был, что мое личное присутствие в Гуляй-Поле необходимо.

25 сентября я готовился к выезду в Гуляй-Поле, но австрийцы и гуляй-польская варта меня предупредили. Они, по обыкновению, во всем гуляй-польском районе делали на неделю два-три раза обыски у крестьян, ища оружия, неблагонадежного элемента и т. п., и как раз налетели на наше расположение. Мы успели, однако, запрячь лошадей в тачанки с пулеметами и выскочили за деревню. Лошади же верховых, седла, одежда все это осталось на квартире. Пока австрийцы, немцы и вартовые копались в нашей одежде, мы пришли в себя, я успел дать распоряжение нашим разбежаться по дворам, а сам с пулеметом и его первым номером повернулся прямо к бежавшим за нами, человек 12-15 австрийских солдат. Подпустив их на 8-10 саженей к тачанке, пулеметчик их в упор частью расстрелял, а частью обратил в паническое бегство; тех же, кто был во дворах, наши порасстреливали.

Сами, забрав все, что оставалось на квартире, быстро выехали в поле. Моментально об этом дано было знать в Гуляй-Поле. Немецко-австрийские войска из Гуляй-Поля прибыли в Марфополь, расстреляли хозяина, где я стоял на квартире, взяли с деревушки несколько сот тысяч контрибуции за убитых и возвратились обратно в Гуляй-Поле.

Само собой понятно, что как мы, так и крестьяне этого им простить не могли.

Я спустя сутки времени с несколькими гуляй-польцами ночью въехал в Гуляй-Поле, которое немецко-австрийские войска

покинули, оставив лишь роту свою и человек 80-100 вартовых.

А на другую ночь я собрал человек 400 вооруженных крестьян, и мы выгнали из Гуляй-Поля и остальных, народом не признанных, блюстителей законности.

V

Держа в своем распоряжении почту, телефонную станцию и станцию Л.Ж.Д. и оградив себя дозорами и разъездами, мы поспешили выпустить воззвания к крестьянам - одно в 20 000 экземпл., другое в 7000, призывая восставать и бить своих врагов немцев, австрийцев и всевельможного гетмана Скоропадского. Эти листовки через крестьян были доставлены всем раньше нами организованным по селам инициативным повстанческим группам. На районе тоже повстанцы начали атаковать немцев, австрийцев и гетманцев.

Это был первый открытый народный протест против своих насильников.

Но пока мы организовывались в Гуляй-Поле, немцы, австрийцы и гетманцы также не спали. Они - один из Полог, другие из Рождественки и Покровского - беспрерывно по телефону вызывали гуляй-польский революционный повстанческий комитет и вели с нами переговоры относительно входа их войск в Гуляй-Поле.

Если немецко-австрийское и гетманское командование считало необходимым нас своими переговорами задержать в Гуляй-Поле умышленно, с целью обложить Гуляй-Поле и взять меня в нем, то не менее важным мы считали со своей стороны продлить эти переговоры. И поэтому мы со своей мужицкой сметкой водили два дня за нос немецко-австрийских и русско-украинских гетманских все предвидевших генералов, доказывая им, что вход в Гуляй-Поле немыслим, так как мы против них поставили у стен Гуляй-Поля прочный фронт, и это вызовет лишние жертвы.

И пока они все это проверяли, мы сумели себя оградить всем на будущее и были уже готовы ко всякому их обложению и наступлению. Мы были готовы, чтобы сняться и проделать своей легкой, боевой и неуязвимой частью рейс по местам наших организаций.

VI

29 сентября я говорил по телефону с командиром немецких войск, находившимся в подлогах, последний, желая меня

поймать, все время держал меня у телефона, а сам пустил поездом к нам войска окружить Гуляй-Поле.

Об этом мне сообщили со станции, и я сейчас же выскочил им навстречу с 13-18 бойцами и двумя пулеметами (остальных 300-400 человек я разослал по домам, чтобы на случай неудачи не умертвить главное повстанческое ядро). Подпустив поближе движущиеся колонны противника, мы обстреляли их метким пулеметным огнем, и этим заставили их развернуться боевым фронтом.

Этим временем мы снялись и переехали через Гуляй-Поле. По пути переезда к нам присоединилось еще несколько десятков человек. Закрепившись на одной стороне Гуляй-Поля, а всесильные непобедимые войска на другой, мы до ночи обстреливали друг друга. Ночью мы отъехали от Гуляй-Поля на 35 верст в село Больш.-Михайловку (Дибривки), где и остановились.

Здесь я от крестьян узнал, что в Дибривском лесу имеется повстанческий отряд под командой Щуся. По объяснению моего помощника С.Каретникова, он Щуся знает еще с весны 18 г., ибо он был в моем отряде, боровшемся против Укр. Центр. Рады. Тогда я послал в лес двух своих бойцов с запиской Щусю - разыскать его и привести одного-двух человек ко мне, что и было бойцами исполнено.

Щусь вывел отряд из блиндажей (лесных прикрытий) на поляну леса, где и встретили меня. Сам Щусь в полной парадной немецкой военной форме, облегающей его стройную фигуру, вооруженный с головы до ног, был бодр и отважен. Отряд также был одет в чистенькую военную форму, но разнообразно. Хорошее вооружение придавало ему боевой вид.

На вопрос мой, что товарищ Щусь до сих пор делал с этим отрядом и что предполагает в будущем делать? - последний ответил: - все время делал налеты и убивал помещиков, которые возвратились в свои усадьбы и которые с немецкими, австрийскими и гетманскими войсками разъезжают по селам и карают за землю крестьян.

Это для меня, очевидца этих кар, о которых Щусь говорил, было так ясно и понятно, что противоречить или советовать ему что-либо я не мог; теперь же, повидав Щуся лично, а еще больше узнав о нем от своих друзей, я страшно не хотел, чтобы этот по натуре своей, по мужеству и отваге славнейший человек так безумно сгорел в неорганизованной борьбе.

Я попросил его только выслушать мой совет: наша организация намерена сорганизовать повстанческое крестьянское восстание против гетмана и немцев. Я просил его броситься в эту

бурю с великими общими, определенными целями, совместно с народом - именно трудовым народом и за народ. Это даст нам нравственное право поднять свой карающий меч против всех тех, кто угнетает народ и стремится своим мечем истребить нас. Совместно руководимые желанием трудового народа, мы, как сыны его, ринемся в открытый бой с нашими врагами.

Товарищ Щусь долго слушал меня, затем обнял, поцеловал и сказал: «Я пойду с тобой». Мы тут же посоветовались с ним о выводе его людей из леса в село, чтобы организовать всех крестьян с. Дибривки. Он выстроил людей своих, поговорил с ними, и мы вышли из леса. У села оба отряда встретились и тут же были слиты в одно нераздельное целое ядро одной, сильной духом и волей боевой единицы, которой и предполагалось сделать решительный открытый рейс по левобережной Украине с целью дать знать всем нашим подпольным организациям о времени выступать на борьбу с врагами повсеместно.

Сюда же, в с. Дибривки, мне донесли из района Синельникова, что из некоторых сел в этом районе, под давлением реакции, отряды наши выступили и ведут успешную борьбу с немцами и гетманцами.

Эти вести воодушевили крестьян из села Дибривки, и мы открыли записи добровольцев, пока только, - кто с оружьем.

В это же время мы спешно готовились пролететь по Мариупольскому уезду: подготовить крестьян этого уезда, так как здесь не было слышно ни о какой организации.

VII

Наряду с нашей организацией крестьянского восстания против гетманцев и немцев, Деникин также через своих агентов в спешном порядке организовал кулаков, помещиков, немцев-колонистов и вообще шатающихся без дела прохвостов против всякого народного освобождения за «единую неделимую».

Уже многие его отряды в 20 и 30 человек разгуливали по селам и деревням, приобщая народ к возврату к старому. Многие из этих отрядов под именем гетманских отрядов сносились с немецко-мадьяро-австрийскими частями и от последних получали оружие, патроны и другое снаряжение.

(Хотя гетманские и деникинские отряды по своей сути одно и то же... Они в действиях против большинства народа так представлены были, что отделить трудно).

В октябре месяце 18-го года в Бердянском уезде уже открыто выступил прославившийся своими пытками и расстрелами Дроздовский карательный отряд. В Мариупольском - отряды

Шарапова и Филатова. Со стороны Дона поглядывал генерал Май-Маевский со своими соратниками Виноградовым и Шкуро. Правда, эти поглядывали только, облюбовывали эту часть украинской земли, усыпанной тысячами помещичьих усадьб, немецкими колониями и богатыми хуторами. Здесь они на будущее предвидели свою почву, а пока главной базой их операции оставались Дон и Кубань.

В Мелитопольском уезде, под покровительством гетманщины, что-то творилось агентами генерала Тило.

Это меня и всех моих друзей из нашей организации, не имеющих за собой кроме брата мужика, ни оружия, ни патронов, ни каких бы то ни было денежных средств, очень беспокоило. В деникинской военной организации мы видели одного из серьезнейших врагов народа. Его организацию ни в коем случае нельзя было сравнивать ни с организацией тщедушной гетманщины, ни с «преславнейшими нашими спасителями» - немецко-мадьяро-австрийской организацией.

И временами нам казалось, что все наши начинания борьбы за волю и право трудящихся будут похоронены вместе с нами. Мы в своем организационном бессилии позорно принуждены будем отдать себя на самую подлую смерть врагам.

Но факел уже был зажжен. Восстание во многих селах началось. И началось под нашим влиянием и с нашим девизом: «Жить свободно -или умереть в борьбе». Кровь полилась.

Нам, организаторам этого пожара, если только мы были честны в своих намерениях, оставалось одно - во всеуслышание открыто и честно сказать: «так пусть же сильнее грянет буря». И, сказав это, броситься всем своим сердцем, всей душой и разумом, всем, что у нас было наисвятейшего, в ураган этой бури.

Глава пятая
ДИБРИВСКИЙ БОЙ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО

I

Был вечер 30 сентября 1918 года. Я помещался в волостном правлении с. Дибривки. До позднего вечера я проводил крестьянский митинг, до поздней ночи писал приказы отрядам, действовавшим на стороне, и, разослав их крестьянами, только в час ночи освободился и улегся на столы волостного правления уснуть.

Мои товарищи Щусь, Марченко и Каретник, уйдя к повстанцам поужинать, там же вместе с ними спали.

Мой личный адъютант находился в волостном правлении в другой комнате от меня. Не успел я задремать, как адъютант стуком в дверь моей комнаты разбудил меня. Слышу - ружейная и пулеметная стрельба. Вскакиваю, открываю дверь, спешно одеваюсь и тут же узнаю, что со стороны Покровского и Ново-Успеновки на Дибривку наступают. Стрельбу открыли наши заставы № 1 и 3.

К этому времени к волостному правлению сбежались все бойцы.

Во дворе правления стояло много тачанок с лошадьми. Противник перевел огонь одного пулемета на волостное правление, вследствие чего много лошадей наших было убито. Увидя это, я сделал распоряжение выхватывать из двора тачанки на руках и лошадей запрягать в них под прикрытием здания волправления.

Противник назойливо наступал на большой мост через реку Волчья, но наша застава успешно его отбивала.

Кто был этот противник, для нас пока не было известно. Предположение двоилось: или австрийцы или немцы-колонисты и помещичьи карательные отряды. И поэтому, когда лошади в подводы были запряжены, мы быстро сняли заставы и отправились в лес.

Жуткая картина при этом отступлении рисовалась перед нами: по улицам села выскакивали из дворов и бегали крестьяне и крестьянки с детьми, плача, и умоляли нас: «Не покидайте села, общими усилиями мы это наступление отобьем». Но, не выяснив, какие силы противника, из кого они состоят, мы задерживаться не могли и маленькой рысцой направились прямо к воротам леса (с. Дибривка, оно же Б.Михайловка, расположено над Дибривским

лесом). В это время наступающими был зажжен возле этих ворот крестьянский дом. Пламя пожара освещало площадь перед лесом, а из самих ворот был открыт по нас пулеметный огонь.

Мы бросились в другую сторону леса.

Здесь, прежде чем пропускать подводы в лес, я спешил человек 3035 наших бойцов и поставил их угольником на случай обстрела нас со стороны леса или из-за Волчьей, чтобы сбить этот обстрел и таким образом дать возможность войти обозу в лес.

Едва успел крикнуть - Щусь, давай обоз! - как со стороны леса был открыт по нас меткий ружейный огонь. Я лег и крикнул - взвод, огонь! и одновременно выстрелил из своего карабина; но услышал я только свой выстрел, взвода возле меня не было. Он весь убежал в улицу под прикрытие домов, где стоял обоз и остальные бойцы. Я также приподнялся и перебежал в улицу. Противник не прекращал обстреливать подход к лесу. Приближался рассвет. Бойцы волновались.

Я быстро установил пулемет по направлению стреляющих. Сам взял эти 30-35 бойцов, спустился через канаву в лес и одновременно, -пулемет с одной стороны, а я с бойцами с другой, - открыли огонь по противнику. Вскоре, благодаря этому, проход в лес нами был занят. Противник, поспешно отступая, оставил нам несколько подседланных верховых лошадей, к деревьям привязанных. По лошадям мы узнали, что наступают помещики дибривского района, но не знали только, сами ли или же при поддержке мадьяро-австрийцев.

После тов. Щусь с частью бойцов направился к своим блиндажам, а я с частью пошел лесом к тем воротам, где горел дом и откуда нас обстреливали из пулемета.

У ворот противника уже не было. Он вступил в село. Крестьяне мне сейчас же донесли, что в село вступил батальон австрийцев, кроме того много варты, помещиков и крупных собственников. Я послал в село своих разведчиков, дав им задачу точно узнать, как и где расположены эти войска.

Одновременно вызвал из блиндажа Щуся со всеми людьми к воротам. С прибытием Щуся в воротах, прибыла и моя разведка из села, которая донесла, что в селе стоит человек пятьсот австрийцев, около 100 человек помещиков и крупных собственников и человек 80 гетманских вартовых. Все они расположены на церковной площади села и чего-то суетятся.

Я предложил Щусю наступать на село. Он высказался против. Тогда я обратился с речью к бойцам и крестьянам, которых также много из села вышло с нами. В речи я резко подчеркнул, что лучше умереть на глазах народа в неравной схватке с его врагами и этой смертью показать ему, как сыны его умирают за свободу,

чем ожидать здесь в лесу, пока стянут войска буржуазные сатрапы и уничтожат нас. С этим согласились все присутствующие. И тут, у ворот Дибривского леса, эти присутствующие мне сказали: «Отныне ты наш батько, и мы с тобой умрем».

После этого я дал тов. Щусю задачу идти с частью бойцов при одном пулемете сист. Максима в обход. Сам я с остальными, при одном пулемете Люйс, тихо пошел через огороды, дворы и заборы цепью в наступление.

Крестьяне, крестьянки и их дети всюду во дворах и на улицах встречали нас и плакали, не пуская, приговаривали: - куда вы идете, их багато, вы загините. - Крепясь сердцем и заглушая тревожные мысли, я со своими бойцами дошел до последней улицы перед церковной площадью. Здесь я еще раз подготовил бойцов к этому безумно-отважному налету.

II

Расставив цепью бойцов, я сам подполз ближе к площади, на которой лежали австрийцы, стояли пулеметы, метались из стороны в сторону с винтовками и централками за плечами помещики, крупные собственники и вартовые. Я выяснил для себя, когда и откуда наилучше ударить на незваных пришельцев и когда получил известие, что Щусь уже у назначенного места, я подал команду - огонь! Стреляли по противнику на расстоянии 80-100 шагов, и огонь наш был настолько меток, что австрийцы не успевали стрелять.

Увидев это, я крикнул бойцы - в атаку! Ура! - И мы все, как один, бросились в атаку.

В это время Щусь с противоположной стороны открыл пулеметный и ружейный огонь.

Австрийцы бросились в паническое бегство по дороге на с. Покровское, оставив нам два пулемета, 22 подседланных лошади, бричку патронов и массу винтовок. Помещики, крупные собственники и вартовые бросились через дворы и, убегая, зажигали крестьянские дома и солому.

Село Дибривки заворошилось, точно муравейник: крестьяне выскакивали с вилами, косами, топорами и ружьями и беспощадно убивали австрийцев, вартовых и помещиков.

Таким внезапным и смелым налетом мы выбили из с. Дибривки этих непрошеных пришельцев-убийц и преследовали до с. Покровское.

Много пленных привели бойцы с поля битвы. Помню - крестьяне так были увлечены в этот бой, что не обращали никакого внимания на то, что 9-10 дворов, зажженных

отступавшими, уже почти догорали. Они все почти были за селом и каждого пленного хватали у бойцов; и, убивая, приговаривали: «колы мы вже вас здыхаемося».

Помню - возвращаясь с боя, я с трудом отстоял 20-25 австрийских солдат, среди которых много было галичан-украинцев, и которых крестьяне уже раздели и избивали.

Их пришлось накормить, перевязать и под конвоем вывезти за село на ст. Просяную.

Вартовых же всех было приказано расстреливать, как подлых лакеев гетманской буржуазии.

III

Наступил вечер 1 октября. С необыкновенным подъемом я провел крестьянский митинг, после которого наши ряды пополнились вдвое.

С этих пор из села Дибривки слова: «Батько Махно» передавались во все стороны из уст в уста самими крестьянами. Отсюда крестьяне, крестьянки, их дети слово «батько» передавали с неожиданным для меня самого уважением и любовью во все деревни и села Украины. Оно же подхватывалось и всеми отрядами. С этих пор и пришлось подписываться на всех воззваниях и официальных бумагах вместо Махно - батько Махно.

- А хорошо ли это? - задавал я иногда себе этот вопрос. Но ответа на него не находил.

Мои друзья уговаривали меня, что так привыкли называть меня в народе. Это успокаивало меня.

IV

Ночь с первого на второе октября прошла спокойно. Каждый из нас ложился и вставал с каким-то приподнято-напыщенным чувством победителей.

На следующее утро нам нужно было выезжать. Но ввиду того, что со всех концов района приходили добровольцы-крестьяне и записывались в отряд, выезд был на два дня отложен.

Поэтому поутру я сам выставил наблюдателей. Затем взял с собой прапорщика Петренко, как военного и знающего хорошо лес, и выехал с ним на всякий случай осмотреть, - удобна ли позиция. Отъезд этот занял у меня около трех часов времени.

А когда я возвращался обратно в село, то по пути встретил отряд свой, который мчался во всю рысь в лес.

Здесь я узнал, что со стороны села Покровского движется много кавалерии и пехоты. Каретник, Щусь и Марченко с двумя

пулеметами и кавалерией выехали на встречу, но, заметив силы противника, сейчас же возвратились в лес.

К этому времени австрийцы, установив батарею, открыли по селу Дибривки огонь, в одно и то же время бросив один батальон пехоты на село, а два при 200-300 кавалерии - на обхват леса.

На помощь им со всего Дибривского и Больше-Янисельского районов потянулись немцы-колонисты, крупные собственники, помещики и вартовые со своими мелкими отрядами. Тянулись они бесконечными вереницами с необыкновенным воодушевлением и радовались, что теперь именно, в Дибривском лесу, возьмут и Махно, и Щуся. Отряды эти тоже рвались к лесу, беспорядочно обстреливая его.

Но мы заняли позиции с двух сторон, которые были неподступны потому, что их отрезывали реки Каменка и Волчья.

Регулярные австрийские части несколько раз пытались нас с этих позиций выбить, но нам легко удавалось заставлять их отступать или же ложиться и молча, притаившись, лежать.

День спускался к вечеру.

Село Дибривки зажжено и горит. Крестьяне - на подводах, верхом на лошадях, пешие - из села разбегаются во все стороны.

Австрийцы одних заворачивают, других расстреливают, а третьих просто раздевают и, отобрав лошадей, бросают в поле.

Прибежавшие в лес из села, крестьяне рассказывают, что дворов целых в селе не останется; его специально, по всей вероятности, приехали сжечь, так как по улицам ходят из двора во двор и зажигают.

Зажигали его все: и помещики, и немцы-колонисты, и вартовые. Не оставались без участия в этом гнусном деле и регулярные австрийские части.

Солнце зашло. Наступили сумерки. Но от горевшего села Дибривок лес освещался, точно днем.

Батарея перевела свой огонь из села на лес.

Я узнал от т. Щуся, где наилучший выход из леса и, посоветовавшись с ним, сделал распоряжение сняться всем с позиции и тихо выезжать вдоль реки Каменки на с. Гавриловку (расположенное в 12-15 верстах от Дибривок).

Крестьян и крестьянок, которые оставались в лесу, мы просили не падать духом. Мы говорили им, что все, что сейчас враги наши творят в селе Дибривки, - завтра или послезавтра обрушится на них.

Крестьяне многие говорили: «Пусть сгорит все наше в селе, лишь бы вы остались живы. Мы надеемся, что все же мы победим».

Из леса мы выехали благополучно, без всяких поражений.

Село Дибривки все сильнее и больше охватывалось огнем, и путь наш до села Гавриловки освещался словно днем.

V

Артиллерийский обстрел леса не прекращался. Гул его доносился к нам и этим напоминал нам кошмар, переживаемый крестьянами-дибривцами.

Село Гавриловка было все на ногах. Въезжая в него, мы говорили крестьянам, что мы - губернская державная варта и тут же спрашивали: - Не бежали ли здесь банды Махно и Щуся? - На что получали ответ:

«Мы таких банд не знаем и не слыхали». И в свою очередь спрашивали нас: «А что это по направлению Дибривок горит, и что за стрельба оттуда слышится?»

И когда мы им объясняли, что это мы зажгли с. Дибривки за то, что они, дибривчане, бунтуют против нашего гетмана и наших союзников немцев и австрийцев, спасших нашу Украину, то некоторые из крестьян восклицали: «Ага, так им и надо! Там где-то и наши сыновья поехали им отомстить, а то они - эти дибривцы - организовались, и им ничего не сделаешь». Другие же, понурив голову и тяжело вздыхая, спрашивали: «Да неужели сожгли всю Дибривку?..»

После долгих объяснений мы узнали, что злорадно восклицавшие: «ага, так им и надо!» - были крупные собственники, сыновья которых находились в карательных отрядах и сейчас были в с. Дибривках.

Поэтому было сделано распоряжение все дома этих собственников сжечь.

Из Гавриловки мы переехали через Ивановку в одно из помещичьих имений, где и остановились на отдых.

Хозяевам экономии было заявлено, чтобы они никуда из экономии не выходили. Сами мы зарезали быка, и кто готовил завтрак, а кто улегся спать. Было утро. Солнце чуть-чуть подымалось в направлении с. Дибривок. Зарева уже не было видно. Но черные клубы дыма еще закрывали синеву неба, и это напоминало нам вчерашний день.

Я долго думал о нем, но в конце концов от страшной усталости уснул.

Спустя некоторое время меня разбудили и доложили, что наши разведчики привели из села Андреевки (Клевцово) тачанку с тремя вооруженными немцами-колонистами, ехавшими из села Дибривок. Их ввели ко мне. На вопрос мой: «Вы, бандиты, где были?» - я получил ответ: «Мы не бандиты; мы бандитов ездили

бить».

От них я узнал, что они ездили в село Дибривки ловить Махно и Щуся, но что им этого из-за трусости австрийцев не удалось; но зато село Дибривки все сожгли, как они говорили. Я долго с ними беседовал на эту тему. И они, считая, что говорят с начальником отряда губернской державной варты, каким я им представился, подробно мне описали, как расстреливали и избивали крестьян, как жгли дома, как быстро и сильно загорелось все село, и как еще продолжает гореть. Все это я, скрепя сердце, выслушал и затем сказал, что это хорошо, так только и можно проучить непокорных крестьян и заставить уважать пана гетмана и его законы.

- Да-да! - подхватили немцы-колонисты. Но когда я сказал им: «Спасибо за ваши новости; они для меня очень важны; они, ваши новости, говорят, как я, Махно, должен с вами поступить сейчас», и когда я подозвал к себе Щуся и показал им его, - они остолбенели. И затем уже, когда я сказал, что народные убийцы не должны бояться кары, -хотя бы она выражалась смертью, - немцы-колонисты видимо пришли в себя и заявили мне: - Мы пойдем с вами и будем верно служить вам.

Я лично не мог дальше опрашивать их. Я схватился руками за голову и, убегая от них, неистово плакал.

Меня не интересовала ни их смерть, ни жизнь. Я видел в них подлых людей и старался больше не видеть...

VI

Мысли мои были в селе Дибривки. И я, точно помешанный, ходил по двору экономии, устремив свой взор в направлении этого села, из которого поднимались черные клубы дыма, застилая собой все небо.

Во мне что-то страшное подымалось, и я испугался сам себя. Это заставило меня поспешить увидаться с кем-либо из близких мне людей.

Я направился к помещению, где прежде отдыхал. По пути встретился с тов. Каретником, который шел доложить мне, что разъезды поймали еще несколько тачанок с немцами-колонистами и собственниками хуторянами; что все они были вооружены, говорили то же, что и первые, ввиду чего их казнили. Ничего не ответив на это, я приказал, чтобы объявили всем приготовиться к отъезду.

В задачу нашу входило, как можно скорей объехать села и местечки уезда и проинформировать крестьян о том, что австрийцы и гетманцы сделали с селом Дибривки.

При выезде из имения наши разъезды привели еще одну тачанку с 4-мя вооруженными немцами-колонистами. С ними же сидел и один крестьянин с. Дибривки, которого колонисты в чем-то заподозрили и взяли с собой в колонию для пыток.

От этого крестьянина мы подробно и более или менее верно узнали, что сделано с Дибривками, и кто все это сделал. Больше всего жгли, свирепствовали и расстреливали в с. Дибривках немцы колонии «Красный кут» и хуторяне «Фесуны» и «Хомычи».

Записав все это, мы выехали по своему маршруту.

VII

Спустя три дня, мы приблизились к колонии «Красный кут». Было решено взять ее.

- Колония эта хорошо вооружена, - говорили крестьяне соседних с нею деревень.

Ровно в 2 часа дня 5-го октября мы эту колонию оцепили и заняли без выстрела. Сразу поймали 21 хозяина и разоружили. Остальные хозяев 40 еще не возвращались из с. Дибривок. Пока мы собирали и свозили оружие к себе, нам попались еще несколько человек, приехавших из села Дибривок. Отобрав оружие и выслушав рассказ об их злодеяниях в Дибривках, мы их всех расстреляли.

Колонию собственников-хуторян «Красный кут» мы, кроме школы, сожгли. Затем выехали на другой хутор собственников, жегших Дибривки, - «Фесуны», который мы также сожгли. Затем мы направились в Гуляй-Поле.

По пути мы встретили возле имения помещика Гизо самого Гизо, при обыске у которого в кармане оказался револьвер и фотографичес-

кая карточка Щуся. Помещик Гизо, когда зажигал дом матери Щуся, снял со стены эту карточку и взял с собой. Само собой понятно, что и бойцы, и сам Щусь не могли простить Гизо. Они его только спросили, где он ее взял, и, получив ответ - «в доме Щуся», - расстреляли.

Отъехав отсюда верст 15-20, мы остановились в именин Серинова (что в 7 верстах от села Дибривки) на отдых.

VIII

Проездом мы, - я и Щусь, - взяв с собой несколько всадников, заехали в с. Дибривки, где при въезде, кроме попов и самой незначительной кучки крестьян, шедших с крестом, хлебом и солью в руках из лесу, чтобы встретить нас, мы никого не видели.

Кругом виднелись одни черные развалины да закопченные стены крестьянских домов.

Изредка по улицам пробегали теленок, свинья или собачонка, которые, вероятно, не дали поймать себя.

Население же почти все было в соседних селах; а кто вернулся домой, тот сидел, понурив голову, задумчиво и печально в полуразрушенных стенах сожженных своих домов. Здесь мы точно узнали, что домов сожжено 608. Ограблено все село; количество расстрелянных еще не было выяснено.

Это вызвало внутри каждого из нас еще более острое чувство мести к своим врагам.

Из Дибривок мы обратно возвратились к своим частям.

Наш рассказ о том, что сделано с селом Дибривки, так взволновал бойцов, что они все, как один, плакали и умоляли: «Веди нас, батько, на врагов; мы отомстим».

Видя такое настроение, я глубоко верил, что пусти сейчас этих двести-триста человек на любой австро-венгерский или немецкий полк, они разнесут его. Не говоря уже о варто-гетманских частях или о карательных помещичьих отрядах.

Но я так же хорошо знал, что цель нашей борьбы - не резать, не рубить, а победить своих противников.

Поэтому, посоветовавшись с товарищами по организации восстания, я распорядился по штабу издать приказ отрядам, чтобы отныне ни одни немец колонист, собственник хуторянин или помещик никем не расстреливался без моего и штаба ведома.

В задачу революционно-повстанческих отрядов имени батько Махно (как они в это время себя называли) входило: как можно больше собрать у наших врагов оружия и денежных средств и поспешить вооружить революционных крестьян известных нам районов. А поэтому, вменялось всем отрядам в обязанность следующее:

1) Каждый отряд, вступая в немецкую колонию, хутор или имение, в первую очередь, собирает (командир) всех хозяев колонии, выясняет вместе с ними их состояние, накладывает на них денежную контрибуцию и объявляет сбор оружия.

2) За каждую винтовку с десятью патронами три тысячи из контрибуционных денег вычитывается в пользу хозяев, сдающих оружие.

3) Если хозяев, желающих сдать оружие, не оказывается, вменяется командиру отряда в обязанность под самую строжайшую ответственность подвергнуть имение, колонию или хутор самому тщательному обыску.

И если при обыске оружие обнаружено не будет, - оставлять хозяев в покое, в противном же случае расстреливать.

4) Необходимые для подвод и всадников лошади берутся у упомянутых хозяев по принципу: у кого свыше пяти штук, - без возмещения, и у кого меньше или пять, - с возмещением.

5) Тачанки берутся безвозмездно.

6) Все активные, вооруженно выступающие против нашего освободительного движения, считаются злейшими врагами трудового народа и, смотря по их социальному положению, могут быть расстреливаемы командирами отрядов на месте их действий. Дабы не случилось в этом ошибок, лучшим и справедливым судом в таких случаях должен быть опрос крестьянских сходов тех сел или деревень, где жил и попадается противник.

Когда этот приказ был разослан отрядам и пояснен тому отряду, который находился при мне, мы сразу отложили наступление на Гуляй-Поле и направились в мариупольский уезд собирать по хуторам и немецким колониям оружие.

В течение недели мы собрали массу винтовок, шашек, тысяч 500 денег и попутно организовали целый ряд небольших отрядов.

Через ст. Маерское мы направились в Гуляй-Поле. По дороге под старым Керменчиком мы наткнулись на батальон австрийцев и хорошо потрепали его. Под Темировкой другой австрийский отряд потрепал нас. Но это нас не страшило, так как то и дело приходили к нам донесения от разбросанных наших отрядов о новых транспортах отобранного у немцев оружия.

Наши отряды увеличивались, росли и развивались.

Нам оставалось только позаботиться занять Гуляй-Поле, чтобы поставить на месте главный военный центр для всех повстанческих отрядов и как следует развернуться в своих операциях.

В средних числах октября месяца 18 года мы в бердянском, мелитопольском и александровском уездах разогнали всех помещиков, в первые дни революции бежавших из своих имений, а затем под охраной немецко-мадьяро-австрийских банд возвратившихся, и заняли Гуляй-Поле...

Именно из Гуляй-Поля и началась серьезная боевая подготовка моя против Деникинщины.

Глава шестая
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

I

Еврей, вздохни свободно. В дни царства Крушевановых, Пуришкевичей и Марковых вторых ты не раз был принужден покидать свои мирные лачуги и долгие годы скитаться вдали от родины без крова, ласки и утешения. Ты изнемог. Вздохни и будь свободным, как и все народы. - С такими словами в 1917 году на многотысячном митинге на соборной площади села Гуляй-Поле я обратился к евреям, когда меня во время речи из толпы спросили: - А как вы, Нестор Иванович, смотрите на жыдив, что вместе с ними заседаете в президиуме общественного комитета. (Общественный комитет села Гуляй-Поле в своем представительстве был всесторонен, а потому всегда отстаивал право участвовать в нем каждой организации, почему и еврейская община имела в нем своих представителей).

И я своих слов не забыл. Я не отрекся от них, как Петр от Христа. Когда я видел, что на пути моей ответственной революционной работы эти слова не оправдывались, когда свобода и жизнь еврейства насиловалась, я всех насильников уничтожал.

В доказательство вышеизложенного приведу следующие факты:

Был декабрь месяц 1918 года. Имея в своем распоряжении несколько тысяч хорошо вооруженных крестьян и рабочих, я занимал гришинский, цареконстантиновский, бердянский и мелитопольский боевые участки против деникинцев. Одновременно с этим у меня завязался ожесточенный бой с частями украинской Директории в Екатеринославе. Находясь при своих частях в Екатеринославе, получаю телеграмму из главного своего штаба в Гуляй-Поле, которая гласит, что на днях в Гуляй-Поле прибыл вновь организованный отряд Метлы. Штабом этот отряд был направлен на цареконстантиновский боевой участок в распоряжение н-ка боевого участка Куриленка. Куриленко распорядился, чтобы вновь прибывший отряд, как отдельная рота, влился в полк. Отряд Метлы отказался исполнить это распоряжение и ушел в свой район, разгромив по дороге еврейскую колонию № 2.

Это известие меня сильно обеспокоило. Я дал в штаб телеграмму: немедленно выделить из полка хороших бойцов и

под руководством ответственного лица настичь отряд Метлы и обезоружить. Главарей расстрелять.

По возвращении после неудачных боев под Екатеринославом в Гуляй-Поле, я выяснил, что колония № 2 совершенно разгромлена и сожжена. Часть жителей перебита, часть разбежалась, а часть в подводах у добровольческих частей. Виновники этого злодеяния расстреляны не были, так как они тогда же вышли из подчинения наших командиров и разошлись по домам.

Весть о разгроме еврейской колонии быстро разнеслась по всем моим частям, и у большинства повстанцев вызвала целый поток протестов и возмущений. Многие из повстанцев, зная мое отношение к подобного рода злодеяниям, прислали мне через своих командиров следующие заявления.

«Батько, мы по борьбе истинные ваши сыны, сыны нашего народа. Верьте нам, что мы, услыхав о разгроме отряда Метлы еврейской колонии № 2, знаем и чувствуем, как это отозвалось на вас. Верьте, что с такой же болью, как и вы, мы вместе с нашим сердцем и разумом переживаем этот позор. Клянемся вам, батько, что среди нас в наших частях такого отношения к еврейству не замечается, а если появится, то вашим именем мы его уничтожим. Поддержите нас в этом». Такая резолюция на меня, упавшего было духом и опустившего руки в борьбе против деникинщины, произвела благотворное действие.

Я издал и разослал по всем частям приказ, в котором ясно обозначалось, что всякий грабеж, изнасилование или убийство не только еврея или мирного жителя какой-либо другой нации, но даже человека, стоящего в рядах наших прямых противников деникинцев без ведома штаба боевого участка, повлечет за собою расстрел всех командиров той части, в которой окажутся преступники. В случае неисполнения приказа - сам застрелюсь, чтобы не видеть и не слышать о подлых людях, творивших моим именем нечеловеческие преступления.

Этот приказ, помню, вызвал среди повстанцев горячую готовность стоять на страже справедливых отношений как к мирным жителям, так и к захваченным противникам.

Правда, но отношению к противникам, в зависимости от момента, наша тактика менялась, но по отношению к мирным жителям независимо от того, к какой нации они принадлежали, сохранялось самое миролюбивое отношение.

II

Был февраль 1919 года. Деникинцы девять дней осаждали

Гуляй-Поле со стороны Полог и Цареконстантиновки. Гуляй-Полю каждую минуту грозило нападение. Благодаря усиленной общей работе населения, в том числе и еврейского, по рытью окопов, по смене людей на фронте, мы геройски выдержали тот натиск со стороны противника и, в конце концов, заставили генералов Тило и Виноградова и их приспешников позорно бежать десятки верст.

Успех на фронте дал мне возможность глубже заглянуть в общественную жизнь района. Наряду с жизнью сел и деревень вообще, я заинтересовался жизнью еврейских колоний в частности. Таких колоний в нашем районе разбросано довольно много.

Собрав всех старост этих колоний и выяснив, сколько жителей в каждой из них, чем они занимаются и как живут, я поинтересовался, посещают ли их ночные грабители, заезжают ли к ним повстанцы, и если заезжают, то, как ведут себя. Мне сказали, что грабители изредка по ночам действительно появляются. Повстанческие отряды тоже порой заходят и в массе своей относятся к еврейскому населению миролюбиво. Были случаи, когда повстанцы сами тут же на глазах еврейского населения секли шомполами своего товарища выскочку, попытавшегося обидеть «жида».

Выслушав все это, я тут же предложил всем старостам организовать в своих колониях самоохрану,

По штабу мною было отдано распоряжение - выдать на каждую колонию по 8 винтовок и по 10 патронов к каждой из них. Через самый короткий срок это распоряжение было в точности выполнено.

Это вооружение еврейских колоний не было секретом, и о нем скоро узнали окружные села.

По наветам погромных элементов, везде и всюду кричавших, что жидов нужно бить, ко мне из сел стали доноситься голоса - почему, мол, батько Махно вооружает евреев, почему он так заботится о них.

Услышав это, я и некоторые из членов культурно-просветительного отдела при главном штабе провели по селам целый ряд митингов на эту тому.

Когда же один анархист письменно запросил меня, как вы, батько, смотрите на евреев, я ответил ему открытым письмом в 3-м номере газеты «Гуляй-польский Набат», выходившей тогда в Гуляй-Поле.

С этого времени в нашем районе начался резкий перелом в умах крестьянства по поводу еврейства.

Евреи от колоний участвуют в 2 и 3 районных съездах в Гуляй-Поле. Евреи вступают в семью общественного

строительства.

По зову военно-революционного совета, избранного съездом, евреи дают так же, как и все крестьяне, в ряды революционно-повстанческой армии Украины махновцев своих сыновей.

На сомнение многих в том, что из евреев будут хорошие воины, я отвечаю тем, что группирую всех евреев в отдельную боевую единицу. Узнаю, что среди евреев этой боевой единицы есть артиллеристы старой службы и поручаю им сорганизовать полубатарею.

Когда же я увидел, что эта полубатарея прекрасно сорганизована и дисциплинирована, я расширяю ее в батарею с еврейской полуротой прикрытия.

Таким образом получается отдельная боевая единица, состоящая исключительно из евреев, которая добровольно, руководствуясь исключительно лишь чувством гражданского долга, становится рядом с десятками других таких же боевых единиц, как она, но состоящих из крестьян и рабочих, переносит вместе с ними вес тяжести и лишения фронтовой жизни, проливает кровь, кладет свои жизни за общее дело всестороннего раскрепощения трудовых народов Украины.

В марте месяце я уже соединился с Дыбенком и занимал своими частями Бердянск, Мариуполь и стоял под стенами Таганрога. Дыбенко направлялся на Крым.

Открылся широкий простор для деятельности. Организационный отдел штаба выдвигает полк за полком и ставит их на фронт, снимая оттуда людей уставших.

Еврейские колонии организовались во взводы и тоже выступили на фронт. Выступила из Гуляй-Поля и потянулась на позицию и еврейская батарея со своим обозом и прикрытием.

Помню, я, возвращаясь с фронта, встретил под селом Ново-Успеновкой еврейскую батарею со всем своим обозом и прикрытием, едущую на фронт. Я сошел с автомобиля и попросил едущих остановиться. Ко мне подошел командир батареи Шнейдер и попросил разрешения выстроить батарею по всем правилам, ибо бойцы хотят услышать от меня напутственное слово. Не успел я ответить, - как батарея, обоз и прикрытие стояли уже на своем месте.

Я сказал им краткую речь. Закончил ее призывом к бойцам, - доказать своей примерной и искренней сплоченностью с крестьянской армией, что еврейский народ вовсе не заслуживает того попирания его воли и чести, которое на него так часто обрушивается со стороны различных громил и хулиганов.

Многие из бойцов заплакали. Заплакал и сам командир. Охваченный наплывом чувств, я замолчал...

Когда бойцы успокоились немного, из их рядов послышалось: «Благослови нас, батько!.. Мы пойдем и будем честно сражаться в рядах твоей армии до последней капли крови, но дай нам твое честное слово, что ты и впредь будешь также отстаивать наши права и честь». Эти искренние обещания меня глубоко тронули. Я сказал: «С помощью вашей чести, смелости и геройства мы их отстоим»...

Поговорив еще с командиром и дав кое-какие напутственные указания, я простился с отрядом и поехал в одну сторону, а они в другую.

Спустя месяца полтора-два после этого я узнаю следующее: военному комиссару села Ново-Успеновки было сообщено, что, якобы, евреями колонии Назарьевки, что в 7-ми верстах от с. Ново-Успеновки, убиты и выброшены в поле три повстанца. Не долго думая, этот комиссар берет с собою человек 13 распущенных по домам повстанцев, едет в колонию Назарьевку и убивает в отместку несколько человек евреев.

Узнав об этом, немедленно снаряжаю комиссию и высылаю ее на место преступления выяснить точно, кем и при каких условиях были совершены убийства.

По возвращении комиссия сделала доклад о своей работе. Она выяснила, что под колонией Назарьевкой действительно валяется три разложившихся человеческих трупа. Но кто эти убитые, кем и когда они убиты, выяснить так и не удалось. Можно было предполагать, что это - жертвы проходившего здесь несколько недель тому назад деникинского карательного отряда. Узнав об этих трупах и увидев их воочию, Ново-Успеновский военный комиссар с 13-ю людьми 7-го заднепровского полка решил, что это трупы повстанцев, убитых жителями колонии и самочинно расстрелял за это несколько человек евреев.

Узнав обо всем этом, штаб послал в Ново-Успеновку отряд, который арестовал всех участников убийств евреев с военным комиссаром во главе, и доставил их в Гуляй-Поле.

Судила их особая комиссия, составленная из комиссара моей дивизии Петрова, присланного из центра, Николая Чубенко и еще нескольких человек повстанцев.

С глубоким интересом следил я за работой этой комиссии, а в душе моей проносились свежие образы людей, ушедших на фронт с батареей Шнейдера.

Сильно прислушиваясь к мнению комиссара дивизии, комиссия вынесла постановление всех этих, хотя и слепых, но все же убийц ни в чем неповинных мирных жителей - отправить на фронт. Против такого постановления я запротестовал и настаивал на расстреле главного виновника этих убийств - успеновского

комиссара и с ним пяти человек самых активных участников в этом деле. Комиссия вторично рассмотрела дело и, согласившись с моими доводами, признала необходимым расстрел. Виновных вывезли за село и расстреляли.

Весть о столь решительной расправе с убийцами евреев быстро разнеслась по району и произвела сильное впечатление.

После этого случая прошло лишь несколько дней, как вдруг получаю с фронта письмо деникинского генерала Шкуро.

Письмо это от 9 мая 1919 года, писанное начальником штаба Шкуро полковником Шифер-Маркевичем. В нем между прочим говорится: «В виду того, что у нас белых и у вас махновцев одни цели, а именно - вы бьете жидов и коммунистов, и мы их бьем, нам незачем с вами драться. Пойдемте вместе - ведь мы русские люди» и т. д.

Какой ненавистью, каким презрением к таким русским людям наполнилось вес мое существо при чтении этого наглого предложения. Когда я выгонял генерала Шкуро из сел и деревень, то заставал почти в каждом селе сотни изнасилованных женщин, малолетних девочек и семидесятилетних старух, плачущих и проклинающих шкуровских удальцов. Мирных крестьян, стариков, массами секли шомполами и расстреливали эти русские люди.

На это письмо был дан достойный ответ русскому человеку генералу Шкуро в 3-м номере нашей газеты «Путь к свободе».

Но этого мало. Русскому человеку нужно было на деле показать, как относятся революционные повстанцы махновцы к «жидам»...

И ему это показали евреи повстанцы со своим командиром Шнейдером во главе...

Долго будут помнить шкуровцы, с каким трудом они брали еврейскую батарею, как она била в них в упор до последнего момента, сколько выбила их из строя и досталась им только тогда, когда командир и большинство артиллеристов лежали подле нее мертвыми...

Не забуду и я этих честных героев, смертью храбрых полегших в жестоком бою за общее народное дело.

В июле месяце 1919 года, порвав с большевиками, я оперировал уже в тылу красных по Херсонщине с отрядом в 100 человек.

Здесь во многих селах я встречал развалины недавно сгоревших хат. Когда я спрашивал у крестьян, что это за развалины, мне почти везде отвечали одно и то же. «Це хаты жыдивськи... Тут проходив атаман Грыгорьив со своим отрядом, так ото жыдив поризав, а хаты их попалыв».

11-го июля я остановился в селе Покровке в 25 верстах от города Елисаветграда. Здесь я от крестьян узнал, что на днях г. Елисаветград занимал Григорьев и вырезал там много евреев.

Вернувшаяся к вечеру контрразведка донесла мне, что в городе Елисаветграде стоит только один батальон большевистской пехоты. Отдаю распоряжение частям к рассвету 12-го июля занять город.

Расспросив у крестьян обо всех подходах к городу, мы на рассвете повели на него наступление. Быстро и легко заняли первую половину города без ранений и потерь с нашей стороны. Когда же начали вступать во вторую половину города, то сразу почувствовали решительный протест и мужество тех, кто выступил против нас. С одной стороны била по нас отступающая пехота, с другой - с чердаков, окон и подвалов домов стреляли по нас жители города и кричали друг другу: «Не сдавайтесь, - наступают банды Григорьева, они нас всех перебьют».

Как только мне донесли об этом, я приказал сейчас же оттянуть части.

13-го июля в селе Компаниевке я встретился с атаманом Херсонщины (как он себя величал), Григорьевым. Это был плотный, приземистый, говорящий в нос, грубый, самоуверенный, с некрасивым тупым лицом человек, вечно ругающий «жида» Троцкого.

Окружали его такие политические лица, как Селянский, Колюжный. Иногда к нему в штаб наведывался украинский эсер Кропорницкий.

Военная сила Григорьева состояла в это время из одного горного орудия на волах, при котором не было ни одного снаряда, двух пулеметов и человек 130-150 босой, сильно ободранной пехоты.

После четырехдневных политических споров, после уверений и клятв со стороны Григорьева, что он погромов над еврейским населением не чинит, мы пришли с ним к соглашению работать вместе против большевиков.

Однако, находясь в связи, мы совершенно не доверяли друг другу, и как с моей, так и с его стороны контрразведка работала во всю.

20-го июля мы въехали в село Сентово. Здесь, как и во многих предыдущих селах, мы застали разгромленными крестьянскую потребиловку и маленькую еврейскую лавченку. Хозяйка лавочки, беременная еврейка, была убита, и труп ее с распоротым животом валялся тут же.

Крестьяне сказали, что все это было сделано вчера каким-то небольшим отрядом.

К этому времени нами было уже точно выяснено, что: 1) среди григорьевцев существует заговор убить начальника общего штаба - моего брата Григория Махно; 2) атаман Григорьев имеет тесную связь с деникинскими подпольными организациями; 3) атаман Григорьев за день до своего вступления в какое-либо село, высылает туда особо сорганизованный небольшой отряд с определенным наказом разграбить и перебить евреев.

Въезжая потом в такое село, Григорьев выражает сочувствие пострадавшим и «искренне» сожалеет, что не настиг погромщиков.

27-го июля на многолюдном митинге атаман Григорьев был мною объявлен деникинским агентом и погромщиком, а через несколько минут здесь же на площади село Сентово он был расстрелян ответственными махновцами. Часть близких к нему его политических вдохновителей разбежалась, остальные же были моментально обезоружены.

На всем пути моих боевых операции других погромов, чинимых над еврейским населением повстанцами и моих частей, не было.

Очень редко попадались лица, перешедшие к нам из красноармейских частей или из петлюровских «повстанчих загонив», которые или по привычке, или же наслушавшись о махновцах, как о грабителях, разного вздора, делали попытки пограбить евреев; но такие грабежи, как и грабежи мирных жителей вообще, всегда пресекались в корне.

ОТ РЕДАКЦИИ АНАРХИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА
Оправдение Нестора Махно

27-го ноября с. г. тов. Н.Махно, после 13-ти месяц заключения в Варш. тюрьме, предстал перед польским судом по обвинению его в организации восстания в Восточной Галиции с целью присоединения последней к большевистскому государству.

На суде выяснилось, что обвинение фальсифицировано и построено, главным образом, на провокации некоего Я.Красновольского, действовавшего по инструкции польской дефензивы (политической полиции) и находившегося в сношениях с советской миссией в Варшаве.

Товарищ Махно выступил во весь рост своей личности. Серьезно построенная речь т. Махно и приведенный им материал, а также хорошо поставленная защита раскрыли перед судом всю несостоятельность взведенного на т. Махно обвинения. Суд вынес т-щу Махно оправдательный приговор.

В настоящее время т. Махно из тюрьмы освобожден, но находится пока в распоряжении полицейских властей впредь до выяснения вопроса о его дальнейшем местопребывании.

П.А.

«Анархический вестник», №№ 1, 2, 3-4, 5-6 1923 г.

ПИСЬМО Н. И. МАХНО П. А. КРОПОТКИНУ

Дорогой Петр Алексеевич!

Зная положение в России в смысле продовольствия, и чувствуя, как отзывается это положение на Ваших старческих физических силах, я обсудил с товарищами, и они решили послать Вам несколько пудов съестных припасов, которые считаем необходимыми для Вас. Вместе с этим посылаю Вам несколько номеров нашей повстанческой газеты «Путь к свободе» и выпускаемых нами листков. И прошу Вас как близкого и дорогого для нас, южан, товарища написать нам свое письмо о повстанчестве нашей области, которое правильно отражается в нашей газете.

Кроме того, очень важно было бы для крестьян, если бы Вы написали в нашу газету статью о социальном строительстве в деревне, которая еще заполнилась мусором насилия.

Пока будьте здоровы.

Жму крепко Вашу руку.

Уважающий Вас

«Батько» Н.Махно

Гуляй-Поле, 30 мая 1919 года

II. СТАТЬИ

АНАРХИЗМ И НАШЕ ВРЕМЯ

Анархизм - учение, охватывающее собою не одну только социальную сторону жизни человека в том смысле, какой придают ему освещающие его политические словари и наши митинговые пропагандисты-ораторы: анархизм - учение жизни человека вообще.

В процессе выработки своего всеобъемлющего миросозерцания анархизм ставит определенно выраженную задачу: это - охватить весь мир, преодолев на этом пути всякие преграды, какие есть и еще могут быть со стороны буржуазно-капиталистической науки и ее техники, и развернуть перед человеком исчерпывающее разъяснение о сущности этого мира, чтобы, таким образом, подойти к человеку вплотную и помочь ему сознательно почувствовать в себе анархизм, который, как я полагаю, внесен в него самой природой, и частичные выявления которого человек чувствует в себе всегда.

Этим самым анархист строит путь содействия человеку в деле изгнания из него всякого духа рабства, как из элемента, являющегося единственным безоговорочно реальным для анархизма: ибо только через его волю анархизм может практически воплощать себя в реальную жизнь.

В процессе своего развития анархизм безграничен. Для анархизма нет тех берегов, в которые он мог бы замкнуть себя и остановиться.

Анархизм, как и человеческая жизнь вообще, не знает законченных формул в своих достижениях.

Абсолютная свобода, а также безграничное на нее право человека, о которых теоретические постулаты анархизма нам повествуют, являются для анархизма, по-моему, лишь орудием, при помощи которого анархизм достигает своего более или менее полного выражения, совершенно не приостанавливая своего процесса. И лишь здесь анархизм становится понятным для каждого из нас: ибо вытеснив из человека искусственно водворенный в него дух рабства, анархизм становится уже непосредственно руководящей идеей для человеческих масс на пути всех их творческих достижений.

Теоретически анархизм в наше время признается все еще слабым, мало развитым и даже - говорят - во многом ошибочно понимаемым учением. Над ним многие его выразители - говорят - много работают, думают, тоскуют (я полагаю, конечно, что если кто-либо из товарищей действительно при этакой работе и думах тоскует, то тоска у них вызывается бессилием из кабинета

выразить необходимые для анархизма социальные средства для социальных его действий в наше время...).

Фактически же анархизм живет всюду, где только ступает жизнь человека. Но понятным для человека анархизм - при жестоком гонении на него - становится только там, где есть его ученики, - ученики, искренно порывающие всякую связь с рабской психологией современности; ученики, бескорыстно стремящиеся служить ему, вскрывая в процессе его развития все его неведомые стороны, претворяя их в ведомые и, таким образом, прокладывая путь торжеству анархического духа над духом рабским.

Отсюда два положения:

Первое, что анархизм сохраняет разнородную в выражениях и действиях, но единую в своей сущности целость.

Второе, что анархизм всегда революционен и держится только за революционные методы действия в борьбе со своими притеснителями.

И с этой именно стороны, как революционный борец, отвергнувший на своем пути всякие правительства, писанные ими законы, самое общество, выделяющее из себя эти правительства, наконец, «нравственность» и «мораль» этого общества, - анархизм все более и более познается угнетенной частью человечества.

Это говорит о том, что анархизм в наше время уже не может оставаться в пределах кружковой мысли и групповой деятельности. Естественное влияние анархизма на психику человеческих масс в их борьбе очевидно. А чтобы это влияние анархизма массы восприняли сознательно, анархизм должен вооружиться новыми средствами и стать на пути социального действия сейчас, в наше время.

«Дело труда», № 4, сентябрь 1925 г.

НАША ОРГАНИЗАЦИЯ

Время, какое сейчас переживает трудящийся класс мира, требует от революционных анархистов максимального напряжения мысли и энергии в деле освещения стоящих пред массами волнующих их вопросов.

Это требование каждый из товарищей должен сознавать, задумываться над ним и прийти к тому выводу, что во время схватывать и освещать перед массами волнующие их вопросы анархисты смогут только общими организационными силами своего движения.

Наши товарищи, игравшие активную роль в Русской Революции и оставшиеся на своих анархических позициях, знают, как пагубно отразилось на анархическом движении отсутствие у него прочной организации. Эти товарищи могут сыграть в деле объединения особо полезную роль. От взора этих товарищей, - я полагаю, не ускользнуло то, что анархизм в России и на Украине среди трудящихся масс, творивших Революции, был великим бунтарем. Он всюду вел их на борьбу; но отсутствие своей организации, способной противопоставлять свои живые силы врагам Революции, сделало его беспомощным организатором.

От этого дело анархизма в Революции только страдало.

Сознавая все это, русские и украинские анархисты не должны допустить, чтобы оно страдало и в будущем. Они имеют слишком тяжелый урок прошлого и, пользуясь им, должны первые дать пример сплочения своих сил, создать свою анархическую организацию, которая могла бы отвечать задачам анархизма не только в работе по подготовлению Социальной Революции, но и в первые ее дни. Такая организация должна объединить все революционные силы анархизма и без колебаний заняться подготовкой масс к социальной революции и борьбе за анархическое общество.

К сожалению, далеко не все среди нас стремятся к действительной организации наших сил, без которой немыслима плодотворная работа в массах: многие из нас отчетливо сознают необходимость такой организованности, но немногие с серьезной настойчивостью берутся за нее.

А между тем события назревают во всех странах Европы, не обходя и опутанную царствующими путами пан-большевизма Россию.

Не далек тот час, когда нам снова придется быть активными участниками этих событий. И если мы войдем в них, не сорганизовав определенным образом своих сил, мы окажемся

опять беспомощными предотвратить поворот этих событий в омут государственнических систем.

Сплоченность всех активных анархистов в один серьезный действующий коллектив очевидна для каждого из нас. Вряд ли найдутся противники этой сплоченности.

Вопрос заключается лишь в том, какая организационная форма наиболее приемлема для анархического объединения.

Я лично полагаю наиболее приемлемой и для дела анархизма необходимой организационной формой это *Союз анархистов, построенный на принципе общей дисциплины и общего руководства всеми анархическими силами.*

Все организации, входящие в этот общий союз, являются связанными между собою не только общностью социально-революционных целей, но и общностью средств, ведущих к достижению целей.

Деятельность местных организаций может приспособляться в необходимой степени к местным условиям, но она неуклонно должна сочетаться с направлением деятельности всей организации страны, т. е. всего Союза анархистов.

Будет ли этот Союз анархистов называться партией анархистов или как-либо иначе, - это не важно. Важно чтобы он осуществил *концентрацию всех анархических сил и единство их действия против врага, за права трудящихся, за соц. Революцию, за анархическое общество.*

«Дело труда», № 6, ноябрь 1925 г.

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Мне задали товарищи вопрос: как я понимаю революционную дисциплину?

Под революционной дисциплиной я понимаю самодисциплину личностей, устанавливающую в действующем коллективе одинаковую, строго продуманную и ответственную линию поведения для членов коллектива, приводящую к точной согласованности, как действия, так и мысли их.

Без дисциплины в организации, как авангарде Революции, немыслимо серьезное дело революции. Без дисциплины авангард революции не может быть таковым; ибо, находясь в разбродном дезорганизованном состоянии, он бессилен формулировать задачи дня, чего для него, как инициатора, потребуют массы.

Эти положения я основываю на наблюдении и опыте. Предпосылки их следующие:

Русская революция в своем проявлении несла много положении чисто анархических. И если бы анархисты были тесным образом организованы и в своих действиях придерживались определенной дисциплины, они не понесли бы такого глубокого поражения в ней, какое имелось в действительности.

Но потому, что анархисты всех «толков и направлений» не представляли из себя, даже в своих фракционных группировках, определенного законченного в своей целости, дисциплинированного действующего коллектива, они не выдержали предъявленного революционной обстановкой политического и стратегического экзамена.

Их дезорганизованность, приведшая к политическому бессилию, породила две категории анархистов:

Одна категория - это те, кто бросился на систематические захваты буржуазных домов, особняков, в которых поселялись и жили во благо свое. Это с дугой стороны те «анархисты-гастролеры», которые переезжают из города в город, в надежде всегда на своем пути найти ночлежку - дом безделья - и жить в нем по мере их желания.

Другая категория - это те, кто порвали всякую честную связь с анархизмом (хотя за границами русской революции некоторые из них и по сию пору числятся чуть не вождями русского анархизма) и бросились на должностные места большевиков даже тогда, когда анархисты, сохранившие себя на своем посту и заклеймившие позор большевиков в Революции, за этот свой честный акт революционеров, расстреливались большевиками.

Из выше приведенного прискорбного факта становится совершенно понятным, почему я не могу быть равнодушным к существующему сейчас в анархических рядах разгильдяйству. Оно мешает им создать коллектив, перед которым бы люди, хватающиеся за анархизм ради фразы, люди, давно похоронившие себя для дела анархизма, или люди, лишь болтающие об анархизме, о его целости и действиях против врага, а когда доходит до дела, бегущие от этой целости, представились бы в ином виде, и ушли бы на подобающее им место. Вот почему я говорю об анархической организации, основанной на началах товарищеской дисциплины.

Такая организация приведет к необходимой согласованности все живые силы анархизма страны, и она же поможет анархистам занять свое должное место в великой борьбе труда с капиталом.

От этого идеи анархизма в массах только выиграют, а не пострадают. Бежать от такой организованности может только безответственный, пустой болтун, до сих пор занимавший в наших рядах по нашей же вине чуть не первое место.

Ответственность и дисциплина революционера не должны пугать. Они его спутники во всех делах рабочего анархизма.

«Дело труда», № 7-8, декабрь, январь 1925 г.

ИДЕЯ РАВЕНСТВА И БОЛЬШЕВИКИ

XIV Съезд Р.К.П. решительно осудил идею равенства. На эту идею Зиновьев сослался до съезда в полемике против Устрялова и Бухарина. Он заявил, что вся философия нашей эпохи пропитана стремлением к равенству. Против этой мысли решительно выступил на съезде Калинин. Он считает всякое упоминание о равенстве вредным и недопустимым. Рассуждения его таковы: - можем ли мы говорить о равенстве крестьянам? Нет, не можем. Ибо в противном случае они потребуют одинаковых прав с рабочими. А это противоречит диктатуре пролетариата. Можем ли мы напоминать о равенстве рабочим? Нет, не можем. И вот почему. На одной и той же работе стоят коммунист и беспартийный. Коммунист получает по шестому разряду, а беспартийный - по третьему. Признайте равенство, - и завтра же беспартийные рабочие потребуют, чтобы их во всем сравняли с коммунистами. Мыслимо ли это, товарищи? Нет, не мыслимо... А можно ли призывать к равенству коммунистов? Нет, нельзя - потому что коммунисты тоже разное положение занимают... И в смысле прав и в смысле благ.

По всем этим соображениям Калинин находит, что употребление слова: «равенство» Зиновьевым имеет чисто догматические и вредные цели. Отвечая на это, Зиновьев заявил съезду, что он говорил о равенстве в другом смысле. Он, Зиновьев, имеет в виду лишь «социалистическое равенство», которое будет в более или менее отдаленном будущем. Сейчас же, пока не совершилась мировая революция и неизвестно, когда совершится, ни о каком равенстве не может быть речи. И в особенности недопустимо признание правового равенства, ибо оно ввергло бы нас на путь опаснейших демократических уклонов.

Резолюцией это достигнутое единомыслие не закреплено. Но по существу обоими спорившими на съезде сторонами идея равенства одинаково признана непозволительной.

А ведь совсем недавно были иные времена, когда большевики говорили иные речи.

Под знаменем равенства они в Великой Русской Революции шли на свержение буржуазии вместе с крестьянами и рабочими, и пришли за счет их к политическому господству в стране.

Под этим же знаменем на протяжении восьмилетнего царствования над свободой и жизнями трудящихся бывшей России, ныне «Союза Социалистических Советских Республик», большевистские цари убеждали трудящихся своего Союза,

которых угнетают, и трудящихся других стран, над которыми еще не имеют власти, что они преследуют, томят в тюрьмах и ссылке, убивают своих политических противников только во имя Революции - ее равенственных начал, которые большевизм, мол, внес в революцию, а противники его стремятся разрушить.

На протяжении восьми лет лилась кровь революционеров анархистов, не захотевших рабски преклониться и преклонить своих знамен перед насилием захватчиков власти и перед их безответственностью и заведомо ложными положениями.

В этом преступном деле большевиков, деле, не имеющем себе иного названия, как только кровавого разгула большевистских богов, умерли лучшие сыны революции только за то, что были верными носителями ее идеалов. Их нельзя было подкупить на измену. Они честно отстаивая заветы Революции, стремились преодолеть безумие большевистских богов и пробить ими созданные плотины на пути развития революции, чтобы вывести революцию из большевистского тупика на путь действительной свободы трудящихся и подлинного их равенства.

Большевистские боги усмотрели в этом стремлении сынов революции конец своему безумию и своим привилегиям, которые они успешно перехватывали у низвергнутого буржуазного строя и обманным образом закрепляли их за собой. - Они провозгласили смерть революционерам. Рабы их поддержали, и полилась кровь.

Восемь лет непрестанно лилась кровь рабочих и крестьян-революционеров. И спрашивается - во имя чего же она лилась?

Все, якобы, во имя равенства и свободы трудящихся, все во имя их, большевики уничтожали тысячами безыменных революционеров-борцов, награждая их эпитетами «бандитов» и «контрреволюционеров».

Этой ложью большевики прикрывали от трудящегося класса мира истинное положение вещей в России и свое банкротство в социальном строительстве, банкротство в котором они не хотят сознаться еще и теперь, когда оно больше чем очевидно для всякого, имеющего глаза.

Анархисты во время предупреждали трудящихся всех стран против преступлений большевизма в русской революции. Большевизм, как идеал своеобразного централизованного пангосударства явился в русской революции врагом свободному духу революционных тружеников. Путем беспримерных насилий он в корне пресекал его развитие и грязнил все достойное и лучшее в революции. Удачно маскируясь, он в то же время скрывал свое настоящее лицо от взора трудящихся всех стран, выдавая себя за поборника их интересов. Лишь теперь на девятом году своего царства, все более и более сближаясь с

международной буржуазией, он начинает снимать с себя революционную маску и перед миром труда ясно обрисовывается лицо хищника и эксплуататора.

С идеей равенства у большевиков покончено не только на деле, но и в теории. Сама эта идея объявляется вредной для большевиков. Оно и понятно: их господство держится на прямо противоположной идее, -на вопиющем неравенстве, весь ужас и зло которого легли на спины трудящихся.

Пожелаем же, чтобы трудящиеся разных стран сделали необходимые выводы и в свою очередь покончили бы с большевиками, как носителями идеи рабства и угнетателями труда.

«Дело труда», № 9 февраль 1926 г.

ПАМЯТИ КРОНШТАДТСКОГО ВОССТАНИЯ

День седьмого марта - скорбный день не только для трудящихся так называемого союза Советских Социалистических Республик, которые так или иначе причастны к Кронштадтским событиям, разыгравшимся в этот день, он тяжелый для трудящихся всех стран, 7-е Марта говорит нам о том, что свободные духом революционные рабочие и матросы Кронштадта потребовали от казнившего Русскую Революцию красного палача - Р.К.П. и ее слуги Советского Правительства.

Кронштадтцы требовали от этих государственных вешателей всего лучшего, принадлежащего труженикам села и города по праву революции, ими совершенной.

Они требовали воплощения в жизнь принципов Октябрьской революции:

- «Свободного избрания Советов, Свободы слова, печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партии»...

Российская Коммунистическая партия усмотрела в этом покушение на свое господское положение в стране и, прикрывая свое подлое лицо палача маской революционера и друга трудящихся, объявила свободных матросов и рабочих революционного Кронштадта контрреволюционерами и бросила против них десятки тысяч темных рабов-красноармейцев с целью истребить этих честных революционных борцов, совесть которых была чиста перед революционным народом и не позволяла им бросаться в объятия лжи и подлости Р.К.П., топтавшей права революции, права трудящихся.

7-го марта 1921-го г. В 6 час. 45 м. Вечера по Кронштадту был открыт ураганный артиллерийский огонь.

Естественно, что революционным Кронштадтцам необходимо было защищаться. И они защищались, имея в виду себя и других. Да, именно и других; ибо их защита в Кронштадте, защита своих революционных прав, руководствуясь которыми они предъявляли требование большевистской власти прекратить произвол над правами трудящихся

- отражались в сердцах всей подневольной России. Последняя готова была их поддержать в этой их справедливой и героической защите. Но она была в это время порабощена, закована в цепи карательных красноармейских и чекистских отрядов, специально выделенных для подавления свободного духа и воли страны.

И сколько погибло в этой защите Кронштадтцев и напавшей на них слепой красноармейской массы, руководимой

большевиками, об этом трудно точно сказать. Но факт тот, что всех погибших в этих событиях в один десяток тысяч не вместишь. И все погибшие суть рабочие и крестьяне, все они - те, за счет которых большевистская партия, обманывая их лучшим будущим, пробралась к власти, силами которых эта партия долгие годы пользовалась в своих личных интересах, в интересах развития и усовершенствования своего политического и экономического господства в стране.

Все лучшее, за что боролись в русской революции рабочие и крестьяне, революционные Кронштадтцы защищали в своей героической борьбе с большевистской олигархией. За это последняя их истребила,

- на половину истребила физически в дни своей победы над ними; на половину томит по сырым застенкам тюремных казематов, полученных ею, как наследие от царско-помещичьего строя, и по концлагерям других стран, в Финляндии в особенности.

С этой стороны 7-е марта является скорбным днем для трудящихся всех стран. В этот день не у одних только российских тружеников вырвется из груди крик боли за погибших и оставшихся в живых революционных кронштадтцев, томящихся под замком большевистской каторги.

Но стонами этот вопрос не разрешится и не должен разрешиться. Трудящиеся всех стран, не зависимо от дня 7-го марта, должны организовать всюду митинги протеста, как против совершенных Р.К.П. злодеяний в Кронштадте над революционными рабочими и матросами, так и за освобождение уцелевших из большевистских тюрем вообще и из финляндских концлагерей в частности.

«Дело труда», № 10, март 1926 г.

СОЗДАДИМ ФОНД ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ

Кто из нас не помнит величайшей по своим заданиям Русской Революции в октябрьские, ноябрьские, декабрьские и январские дни 1917-18 годы.

Все мы помним, все мы знаем ее и в эти дни и в сменившие их затем месяцы и годы, - знаем если не благодаря непосредственному участию в событиях ее, то через печать носителей идеи анархизма.

На передовых позициях этой Революции умерли лучшие работники анархизма и преданные сыны трудового люда. Они своей преданностью делу революции и анархизму увлекали за собою силы труда разрушать подлый строй неволи и на место него строить свободное общество равных тружеников.

Многие из них умерли; но те, кто остались в живых, за свою преданность делу труда, его идеалам, попали в полицейские лапы восторжествовавшей в стране партии большевиков - коммунистов, частью были убиты этой партией, частью же попали на большевистскую каторгу, где и до сих пор томятся в тяжелых условиях заточения.

Очень много наших товарищей, сидевших в большевистских тюрьмах и концлагерях по пять и шесть лет, снова по окончании сроков присуждены большевистской властью к новым срокам наказания.

Много в тюрьмах большевистского государства заключено товарищей, о которых нам просто неизвестно, в каких областях они находятся. Не сегодня-завтра они отзовутся, или мы должны разыскать их сами...

Их много, их целые вереницы в большевистских застенках.

Не надо медлить ни одного дня. Следует помнить, что всякий лишний час пребывания наших товарищей на большевистской каторге многим из них грозит смертью. Нужно действовать в двух направлениях. Во-первых, необходимо в международной революционной печати поднять кампанию за освобождение всех анархистов, социалистов и беспартийных революционеров и за раскрепощение революционной мысли в России.

Далее, необходимо организовать материальную помощь заключенным товарищам путем сборов, пожертвований, устройством предприятий, выпуском подписных листов и т. д.

При этом, по-моему, дело материальной помощи заключенным товарищам ни в какой мере не должно поручаться

тому или иному отдельному лицу, как бы оно себя высоко ни ставило, а только лишь ответственной анархической организации.

Всякий активный, искренно преданный анархизму анархист, прежде всего сам постарается быть в рядах организованного анархического движения и оттуда вести работу, сколь бы скромна она ни была.

Дело организации помощи, заключенным анархистам, есть прежде всего дело ответственных анархических организаций. Таких организаций в настоящее время наметилось три: «Голос Труда» - Буэнос-Айресе (Южная Америка), «Федерация анархистов в Северной Америке» -(включая сюда и образовавшийся недавно в С. Америке Черный Крест) и «Группа русских анархистов за границей» (в Европе). По адресам этих организаций и следует направлять собранные для заключенных анархистов средства.

Итак, за работу, товарищи!

Общими усилиями создадим общий и по возможности постоянный анархический фонд помощи нашим товарищам анархистам - борцам за новый мир свободного труда.

Н.Махно «Дело труда», № 12, май, 1926 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Т-ЩУ МАКСИМОВУ

Тов. Максимов, в № 18 «Голоса Труженика» Вы ставите мне ряд вопросов: как назвать этот общественный строй, который обрисован «в Декларации махновцев-повстанцев»? Как назвать тот опыт, который родил такое произведение, как Декларация?.. и т. д.

Не будь этих существенных вопросов, я не стал бы отвечать на ваше возражение против меня, возражение, построенное на отдельных фразах из моего открытого письма к Г.Д.

Эти существенные вопросы побуждают меня дать вам на них ответ.

Проект «Декларации повстанцев-махновцев» не является конституцией махновского государства. И я поражен, что вы имеете такое нелепое понятие о ней. Вы ведь хорошо знаете, что повстанцы махновцы о государстве вообще никогда не замышляли. Или вы для пущей важности прибегли к повторению пустых слов отставного большевистского генерала Льва Троцкого?

Проект Декларации повстанцев-махновцев - есть поспешный плод работы нашей Гуляй-Польской группы анархо-коммунистов в момент тяжелого положения революции на Украине, боевой обстановки, когда нам некогда было посылать гонцов в города к тем или другим теоретическим силам анархизма, чтобы услыхать их формулировку заданий анархизма сегодняшнего дня.

На протяжении первых двух лет и четырех месяцев моей активной анархической борьбы в Русской Революции, борьбы в самой гуще украинской подневольной деревни, и вместе с подневольной деревней я не видел в городском анархизме конкретных положений, через которые можно было бы практически сроднить деревню с идеей анархизма в городе.

Я упорно стремился выработать эти положения в повседневной практической борьбе за эти годы. Но в силу целого ряда причин, и первое из них серьезное теоретическое бессилие, мне это мало удавалось. Я с особой болью в сознании этого начал впадать в наивность и ожидать, что теоретики, которых у нас за время Революции слишком много народилось, что-либо наметят. Но и этого не дождался.

И вот, когда революционно-крестьянская армия повстанцев-махновцев была сбита с противоденикинского фронта с одной стороны самими деникинскими частями с другой прямой изменой большевистского красного командования, я принужден был с некоторыми частями этой армии очутиться в новых

областях Украины. Там трудовое население ничего не знало о нашем движении и было отравлено, с одной стороны, петлюровской государственностью, с другой, деникинской и большевистской (это был период, когда Троцкий провозгласил лозунг: лучше сдать всю Украину Деникину, чем дать развиться махновщине).

В этих новых областях в боевой обстановке наспех я набросил в основных пунктах декларацию.

Мы, анархисты-крестьяне, долго оспаривали ее пункты, все не решаясь выпустить их в свет.

Как вдруг неожиданно для нас в наших рядах очутились анархисты «набатовцы», в числе которых был и тов. Волин.

Тов. Волину, как теоретику-анархисту, были вручены эти пункты «Декларации» для просмотра и детальной разработки. Тов. Волин около месяца трудился над ними и представил их в Совет Армии, командному составу и представителям повстанческих частей уже в законченном виде со своим предисловием.

Мы видели, что в основном пункты «Декларации» ни в чем не изменены, а только пополнены литературными зигзагами с более выпуклым выражением литературного языка, что придало ей изящный и более выпуклый вид. Снова в наших рядах крестьянской группы возникли, было, прения из-за некоторых пунктов этой декларации. Но, в конце концов, группа, как и я, снаивничали, что раз, дескать, она прошла через руки товарища, который, как мы считали, теоретически более подготовлен в анархизме, и раз он не устранил из нее пунктов, из-за которых мы спорили между собою, значит, эти пункты не противоречат анархизму. А в том, что они сочетаются с моментом Революции, мы были убеждены. - Поэтому «Декларация» была принята, как «проект декларации» и как проект нами всюду понималась.

Правда, после этого у ряда товарищей возникло сомнение относительно теоретических знаний анархизма товарища, редактировавшего Декларацию. Я, однако, считал важным, чтобы в наших рядах были люди с анархическим образованием, я полагал, что таковым является тов. Волин, и настоял еще до этого перед Советом Армии освободить меня от председательствования в нем. Я выставил кандидатом на этот пост товарища Волина, который и был избран председателем Совета Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) и был проведен на этот пост по приказам повстанческой армии.

Такова история возникновения «Проекта Декларации» Повстанцев-Махновцев, которую вы, товарищ Максимов, по незнанию называете прямо «Декларацией».

В этом «проекте» есть недомыслие, но как видите, за него прямо ответственно не махновское движение, а я и т. Волин.

Ну, а что касается ваших ссылок на Бакунина, то я должен вам сказать, что когда вы хватаетесь за идеи «переходного периода», вы искажаете бакунинское понятие о нем.

Великий Бакунин, эта неутомимая революционная сила, мыслил «переходный период» - по-моему - в полном упразднении классового государства и экономического неравенства; но ни в коем случае не политической системе «распыленной власти», которую русские анархо-синдикалисты вынесли из Русской Революции по недомыслию, подчинившись разложению (по городам) и бездействию анархических групп и федераций в рядах подневольной деревни...

Я уверяю вас, товарищ Максимов, что систему о «Переходном Периоде» и «распыленной власти» русских анархо-синдикалистов, одном из творцов которой является, кажется, и вы, Бакунин назвал бы прямой атакой против его понимании анархизма вообще и его практической политики в частности. А над вашими ссылками на него в области понимании «переходного периода», он прямо посмеялся бы и сказал бы: - анархизму ничего не страшно. Он могуч и силен и, как только организованно займет свои позиции в деле подневольного труда - Социальной Революции - он всякие уродства изживет на своем пути...

На счет ваших, тов. Максимов, ссылок на социал-демократа Дана, должен заметить, что они уместны только для беспочвенных пастырей, блуждающих в области пустословии. Знающий обычай социал-демократии атаковывать враждебные ей течения и в особенности анархические и синдикалистические, этих вздутых ссылок на нее не приемлет; ибо он видел, что анархическое движение в России, как тянулись на буксирном, от старости расшатанном тарантасе за событиями, так и по сию пору тянутся. И будут так тянуться до тех пор, пока мы не позаботимся разбить совсем этот тарантас и на место него построить строго действенные организации.

С товарищеским приветом. «Дело труда», № 15, август 1926 г.

В ДОПОЛНЕНИЕ К «ОТКРЫТОМУ ПИСЬМУ Т-ЩУ МАКСИМОВУ» ОТ Т-ЩА Н. МАХНО («Дело Труда» № 15)

I

Не входя здесь в обсуждение предмета спори между товарищами Г.Максимовым и Н.Махно, я считаю необходимым, во избежание ошибочных толкований, дополнить даваемые Н.Махно справки некоторыми сведениями, не относящимися строго к предмету спора и потому опущенными в его изложении.

1. Председательствование в военно-революционном Совете повстанческой армии было мною принято на себя лишь временно и только с целью инструктирования, при следующих обстоятельствах. Будучи постоянно отвлечен фронтом и боевой работой (дело происходило в 1919 г., в момент ожесточенной борьбы с деникинской армией), Махно не имел ни времени, ни возможности заниматься как следует делами Совета, председателем которого состоял. Он даже редко мог бывать на заседаниях Совета. Заместителем его был в то время тов. Лащенко (повстанец). Благодаря этому и ряду других обстоятельств, работа Совета шла плохо. Как-то раз я заговорил об этом с Махно. - «Ты же знаешь, что мне некогда заниматься Советом, - сказал он. - Не согласишься ли ты председательствовать в Совете и помочь товарищам поставить дело? Ты будешь предложен Совету...» Я согласился на временное председательствование с целью инструктирования. Так и было сделано. Пробыв в течение 2 месяцев председателем Совета и оказав помощь товарищам в постановке работы, я счел свою задачу оконченной и, по соглашению с Советом, передал председательство т-щу Лащенко.

2. Я не знаю, почему некоторые товарищи ставят в упрек «Проекту Декларации» его неполную анархичность. Этот проект вовсе не должен был быть строго анархическим. Данное мне повстанцами поручение было совершенно точно формулировано: не вводить в материалы и наброски к проекту ничего от себя, а лишь придать проекту стройную литературную форму и выразить яснее некоторые пункты, недостаточно отчетливо формулированные в материалах.

Декларация была обозначена как только проект именно потому, что, по предложениям составлявших и принимавших ее лиц, позднейшая оценка и критика, ее широкими массами,

анархистами и пр. могли привести к тем или иным в ней изменениям.

Я лично всегда смотрел на нее, как на крайне любопытный исторический и революционный документ, ярко отражающий идейную сущность повстанческого движения

С этой точки зрения, проект именно должен был быть точным выражением идей повстанчества, и, редактируя его, я меньше всего заботился о том, чтобы сделать его «анархическим».

ВОЛИН. «Дело труда» № 16, сентябрь 1926 г.

ПУТЬ БОРЬБЫ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА

Современное государство и как форма организации общественной жизни народа и как форма организованного насилия произвольной власти над этим же народом - независимо от того: буржуазное это государство, или оно «трудовое», «пролетарское» - все одно покоится на так называемом централизме, вытекающем из прямого насилия меньшинства над большинством.

Для утверждения своего правопорядка, всякое государство помимо штыка и рубля пользуется еще могущественными средствами чисто духовного характера.

С помощью их, этих духовных средств ничтожная кучка политических дельцов духовно обуздывает все человеческое общество и в особенности большую трудовую часть его, обуздывает с целью отвлечь его внимание от рабского ярма, наложенного на него государством.

Следовательно, чтобы бороться против организованного насилия современного государства нужно выступить с соответствующими средствами.

До сих пор те средства социального действия, с какими революционный класс трудящихся выступал под знаменем анархизма против власти насильников и эксплуататоров - капитала и государства - были недостаточны для полной победы трудящихся. И хотя в истории борьбы труда с капиталом были моменты, когда трудящиеся разбивали капитал, но победа ускользала от них, ибо власть государства вмешивалась, меняла внешне свои и капитала формы, сочетала дела частного капитала с делами государственного и побеждала трудящихся.

Опыт Великой Русской Революции вскрыл нам более ярко наши недочеты в этой области, и мы не вправе их забывать. Мы должны в них разобраться отчетливо. Мы сознаем, что наша борьба против государства в Русской Революции, несмотря на царившую в наших рядах дезорганизованность, была особенно заметна в деле разрушения этого отвратительного института.

Но ее почти что не было в деле построения задач завтрашнего дня и его учреждений социального действия, которые обеспечили бы свободное развитие общества тружеников без опеки государства и его насильнических институтов.

То обстоятельство, что мы анархисты-коммунисты, как и синдикалисты - не определили в Русской Революции завтрашнего дня и не поспешили формулировать во время учреждений социального действия, не раз вынуждало многие наши группы и

даже целые организации (если допустить, что они существовали) спотыкаться в своей политической и социально-стратегической ориентации на боевом фронте революции.

Чтобы не попасть в такое положение в дни исторические и в будущем, - или если попасть, то выходить из него чуждыми растерянности, сохранившими связи со своей организационной линией поведения, -мы должны, наряду со стягиванием в один действующий коллектив своих сил, определить теперь же наше положительное отношение к территориальным, местным хозяйственным и общественным единицам. Назвать их определенно своим именем, конкретизировать в основных чертах сущность их революционных функции в деле борьбы против государства.

Этого требует от анархистов наше время и указания Великой Русской Революции.

Кто погружался в самую гущу борьбы трудящихся деревни и города в Русской Революции и переживал вместе с ними их успехи и поражения в этой борьбе, тот должен, несомненно, придти к нашим выводам, а именно, что борьба наша против государства во имя ликвидации его одной только вооруженной силой революции есть дело слишком тяжелое и почти что неосуществимое.

Необходимо связать действия вооруженных сил революции с действиями повсеместных территориальных хозяйственных и общественных единиц, вокруг которых население той или другой местности страны на первый же день революции будет организовываться в целях независимого от государства самостоятельного ведения своих общетерриториальных хозяйственных и общественных дел.

Анархисты должны теперь же обратить свое внимание на эту сторону дела революции. Так же должны учесть своевременно то обстоятельство, что вооруженные силы революции - в лице ли революционных строго скомплектованных воедино армий или многочисленных раздробленных на группы партизанских отрядов, могут только разгонять носителей и защитников идеи государственности и этим самым создать условия возможности всему народу, шедшему за революцией, порвать связи с прошлым и наметить планы строительства новой социально-общественной жизни. Государство же в своем существе еще сохранит свои жизненные соки во всех уголках страны, во многом будет переплетаться с новой жизнью населения, и этим самым будет тормозить рост и развитие новых, сочетающихся с идеей освобождения отношений между людьми.

Решительная и полная ликвидация государства наступит,

лишь тогда, когда идейное руководство анархизма борьбою трудящихся будет полным и если революционные труженики деревни и города выработают свои учреждения социального действия.

Такими учреждениями и должны явиться территориальные хозяйственные и общественные самоуправления или вольные (безвластные) советы. Сущность и структуру этих советов и их революционные функций следовало бы заранее разработать революционным рабочим и крестьянам и их идейно-революционному авангарду - анархистам. Ибо от этого в значительной степени зависит положительный рост и развитие идеи анархизма среди тех, во имя которых и которыми будет практически совершаться ликвидация государства и построение свободного общества.

«Дело труда», № 17, октябрь 1926 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ НА УКРАИНЕ

В то время, когда вспыхнула февральская революция, и, извергнув политический деспотизм царско-помещичьего строя, прокладывала пути к созданию новых свободных отношении между народами, бывшими дотоле под насильственным ярмом русского государства, в это время, естественно у этих народов возникла идея полного самоуправления, вплоть до отделения от русского государства.

Особо резко эта идея выявлялась на Украине. Однако в то время она не имела определенного оформления. В среде украинского народа появились десятки разноцветных политических группировок, каждая из которых на свой лад, применительно к своим партийным интересам истолковывала идею самоопределения. Широкие украинские массы труда не сочувствовали им и не шли за ними.

Прошло шесть-семь лет времени уже после второй, - Октябрьской Революции, и отношение украинских тружеников выросло и, углубилось к идее самоопределения. К ней массы труда на Украине относятся теперь сочувственно, подчас даже утверждают ее в своей жизни. Так, например, они утверждают свой язык, свою культуру, которые в дореволюционное время находились в положении пасынков. Свой быт, обычаи они поддерживают в своей новой жизни, согласовывая их с новыми ее достижениями. Правда, всеми этими естественными явлениями украинской действительности, против которых большевики бессильны бороться, если бы и хотели, очень не прочь воспользоваться господа государственники в целях построения самостоятельного украинского государства. Однако господа эти не имеют за собой силы широких масс труда. Последние пока что не приняли их идею за свою социальную цель в борьбе против поработившей их партии большевиков. Здоровое чутье украинских тружеников и их тяжелое положение под гнетом большевистского государства не позволяют им закрывать глаза на государство вообще. И поэтому они стоят в стороне от этой идеи, не принимают ее за свою социальную цель, ищут чего-то своего, иного и определенного, чтобы с помощью этого «чего-то» найти путь к освобождению.

Украинским революционерам вообще и анархистам-революционерам в особенности есть над чем серьезно задуматься, чтобы затем должным образом взяться за работу в рядах

украинских тружеников.

Однако наша работа среди украинских масс не может сейчас проводиться в том направлении, в каком она проводилась в период 19181920 гг., ибо украинская действительность теперешних дней не та, что была в прошлые годы. Тогда трудовое украинское население, сыгравшее столь красивую революционную роль в деле разгрома наймитов буржуазии - Деникина, Петлюры и Врангеля, не сознавало еще, что выйдет из революции обманутым и порабощенным.

То было время, когда все труженики находились в борьбе против возврата к жизни старого царско-помещичьего строя. Тогда некогда было присматриваться и проверять всех «пришлых» в их ряды. Вера в революционера брала верх над всякими рассуждениями о том, кто эти «пришлые», не недруги ли они наши?

Тогда трудящиеся шли в атаку против контрреволюции, держась в своих действиях того, кто шел в их передних рядах и своим бесстрашием перед смертью давал им пример защиты их общего дела в революции.

Теперь в психологии украинских тружеников многое изменилось. Они успели вдосталь присмотреться к пришлому в их ряды элементу и более критически относятся к тому, с чем они вышли из революции, т. е. какие революционные завоевания остались за ними и в их непосредственном распоряжении.

В пришлом элементе, как бы он ни подделывался под украинскую «мову», они опознают, главным образом, прямых и косвенных своих врагов, которые даже под флагом социализма действовали и действуют в направлении порабощения труда.

Они сознают теперь также и то, что вышли из революции обманутыми - все их прямые завоевания в ней захватила в свои цепкие руки каста социал-эксплуататоров, оставив массам лишь одно право подневольного труда. Словом, нечто вроде австро-венгерской оккупации, прикрытой всяческими большевистскими фокусами.

Вот факт этой оккупации и вызывает в массах некоторую националистическую струю, направленную против «пришлых». И совсем не зря господа большевики, управляющие Украиной из Москвы, подделываются под украинскую «свитку» и под украинскую «мову»: их побуждает к этому ими же взращенная ненависть украинских масс. Сами условия большевистского деспотизма толкают их к тому, чтобы изыскать средства, помощью которых можно было бы разрушить этот деспотизм и пойти по новому пути к подлинно свободной жизни.

Однако большевики не дремлют и в три погибели

приспособляются к украинской действительности.

В 1923 году они увидели себя заблудшими овцами в украинской действительности. Они сменили свою тактику и поспешили навстречу требованиям действительности. Даже больше этого, они поспешили связать существо большевизма с существом национализма и в небезызвестных положениях конституции Союза Советских Республик определили права каждого народа, входящего в состав этого Союза, на полное самоопределение вплоть до выделения себя из Союза. Конечно, лицемерно.

Чем эта связь большевизма с украинским национализмом закончится, покажут ближайшие несколько лет.

В таких условиях - в условиях вражды к пришлому элементу со стороны трудовых масс и националиствующего большевизма, - приходится работать теперь анархистам на Украине. Мы считаем, что главной их задачей теперь является - разъяснение массам того, что зло заключается не в пришлой власти, а во власти вообще. История последних лет Украины, так много перевидавшей всяких властей, как две капли воды похожих друг на друга, явится могучим аргументом в пользу этой нашей идеи свержения всякой власти. Мы должны показать, что как пришлая власть, так и власть самостийническая друг друга стоят и что до обоих их трудящимся нет дела. Свое внимание они должны сконцентрировать на противоположном - на разрушении очагов государственного аппарата и на замене их органами рабоче-крестьянского общественно-хозяйственного самоуправления.

Однако, подходя к этой задаче, мы должны считаться с особенностями последних дней Украины. Украина говорит по-украински и в силу все того же национализма подчас плохо слушает пришельцев, говорящих не по-украински. С этим следует считаться технически. Если до сего времени анархисты оказывали слабое идейное влияние на украинскую деревню, то только потому, что группировались по городам и притом не считались с национальным наречием украинской деревни.

Украинская действительность богата разнообразными возможностями, в особенности в области массово-революционного движения. Анархисты имеют большие шансы повлиять на это движение, стать его вдохновителями. Но при условии, если они разберутся во всех сторонах этой действительности и станут в прямое и открытое единоборство с переплетающимися в нем враждебными труду силами.

Справиться с этим можно лишь при наличии мощной украинской анархической организации. Над этим вопросом украинским анархистам надлежит серьезно подумать теперь же.

«Дело труда», № 19, декабрь 1926 г.

КАК ЛГУТ БОЛЬШЕВИКИ (правда об анархисте Железнякове)

Известный присяжный большевистского царства Бонч-Бруевич в своих мемуарах подло оклеветал тов. Анатолия Железнякова. Несмотря на то, что этому пресловутому Бончу была хорошо известна славная роль тов. Железнякова в революции и что для большевиков он был слишком заметным человеком до самой его смерти, он, тем не менее, прибег в своих мемуарах к клевете и приписал вышедшему из низов народа титану революции имя бандита, убитого, якобы, в Черниговской губернии в столкновении с отрядом красноармейцев.

Эту заведомую ложь Бонч-Бруевича разноцветная пресса на эмиграции подхватила и разносит, не зная ни тов. Железнякова, ни тех его устремлений, за которые он боролся и умер на передовом посту революции, как бесстрашный борец ее.

Тов. Анатолий Железняков - матрос Черноморского флота. В 1917 году он был послан черноморскими матросами в качестве делегата к революционным матросам Балтийского флота и прибыл в гор. Кронштадт. Активность и решительность революционных моряков Балтики и всех рабочих, анархистов и революционеров приковали его внимание, и он остался с ними работать.

Во время нападения агентов Временного Правительства на бюро анархистов на даче Дурново, завершившегося арестом многих анархистов и убийством тов. Асина, Железняков, не желая подчиниться произволу, оказал вооруженное сопротивление им, в результате которого был все-таки схвачен и арестован вместе с другими анархистами, откуда он бежал и снова взялся за работу по подготовлению восстания против Временного Правительства за расширение и углубление революции.

Во время октябрьского переворота Железняков был на передовых позициях. Правда, уже в это время большевики, опередив его влияние на массы, стремятся из всех сил использовать его. Он назначается комендантом Зимнего Дворца. Но за этого нечего винить Железнякова. Скорее нужно винить всех нас, выявивших даже в момент революции неспособность организоваться и организованно, как того требовал момент революции, подойти к трудовым массам и увлечь их за собой на свой путь борьбы за революцию. На этом пути непримиримый бунтарь Железняков выявил бы себя полностью и исключительно во имя торжества анархического движения.

Порукой тому, что именно так, а не иначе было бы с Железняковым, если бы наше движение имело свои организационные пути в революции, служит то, что он все время своей боевой деятельности оставался непоколебимым в своих анархических убеждениях. С этими убеждениями он выступил перед революцией и сыграл главную роль в разгоне Учредительного Собрания. Исторически совершить этот факт было необходимо. Тов. Железняков совершил его.

И мы сожалеем лишь о том, что Железняков, имевший за собой прислушивавшиеся к нему революционные массы, не разогнал вслед за Учредительным Собранием и Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным. Исторически это также было необходимо, так как это помогло бы во время расшифровать замаскированного душителя революции.

Итак, Железняков сыграл свою историческую роль в русской революции. Большевики эту его роль целиком поддерживали. Но когда он и далее оставался самим собой, не поддающимся влиянию партии, тогда полицейский глава Северной коммуны объявил его вне закона. Это принудило т. Железнякова на некоторое время уйти в деревню. А когда самодурство полицейского главы было выяснено в самом центре и отменено, он ушел на украинский фронт против Деникина. Здесь он организовал бронепоезд и с ним вошел в линию огня контрреволюции между гор. Николаевым и ст. Долинской, и там в борьбе с деникинщиной он умер смертью храброго героя-революционера.

Тело его было перевезено в Москву и там похоронено с особыми почестями. Над могилой его был произнесен ряд надгробных речей как анархистами, так и большевиками. И пресловутому Бонч-Бруевичу это было известно, ибо большевистская пресса посвятила ряд некрологов памяти революционера-анархиста Железнякова. Лишь по прошествии 6 лет господа большевики находят для себя лучшим подличать и лгать на славное имя анархиста Железнякова, а вместе с тем и на самую идею анархизма.

Правда, подлость и ложь не порок в большевистском обиходе и Бонч-Бруевич не научился ничему лучшему в большевистском царстве.

«Дело труда», № 22, март 1927 г.

К ЕВРЕЯМ ВСЕХ СТРАН

Граждане евреи! В первом своем обращении к евреям (см. французскую анархическую газету «Le Libertaire» № 64 за июнь мес. 1926 г.) я предлагал евреям вообще: и буржуа, и социалистам, и «анархистам» типа Яновского, вместо пустой и безответственной болтовни обо мне лично как о погромнике и о руководимом мною в свое время освободительном движении украинских революционных крестьян и рабочих, как о погромном движении, причинившем какие-то беды еврейскому населению на Украине, - указать мне прямо: где и когда я или под моим руководительством упомянутое освободительное движение выявляло себя в еврейских погромах?

Я ожидал от евреев вообще, что они, прочитавши мое к ним обращение, отнесутся к нему как подобает людям, задавшимся целью показать культурному человечеству правду о черных делах негодяев, учинявших еврейские погромы на Украине, и постараются обосновать свою позорную болтовню обо мне и связанном идейно с моим именем движении украинских революционных тружеников, на мало-мальски правдивых данных, и покажут их мне и культурному человечеству.

Таковых данных против меня и движения я не дождался со стороны евреев. Все же то, что появлялось в разноцветной, а также в еврейской анархической прессе до сих пор обо мне и о революционном движении украинских крестьян и рабочих, которое я возглавлял, в котором не последнее место занимали революционно-боевые части, скомплектованные из массы еврейских тружеников, есть плод лжи и пошлости отдельных политических проходимцев или наемных агентов этих последних. Эта подлость отдельных людей меня не затрагивает. Как таковую, я всегда презирал ее. В этом евреи могут убедиться хотя бы из того, что я ни словом не обмолвился на пасквильный роман некоего гражданина И.Кесселя: «Махно и его еврейка», роман, который построен на лживых данных обо мне и организационно и идейно связанном со мной движении. Основа этого пасквильного романа построена на очерке услужливого лакея большевиков - некоего полковника Герасименко, не так давно попавшего за шпионаж в пользу русской большевистской военной организации на скамью подсудимых чехословацкого трибунала. И строился этот роман еще на статьях не брезгавшего в своем подличанье против меня, связавшего со мной не существовавшее насилие над членом артистической труппы лилипутов - буржуазного журналиста, некоего Арбатова.

В этом безобразном по своей лжи романе молодой писатель И.Кессель изощряется в своем пустословии настолько гнусно против меня, что ему стоило бы ответить, хотя бы на те места, где он оскверняет самого себя, когда высасывает вздор и мрачный вымысел, чтобы придать правдивость тем документам, которые он извлек для своего романа из очерка и статей господ Герасименко и Арбатова.

Но поскольку в главной идее этого романа главную роль играет ложь, исходящая от отдельных лиц, я обошел ее молча.

Совсем не так я смотрю на дело безответственной клеветы, направленной против меня и движения со стороны еврейской общественности, из которой выделяются целые общества, которые показывают вид и самой своей общественности и всему культурному человечеству, что они изучают самым тщательным образом украинскую действительность и те акты вопиющей несправедливости и человеческого бесчестия, которые были совершены в отношении еврейского населения.

Эти сообщества показывают еврейской общественности всех стран и всему человечеству, кто совершал эти акты вопиющей несправедливости и человеческого бесчестия по отношению евреев на Украине.

И вот не так давно одно из еврейских обществ, проживающее в большевистском царстве, издало - на основании материала, собранного «товарищем» Островским, (читай большевиком) - книгу журнального формата с иллюстрациями того ужаса, который проделывали погромщики над еврейским населением на Украине и Белоруссии.

В этом историческом документе еврейское общество - по своей воле или по воле большевиков, не отмечает ни одного случая еврейских погромов, учиненных хваленной большевистской 1-ой конной армией на своем пути с Кавказа на польский фронт в апреле-мае 1920 года. Но зато оно собрало массу материала о других погромщиках, и наряду с ними, ни с сего, ни с того, без всяких указаний - почему, вставила ряд иллюстраций о повстанцах-махновцах, иллюстраций, в одних случаях не говорящих о какой бы то ни было связи махновцев с погромами. Так, например, фотография: «Махновщина на походе» - помимо того, что не имеет ничего общего с погромами, она совершенно не махновская, как не принадлежит махновскому движению и фотография знамени с эмблемой черепа. Это чужие фотографии в документе «еврейского общества» фигурируют под именем махновских.

Но еще большей подтасовкой этих документов против меня и махновцев являются фотографии разрушенных в г.

Александровске улиц, якобы махновцами, во время погрома летом 1919 года. Эта гнусная ложь совершенно непростительна для еврейской общественности, ибо всей Украине известно, что летом 1919 года армия повстанцев махновцев находилась далеко на западе от своих родных мест. Городом Александровском от февраля до конца июня 1919 года управляли большевики, а после июня до осени управляли деникинцы.

В этом документе «еврейское общество» большевистской формации особо ярко и сознательно подличает против меня и движения: ибо оно, не находя документов обличить нас в угоду своим панам, в причастии к еврейским погромам, прибегло к подделке и перенесению чужих дел за счет меня и движения.

Позорной ложью является и то в документе упомянутого еврейского общества, что оно помещает вместо фотографии «Махно - мирный гражданин» - совершенно не мою фотографию.

Поэтому я считал прямой своей обязанностью обратить внимание еврейской общественности разных стран на гнусность таких еврейских обществ большевистской фабрикации, обвиняющих меня и революционное движение украинских тружеников, которым я руководил, в еврейских погромах. Еврейской общественности необходимо сделать проверку этого грязного материала. Ибо подхватывать всякий вздор, основанный на лжи, и выдавать его на глазах всех за истину, - не есть тот действительный метод для того, чтобы показать, что на самом деле совершалось над жизнью евреев на Украине, - не говоря уже о том, что подбор ложных сведений является искажением истории.

«Дело труда», № 23-24, апрель-май 1927 г.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ

В виду дискуссии среди наших товарищей во многих странах по поводу проекта платформы Всеобщего Союза Анархистов, выпущенного Группой Русских Анархистов Заграницей, ряд товарищей просит меня написать одну-две статьи специально по вопросу о защите революции.

С большим вниманием подхожу к этому серьезному вопросу. При этом я считаю прямой своей обязанностью предупредить товарищей о том, что пункт о защите революции, изложенный в проекте платформы Всеобщего Союза Анархистов не является принципиальным пунктом платформы... И поскольку этот пункт не является принципиальным он не вызывает во мне той значительности, из за которой нужно тратить время и силы на дискуссии в той ее плоскости, в какой она ведется многими нашими товарищами.

Для меня лично (я думаю, что и для каждого серьезного вдумчивого товарища) важна принципиальная часть «проекта платформы Всеобщего Союза Анархистов». Она правильна и указывает на необходимость в наших анархо-коммунистических рядах серьезнейшим образом разобраться в ней. Чего недостает, пополнить и, базируясь на ней, заняться делом группирования наших сил, их определенной организацией. В противном случае нашему движению суждено окончательно подпасть под влияние оппортунистов и либералов в наших рядах, а то и просто спекулянтов и всевозможных проходимцев политических, способных попусту болтать вдали от дела трудящихся масс, но не способных ни самим практически бороться и умирать на пути нашего движения за его великие цели, ни вести за собой тех, кто инстинктивно верит в наше движение и в моменты революции через него стремиться практически завоевать себе свободу и независимость, строить новое общество, новое право, новый порядок, через которые и в котором мог бы каждый человек свободно утверждать свою творческую волю на пользу себе и ему подобных.

Касаясь вопроса о защите революции вообще, я нахожу ему разрешение, исходя из того многолетнего опыта в Русской революции на Украине, который я и руководимое мною революционное движение украинских тружеников за годы нашей неравной, но решительной борьбы пережили. Этот опыт мне говорит, во-первых, что защита революции тесно связана с наступлением революции на контрреволюцию. Во-вторых, что рост и развитие сил защиты революции всегда обусловливается

силами сопротивления со стороны контрреволюции. И, в-третьих, что от вышеопределенных двух основных положений практических действий революции в большинстве случаев зависит и внутреннее содержание, форма и методы самой организации тех военно-революционных формирований, которым придется повсеместно определенным фронтом отражать и разбивать вооруженные фронты контрреволюции.

Русская революция в борьбе со своей внутренней контрреволюцией проводилась под руководительством большевиков силами красногвардейских отрядов. Но в скором времени было замечено, что красногвардейские отряды действовавшие в большинстве случаев без мало-мальски общей оперативной ориентации, не выдерживают натиска организованной контрреволюции в лице немецко-австро-венгерских экспедиционных армий. И большевики в России прибегли к организации красной армии весною 1918 года.

Мы же формулировали перед украинскими тружениками лозунг организации «вольных батальонов». Правда, организация «вольных батальонов» весной 1918 года в силу того, что она допускала вступление в эти боевые единицы каждого, желавшего взять в руки оружие без всякой проверки - кто он, оказалась бессильной справиться со всякого рода провокацией внутри вольных батальонов. Благодаря чему она, организация, как и сами батальоны, была изменнически предана контрреволюционерами. И это помешало ей на этот раз полностью и до конца сыграть свою историческую роль в борьбе против немецко-австро-венгерской контрреволюции.

Однако, перед этой первой неудачей в деле организации «Вольных батальонов» - этих можно сказать, непосредственных революционных боевых единиц защиты революции, мы не растерялись. Организация «вольных батальонов» была несколько видоизменена. Сами батальоны были пополнены подсобными или легкими партизанскими отрядами сводного конно-пехотного рода, в задачу которых входила деятельность по глубоким тылам противника. И, повторяю, оправдала она себя в своих революционных действиях против немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и банд гетмана Скоропадского в конце лета и осенью того же 1918 года.

Придерживаясь этой формы организации защиты революции, украинские революционные труженики у себя на местах вырвали из петли австро-германского юнкерства революцию на Украине, углубляя ее, защищая на протяжении ряда месяцев от немецко-венгерских армий и от отрядов украинской директории, во главе которой стоял Петлюра и Виниченко, и от отрядов генералов

Каледина и Деникина.

Примечание. (Большевики в это время своих отрядов не имели на Украине. Большевистские боевые части пришли на Украину несколько позже из России и сразу же заняли фронт параллельно с нами и против контрреволюции, стараясь как будто идти навстречу организовавшимся без них и не по их государственническому рецепту революционным труженикам, но в действительности занимаясь наглым разложением их, не брезгуя при этом никакими средствами вплоть до саботажа в своевременной обязательной поддержке патронами и снарядами - как раз в то время, когда мы развивали по всему фронту наступательные действия, и когда исход боя зависел от своевременного орудийного и пулеметного огня.)

Но по мере того, как росла и развивалась контрреволюция внутри страны, она получала поддержку из других стран. А из других стран контрреволюция получала поддержку не только вооружением и снаряжением, но и солдатами. По мере этого, и параллельно с этим росла и развивалась наша организация защиты революции, принимая вместе с этим и по силе надобности в себя новое содержание, форму и методы для своих дальнейших действий.

Как известно, самым опасным в это время контрреволюционным фронтом был Деникинский. Революционно-повстанческий фронт стоял деникинскому фронту в лоб на протяжении 5-6 месяцев. Об наши организованные революционные силы, которые до этого ни у кого не просили никакой поддержки и вооружались исключительно за счет отнятого вооружения у противника, многие из лучших деникинских полководцев сломали себе голову. Но этому много содействовало то состояние нашей организации, которое, не нарушив внутреннего автономного содержания боевых частей, позволило реорганизовать их в полки и бригады с единым оперативным и организационно-контрольным штабом.

Правда, создание общего оперативного и организационно-контрольного штаба у нас произошло на почве того, что борющиеся революционные трудовые массы на фронте и в тылу признали необходимость единого командования. Эти труженики под влиянием нашей крестьянской группы анархо-коммунистов занимались в это время учетом и распределением своих сил, определением за каждым человеком равного права на участие во всех областях нового социально-общественного строительства, и обязанности защищать его. И так как в это время фронт деникинской контрреволюции угрожал прямой смертью и революции и жизни в ней нашей антигосударственнической идеи,

вокруг которой революционные труженики группировались с особым интересом, то они, эти труженики, и уделили свое особое внимание нашей организации защиты революции, признав ее своей, как таковую снабжали пищей, регулярно заменяя уставших в ее рядах бойцов или пополняя их свежими бойцами.

Это явление в практическом деле и породило в рядах нашей организации защиты революции на известной территории со специальной целью единый организационный и организационно-контрольный штаб для всех вооруженных действующих боевых единиц.

И я теперь не допускаю мысли, чтобы революционные анархисты в своих практических действиях в рядах широких революционных масс отрицали идею единых оперативных и организационно-контрольных штабов, стратегически направляющих вооруженные силы революции против вооруженных сил контрреволюции.

Мы уверены, что каждый революционный анархист, попав в условия подлинной революции трудящихся, вынужден будет действовать по тем же военно-революционным методам, по которым действовали мы, пережившие историю гражданской борьбы на Украине. Если же в будущей социальной революции найдутся анархисты, которые при всем наличии вооруженных фронтов контрреволюции будут избегать указанных выше организационных начал, то эти анархисты будут только на словах стоять в рядах своего движения, на деле же они будут находиться вне его, или же будут вредить ему.

При решении вопроса о защите революции анархисты должны руководиться социальным характером анархо-коммунизма. Или движение это есть революционно-социальное движение, тогда мы должны признать необходимость организовать его и вооружить достойными его определенными социальными средствами, имя которым социальные учреждения, и целиком погрузиться в практическую жизнь и борьбу трудящихся масс.

Или же это движение есть утопия мечтателей, тогда мы не должны сбивать с пути революционных тружеников, не понимающих нас и идущих за социалистами-государственниками. Безусловно, анархизм -революционно-социальное движение, и поэтому я стоял и буду стоять за его определенную организацию, теперь же и за отряды, батальоны, полки, бригады и дивизии в моменты революции, которым, быть может, придется временами сливаться в общие районные армии с единым районным командованием и организационно-контрольными штабами, которым по силе надобности придется, быть может, в свою

очередь, временами выделять из себя свой федеративный оперативный план, при помощи которого можно было бы, в целях успешного завершения дела борьбы на фронтах против вооруженной контрреволюции координировать действия районных армий на местах.

Дело защиты революции от вооруженной контрреволюции не легкое дело. Оно может потребовать от борющихся революционных масс слишком большого организационного напряжения. И революционные анархисты должны это знать и быть к этому готовыми.

«Дело труда», № 25, июнь 1927 г.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ И МИРОВЫЕ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРУДА

Капиталистическая консервативная Англия зарывается. СССР стал мишенью для гнусных контрреволюционных замыслов консервативной Англии и ее (в денежном отношении) вассалов - поменьше и поглупее из европейских государств. Это явление вводит дело революционных тружеников СССР в полосу новой жизни и новых битв, которые особенно привлекают к себе наше, анархо-коммунистов, внимание. И это потому, что мы понимаем гнусное намерение Англии по отношению к мировому движению трудящихся и к тем остаткам русской революции, которые еще не распроданы правящей партией и которыми рабочие и крестьяне СССР живут.

Капиталистическая консервативная Англия, живя за счет завоеванных колоний, не могла вообще быть спокойной за судьбу своего политического и экономического завоевательного положения в мире. Она подозревала и подозревает всех своих соседей своими врагами, она всех их считала всегда и считает теперь завистниками ее жульнических на дипломатическом поприще успехов и на Востоке, и на Юге, и на Севере. Поэтому она усердно старалась всегда изучать правильно цели и характер своих завистников. И когда ей это удавалось, она умело и во время находила пути и средства обезоружить их. И так, при помощи открытого обмана перед своими завистниками-соседями и утонченно-скрытого перед своими рабочими и крестьянами, перед интеллигенцией, питающейся соками жизни последних, консервативная Англия живет сотни лет госпожой своего политического и экономического положения в Европе, в Азии, на далеких океанических пространствах. Ей не было равных государств, которые могли бы подорвать ее владычество среди населения ею порабощенных колоний. Правда, это потому, что завистники, ее соседи, лучших целей, чем она, никогда не преследовали. Было время, когда монархическая Германия, которая на протяжении 30-40 лет усиленно готовилась к установлению своей пангерманской гегемонии над миром, попыталась подорвать в этой области престиж Англии; но поскольку монархическая Германия была глупа в своей восточной политике, она ничего не сделала в своем стремлении подорвать английскую мировую гегемонию, кроме того, что ускорила для нас приятную смерть свою. Этот провал монархической Германии

упрочил еще более политическое и мировое господство Англии. Она продолжает царствовать в капиталистическом мире первой, в своем роде, наилучшей представительницей империализма. Пошатнуть Англию в этой области в настоящее время не может ни одно государство в мире.

Лишь революционные силы трудящихся, идущие под знаменем великой русской революции, могут подорвать мощь английского капитализма и положить начало новому свободному трудовому строю. И английский капитализм это сознает и стремится разбить окончательно начатое великое дело русской революции. Делает он это путем давления на советскую власть, явно предлагая ей стать на его сторону.

Пойдут ли на это большевики или нет, это вопрос особый, но кроме большевиков в СССР остаются революционные труженики, которые будут бороться с английским капиталистическим наступлением.

Для такого великого дела, как подрыв мировой мощи английского капитала, полного разоблачения пошлости его либерализма, разрушения власти первого и последнего, в целях оказания помощи как внутри самой Англии ее труженикам, так и труженикам тех многочисленных колоний, которые находятся под пятой ее власти, - стать большими самоуправляющимися союзами в жизни человеческого общества - для такого, повторяю, великого дела в жизни СССР, в жизни населяющих его революционных тружеников недостает целого ряда условий.

Укажем на главнейшие из этих условий, которых в СССР нет и без которых трудящиеся Союза задыхаются, становятся бессильными не только в своих попытках стать центром борьбы трудящихся всего мира с их врагами, капиталом, буржуазией и властью, - но и в том, чтобы вдохнуть в свои ряды дух солидарности, без которого нельзя учесть того, на что способен, что в силах вынести в круговороте тех бурь, которые разыгрываются вокруг дела революционных тружеников СССР.

Одним из тех главных в жизни трудящихся СССР условий является отсутствие свободы. В СССР нет свободы слова, свободы собраний, свободы организации революционных тружеников и их печати. Отсутствие этой свободы, при которой рождаются и выращиваются творческие созидательные силы трудящихся для их новых побед по пути к их идеалам, лишает их подлинной веры в то, что им придется в завтрашней, силой им навязанной войне, защищать, за что им придется бороться и умирать (если враг окажется сильнее их) или побеждать в своей борьбе и радоваться, если то, что они будут защищать, будет заслуживать их внимания и возродит собою то, чего они добились в первые дни и месяцы

революции и что партия большевиков и ее власть у них похитила и раздала нэпманам и иностранным концессионерам.

Вторым, не менее важным из отсутствующих в СССР условий, без которых невозможна защита революции и без которых жизнь тружеников его не может развиваться и двигаться вперед к более совершенным конечным своим целям, является социальное право трудящихся. В СССР отсутствует мыслимое нами, анархо-коммунистами, право ответственности человека, право, которое бы обеспечивало свободу и социальную справедливость всегда, везде и в равной мере за каждой трудовой личностью, независимо от того, кто она, противник или сторонник господствующей, управляющей СССР партии.

Эти условия для жизни трудящихся СССР, приближавшейся было уже к изжитию на своем теле старых политико-буржуазных форм и теперь, словно по воле какого-то рока, по злой воле руководящей партии ВКП возвращающейся к ним, - должны быть восстановлены немедленно, как того требует опасное положение ряда революционных тружеников СССР. Восстановление этих важнейших условий объединит всех трудящихся, все революционные силы как внутри самого СССР, так и во всех других странах. И тогда капиталистическая консервативная Англия со всеми замыслами объединить своих коллег - империалистов мира и в удобный момент броситься с ними на трудящихся СССР, а потом и на революционное движение трудящихся в других странах, будет разбита революционными усилиями самих английских тружеников.

И тогда СССР станет действительным местом выращивания среди трудящихся мира силы для социальной революции, для ее широкого плодотворного пути.

«Дело труда», № 26-27, июль-август 1927 г.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ НА УКРАИНЕ

Месяц октябрь 1917 года выражает собой великий исторический этап русской революции. Этот этап заключается в том сознании трудящимися деревни и города самих себя, своих прав на свои наследия, имя которым, как известно: возделанные земли, построенные города, дома, фабрики, заводы, рудники, угольные копии, транспорт, наконец, обучение, которое помогло отчуждению этих богатств у наших предков.

Однако с нашей точки зрения было бы великим заблуждением приписывать октябрю целиком все содержание русской революции, ибо она была подготовлена на протяжении целого ряда месяцев до октября, во время которых крестьяне по деревням, а рабочие по городам разобрались в самом насущном по тому времени, а именно: может ли февральская революция по своему существу служить символом для этих масс для их дальнейшего освобождения от экономического и политического гнета. И безбоязненно ответили себе: «Нет. Февральская революция в своем процессе приняла вид уродливого детища либеральной буржуазии, и, как таковая, она уже беспомощна стать на широкий путь социального действия, и они перешагнули политические рамки, установленные заправилами февральской революции, и особо заметно начали прерывать всякую связь с псевдореволюционным характером и целями Февраля сейчас же вслед за ним. Правда, прерывание этой связи тружениками с не удовлетворившими их идеалами Февраля на Украине носило двоякий характер. Так, например: в то время, как пролетарии по городам, благодаря слабому идейному влиянию на них анархистов, с одной стороны, и благодаря неосведомленности в главных чисто внутренних задачах политических партий, с другой, считали первым и важнейшим своим долгом в начатой борьбе за развитие революции то, чтобы заменить власть коалиции правых социалистов с буржуазией, новой чисто социалистической властью в лице власти советов на местах; в это самое время по деревням, в особенности в запорожской части Украины, где самодержавие не успело совсем убить вольность духа, революционное трудовое крестьянство считало первым и важнейшим своим делом то, чтобы как можно полнее использовать время прямого революционного действия и скорее освободиться от власти помещика и кулака, считая, что освобождение от помещиков облегчит победу над политической коалицией социалистов с буржуазией.

Поэтому-то на Украине крестьяне начали свое

наступательное действие с отобрания у буржуазии (этому много содействовал контрреволюционный поход генерала Корнилова на Петроград в августе 1917 г.), затем с отказа вносить в волостные и уездные земотделы вторую годовую часть арендной платы помещикам и кулакам за землю, которую агенты коалиции с особым усердием выжимали из крестьян и уплачивали помещикам, так как по декрету Временного правительства коалиции земля до решения Учредительного Собрания должна была оставаться неотъемлемой собственностью помещиков и кулаков; а затем они начали с прямого захвата всех кулацко-помещичьих, монастырских и государственных земель, живого и мертвого инвентаря в непосредственное ведение своих местных, наспех реорганизованных земельных комитетов и распределения их между своими сельскими обществами, а последние между их членами.

Во всех тогдашних настроениях трудового революционного украинского крестьянства яркой нитью проходил стихийный анархизм, нескрываемая вражда ко всякой государственной власти и стремление освободиться от нее.

Стремление крестьян к этому было очень велико. По существу своему оно заключалось в том, чтобы избавиться от милицейского института, от присланного из центра судьи и т. п. И оно во многих районах Украины имело свое практическое выражение. Есть много фактов, свидетельствующих о том, как крестьяне Екатеринославской, частей Таврической и Херсонской, Полтавской и Харьковской губерний или изгоняли из своих сел милицию, или лишали ее всяких прав на аресты, когда бы то ни было без ведома крестьянских общественных комитетов и сельских сходов, и часто милиция выполняла роль разносчиков тех или других общественных постановлений и прочее. То же было и с судьями. Крестьяне судили всякие проступки на своих сельских сходах и собраниях, суде же профессиональных, присланных центральной властью, лишали всяких прав судить кого бы то ни было, и сплошь и рядом они попадали под такую опалу революционного населения, что принуждены были сами разбегаться. Такое отношение крестьян к своим индивидуальным и общественным правам естественно заставило их опасаться, как бы лозунг «власть советов» не претворился бы в подлинную государственную власть, опасения эти, быть может, не так ярко проявлялись в городском пролетариате, который больше был под влиянием социал-демократии и большевиков. По-крестьянски «власть советов на местах» значило превратить советы местные в территориально-автономные единицы революционного группирования и хозяйственно-общественного самоуправления

трудящихся на пути нового социального строительства. Принимая лозунг «власть советов на местах» в этом смысле, крестьяне восприняли его, развивали и защищали от покушений на него со стороны право-социалистических, конституционно-демократических и монархической контрреволюции.

Когда украинские крестьяне целого ряда губерний отказывались вносить вторую годовую часть арендной платы помещикам и кулакам и захватывали их земли и инвентарь в общественное достояние, когда они из деревень посылали своих делегатов к пролетариям городов, чтобы сговориться с последними о захвате заводов, фабрик и других отраслей производства в свое ведение и устанавливать живую братскую связь с деревней, чтобы совместно и на более прочных организационно-трудовых началах строить и с оружием в руках защищать новое свободное общество тружеников - тогда октября еще не было. Тогда практическое применение идей «Великого октября» только подхватывалось врагами и сторонниками его и живо обсуждалось в группах, организациях, партиях и ЦК последних.

Таким образом, Великий октябрь, в его официальном датированном смысле, является для украинской революционной деревни уже самочинно пройденным этапом. В дни октября петроградский, московский и ряда других городов России пролетариат, а также солдаты и крестьяне прилегающих к городам деревень, под влиянием анархистов, большевиков и левых эсеров только оформили и с политической стороны более четко выразили то, за что украинская революционная деревня многих районов начала активно бороться еще с августа месяца, в условиях далеко неблагоприятных в смысле поддержки ее городским пролетариатом.

Однако отзвуки этих октябрьских выражений пролетарской воли по городам дошли на Украину после октября, через месяца полтора. Дошли они сперва через партийных гонцов и воззвания, а затем посредством декретов Совета Народных Комиссаров, к которому украинские крестьяне, как не участвовавшие в выборах его, отнеслись подозрительно. А потом уже появились на Украине красногвардейские группы и части из России, которые атаковывали всюду узловые станции и города, выбивая из них контрреволюционные и вольного казачества войсковые части Украинской Центральной Рады, которая была заражена шовинизмом настолько, что не могла ни видеть, ни понимать того, с кем украинское трудовое население идеологически роднится, какой революционный дух проявляет в борьбе за свою политическую и социальную независимость.

Давая эту заметку о Великом Октябре в его 10-ую годовщину, мы должны подчеркнуть, что, то, что мы делали на Украине в деревнях, сочеталось через два месяца с действиями революционных тружеников в Петрограде, Москве и других городах. Как чтим мы революционную веру, энтузиазм, проявленные украинской деревней до октября, так же чтим и преклоняемся пред идеями, волей и энергией, проявленными русскими рабочими, крестьянами и солдатами в дни Октября.

Правда, касаясь прошлого, мы не можем пройти молча мимо настоящего, так или иначе связанного с делом Октября. Мы не можем не выразить моральной боли за то, что все идеи, которые 10 лет назад нашли свое выражение в октябре, попраны теми, кто за их счет добрался до власти и теперь правит Россией. Мы выражаем свою боль за тех, кто боролся вместе с нами за торжество октября, и кто теперь гниет по тюрьмам и концлагерям, чей стон от избиений и вопль от голода доносится до нас и обязывает нас выражать вместо радости 10-й годовщине Великого Октября, скорбное терзание души и ума. По долгу революционеров мы еще и еще раз подаем свой голос через все границы в СССР - Свободу, возвратите сынам Октября, права организации и проповеди их идей. Без свободы и прав для трудящихся и революционных борцов СССР задыхается и убивает лучшие идеи в себе. Враги его злорадствуют над этим и во всем мире готовятся всеми путями и при помощи всевозможных средств добить совсем революцию, а с ней и СССР.

«Дело труда», № 29, октябрь 1927 г.

МАХНОВЩИНА И АНТИСЕМИТИЗМ

Как известно, за последние 6-7 лет, ненавистники движения революционной махновщины настолько разнуздались в своей лжи против движения, что приходится поражаться, как эти люди хотя бы изредка не краснеют за эту ложь.

И характерно, ложь эта против нас, повстанцев-махновцев и против нашего движения в целом, объединила вокруг себя людей различных социально-политических и антиобщественных лагерей: тут путаются разного рода журналисты, писатели, ученые и просто профаны, путающиеся вокруг ученых, есть и мародеры спекулятивного мира, нередко мнящие себя пионерами передовых, даже революционных идей. Изредка встречаются тут люди, которые называют себя анархистами, вроде Яновского из «Фрае Арбайтер Штиме», - и все эти люди во всех частях старого и нового света хватаются за эту ложь против нас, ложь тех, кому сами не верят, против тех, кого сами не знают. Но все они пополняют ложь эту своими инсинуациями и всюду носятся с нею. Всюду кричат против нас, часто не отдавая себе отчета, на основании чего они кричат. Где те правдивые данные, которые хотя бы когда-либо могли оправдать этот их истерический и морально бессодержательный и временами дикий крик? То, что все эти люди, ни над чем не задумываясь, ничего налету услышанного о нас, махновцах - не проверяя, бесстыдно лгут, нас называя погромщиками, - это побудило меня не так давно обратиться через французскую и русскую анархическую прессу к евреям всех стран с разъяснениями того, на чем этот вздор построен, и с просьбой указать мне определенно те данные, которые действительно могли бы доказывать факты о том, что руководимое мною в свое время революционное освободительное движение украинских тружеников организовало или поощряло еврейские погромы на Украине.

На это мое обращение «к евреям всех стран» отозвался небезызвестный в своем роде в Париже аполитический клуб «Фобур».

Правление этого клуба как-то оповестило в прессе, что на 23-е июня 1927 г. назначено собрание клуба, на котором, дескать, будет обсуждаться вопрос: «был ли "генерал" Махно другом евреев или он участвовал в убийстве их». Далее пояснялось, что на обсуждение этого вопроса вызван в качестве защитника французский анархист т. Лекуан.

Само собой понятно, что как только эти сведения о собрании в клубе «Фобур» дошли до меня, я тотчас же обратился письменно

к председателю клуба Польдесу, настаивая на устранении анархиста Лекуана, вызванного без его ведома клубом по касающемуся меня и движения вопросу. Я просил гр. Польдеса предоставить мне возможность лично выступить перед собранием клуба «Фобур». В результате моей переписки с Польдесом я и выступил в этом клубе 23 июня 1927 г.

Однако, по причине своеобразного метода ведения этого собрания в клубе «Фобур», а также по причине того, что затрагивавший меня и движение махновщины вопрос был последним вопросом этого собрания - времени оказалось мало (было около 11 часов ночи, когда мне дали слово), моя речь на нем была не полна. Кроме введения к ней чисто исторического характера, указывающего правильные источники, пути и средства антисемитизма на Украине, я ничего другого положительного не мог сказать этому собранию.

Враги мои пользуются отчасти этим, отчасти тем, что я связан по рукам и ногам. По полицейским законам я не имею права общаться со своими идейными товарищами французами, а, следовательно, не могу организовать своего открытого выступления - и гнусно лгут о каком-то суде надо мной в Париже и т. д. Моим врагам, лицемерным защитникам права и независимости еврейского народа, столь ужасно пострадавшего в русской и украинской действительности за последние 3040 лет, ложная весть о каком-то суде надо мной на руку. Они ее подхватили и раздувают в согласии со своей старой ложью, обличающей меня и движение в организации еврейских погромов.

Но действительно ли это так, как враги наши лгут?

Для украинских тружеников евреев и не евреев известно, что движение, которым я руководил на протяжении ряда лет на Украине, было подлинно трудовым и революционным движением. На своем практическом пути это преследовало не разъединение обманутых, порабощение и угнетение тружеников на их расовые особенности. Оно преследовало объединение их в один мощный дееспособный революционный союз против их угнетателей и, следовательно, противоеврейским погромческим духом деникинщины, петлюровщины и врангелевщены они не питались. Организацией еврейских погромов никогда не занималось и не поощряло ее.

В авангарде его - в революционно-повстанческой армии Украины (махновцев), в целом ряде ее полков была масса еврейских тружеников:

В гуляй-польском пехотном полку имелась рота из более двухсот человек исключительно из еврейских тружеников. Существовала также одна 4-х орудийная батарея, вся прислуга

которой с командиром во главе, а также прикрытие, были все еврейские труженики.

Выло много еврейских тружеников в руководимом мною в свое время движении таких, которые по своим личным наклонностям считали для себя удобным вливаться в смешанные революционно-боевые части, и они вступали в них. Но все были свободными бойцами, добровольно влившимися в революционно-повстанческую массу, и вместе с нею и нами боролись за общее дело трудящихся. Эти же безыменные бойцы имели своих представителей в органах хозяйства и снабжения всей армии (что можно проверить в Гуляйпольском районе в селах и еврейских колониях).

Все эти повстанцы труженики-евреи находились в повстанческой армии под моим руководством не дни, не месяцы, а годы. Они и являются прямыми свидетелями того, как я, мой штаб и армия в целом относились к антисемитизму и порождающимся им еврейским погромам.

Всякая попытка к погромам или к грабежу у нас пресекалась в корне. Виновники подобных актов всегда расстреливались на месте их совершения.

Так было в мае 1919 г., когда сменившиеся с фронта на отдых крестьяне-повстанцы из села Ново-Успеновки, найдя под еврейской колонией N (или Горькой) два уже разложившихся человеческих трупа и, приняв их за убитых евреями из этой колонии и повстанцев, убили в ней около 30-ти человек евреев; мой штаб тот же день выслал комиссию в эту колонию, которая нашла следы: из какого села и кто именно участвовал в нападении на эту колонию. Я лично выслал сейчас же особый отряд в это село, чтобы арестовать в нем всех участников нападения. И главари этого нападения на еврейскую колонию, в числе 6 человек, во главе которых был волостной комиссар большевик, были расстреляны 13 мая.

Так было в июле 1919 г., когда я очутился под ударами Деникина и Троцкого, который пророчествовал в то время своей партии, «что лучше отдать всю Украину Деникину, чем дать возможность развиваться махновщине», принужден был перебросится на правый берег Днепра. Здесь со мною встретился пресловутый атаман Херсонщины Григорьев. Этот атаман видимо тоже наслушался разного вздора обо мне лично и о движении революционной махновщины, пожелал заключить с моим штабом условия о совместной борьбе против Деникина и большевиков.

Переговоры по этому вопросу начались при условии с моей стороны, что атаман Григорьев в течение двух недель представит в мой штаб и Совет Революционно-повстанческой армии Украины

(махновцев) документальные данные, что все те слухи, которые доносились до меня и на которых я из-за отсутствия времени не мог сосредоточить свое внимание, чтобы проверить - слухи об еврейских погромах в Елисаветграде который занимался два или три раза Григорьевым, и вообще об еврейских погромах при его майском походе на г. Екатеринослав - суть неверные слухи.

Правда, Григорьев над этим условием с моей стороны, было, задумался. Но как военный и хороший стратег, согласился. И в знак того, чтобы заверить меня, что он не мог и не может быть погромщиком, он отрекомендовался мне представителем украинской партии соц. Революционеров. А затем, бросив мне обвинение за выпуск в мае мес. от имени моего штаба и Район. Рев. Совета против него воззвания, как против врага революции, Григорьев представил мне (опять таки в знак доказательства, что он не погромщик) находившихся при нем политических представителей: от Украинской партии соц. Революционеров - Николая Копорницкого, а от Украинской партии соц. демократов - Селянского (он же Горабец) и Колюжного.

Однако это было время, когда я основной своей боевой частью близко подошел к г. Елисаветграду. По долгу революционера я счел для себя нужным поспешить самому и раньше выяснить, что делал атаман Григорьев в г. Елисаветграде, при каждом разе, когда занимал его.

От пойманных в это время деникинских агентов я узнал, что атаман Григорьев тайно от трудящихся Херсонщины работает против большевиков вместе с деникинцами, координируя действия в согласии со ставкой Деникина.

От жителей г. Екатеринослава и прилегающих сел и от рядовых григорьевцев я узнал, что Григорьев все разы занятия этого города своими партизанами, громил в нем евреев. По его распоряжению и в его присутствии его партизаны убили в этом городе около двух тысяч человек евреев, среди которых погиб лучший цвет анархической, большевистской, социалистической и вообще еврейской молодежи. Некоторые из них даже из тюрьмы были забраны и убиты.

Узнав все это, я тотчас же организовал объявление «атамана Херсонщины», «социалиста-революционера» в кавычках - Григорьева агентом деникинщины и прямым погромщиком, ответственным за все деяния его партизан и его самого в еврейских погромах.

Таковым Григорьев был объявлен 27 июля 1919 г. В м. Сентово Александровского уезда Херсонской губ. перед митингом-собранием населения этого местечка и повстанцев, и тут же на площади был расстрелян. Факт убийства, как и мотивы,

запротоколированы формулой: «Погромщик Григорьев убит ответственными махновцами - Батькой Махно, Семеном Каретником и Алексеем Чубенко. Движение махновщины берет целиком на себя перед историей ответственность за этот факт».

Протокол подписан кроме всех членов совета армии, и представителем от украинской партии соц.-революционеров - Николаем Копорницким.

Так же я поступал всегда в отношении погромщиков, которых раскрывал при подготовке погромов или после их совершения.

Не было пощады и грабителям, появление их в рядах революционной армии или вне ее.

Так было, например, в августе месяце 1920 г., когда два повстанческих отряда петлюровской национал-шовинистской окраски под командой Левченко и Матьяныша столкнулись с моими частями на реке Орель у Нехворощина и, не выдержав нашего окружения, прислали ко мне гонцов с извещением, что они решили сдаться с условием зачисления их в армию повстанцев-махновцев. Я и мой штаб их приняли. Однако, как только мы заметили, что шовинистический элемент этих отрядов занимается грабежами и противоеврейской погромческой проповедью, прямые виновники в этом в селе Аверески Полтав. губ. были сразу же расстреляны.

А через 4-5 дней после этого за подстрекательство повстанцев против евреев в г. Зиньково Полтавс. губ. был расстрелян и сам командир Матьяныш, а отряд его обезоружен и в большинстве своем удален из армии.

Так было, например, и в декабре мес. 1920 г., когда я со штабом и главными силами армии повстанцев-махновцев, выдержав ряд успешных боев с красной армией Буденного и завершив разгром 11-й дивизии этой армии под местечком Петрово, Александровского уезда, а затем и 14-й кавдивизии этой же армии с пленением начдива и всего его штаба. Тогда из 11-й дивизии было много пленных. Часть из этих пленных буденовцев изъявила желание остаться в рядах армии повстанцев-махновцев, чтобы вместе с повстанцами бороться с диким политическим комиссародержавием, как они выражались. Проходом по Херсонщине через мест. Добровеличковка (оно же Ревутское), население которого наполовину, если не больше, еврейское, - ряд кавалеристов из бывших буденовцев и петлюровцев, наслушавшись в своих прежних армиях разного вздора о махновцах, об их «враждебных отношениях» к «жидам», бросились по дворам грабить евреев этого местечка. И как только они были замечены старыми испытанными бойцами махновцами, а других еврейское население нам указало, то все грабители тут же на

глазах еврейского населения были расстреляны.

Итак, весь свой тяжелый многолетний путь революционная махновщина была постоянной в своем непримиримом отношении к антисемитам и погромщикам: ибо она была подлинно трудовым и революционным явлением в жизни и борьбе революции на Украине.

«Дело труда», № 30-34, ноябрь, декабрь 1927г.

Примечание: соц.-демократы - Селянский и Калюжный куда-то спрятались в минуту убийства Григорьева.

ФОНД НЕСТОРА МАХНО

Интернациональная группа Анархистов г. Чикаго «Фри Сосаэти» По предложению тов. Максимова на собрании группы было собрано тов. Еленским в пользу больного Нестора Махно 22,00 долл., которые отосланы в Париж через тов. Дубинского.

Жертвовали следующие товарищи: Джо Гольдман - 5,00; Бен Кейпс, Еленский, Вайнберг, А. Сосновская, А.Лившиц, Ротман, М.Коган, М.Олей, Джо Гендман, Джек Левин по одному доллару; Роза Песота - 1,50 и из кассы группы 5,00. ВСЕГО - 22,00.

«Дело труда» № 81, 1934 г.

КРЕСТЬЯНСТВО И БОЛЬШЕВИКИ

На заре своей истории крестьянство определилось, как класс тружеников, занятых на земле вырабатыванием сырой продукции. Проследивши историю социальной жизни человечества, не трудно заметить, какую великую роль играл в ней в прошлом и играет в настоящем труд крестьянства. Однако история эта не знает того, чтобы крестьянство, как таковое, составляло из себя единую трудовую классовую целость наподобие городских тружеников-пролетариев.

И это понятно. Крестьянство не едино. Крестьянство в основном делится на две центральные группы. Одна из них находится всегда в ничтожном меньшинстве, но, пользуясь экономическими привилегиями, она обладает через это большой политической силой в повседневной жизни. Вторая группа вмещает, в себя всю остальную большую часть крестьянства. Будучи бесправной политически и стесненной в земельном отношении, эта часть проводит свою жизнь в тяжелой зависимости не только от государства и от помещика, но и от этого ничтожного крестьянского привилегированного меньшинства.

Но и группа большинства в крестьянстве делится на несколько категорий - на крестьян имущих, малоимущих, бедняков и батраков.

Здесь мы дадим определение крестьянства, каким оно было в дореволюционное время и каким после десяти лет революции большевики вновь его делают.

Под богачами понимаются крестьяне, кот. помимо того, что получили себе из общественно-земельного фонда подушный или подворный надел земли, приобретают таковую обыкновенно еще в аренду или совсем покупают в собственность и обрабатывают ее с помощью или совсем за счет наемного труда батраков. Эта группа крестьян-богачей считается в остальной крестьянской массе людьми, развращенными буржуазным стремлением наживаться за счет чужого труда и она зовется «кулаками» или буржуями (смотря в какой местности и какое из этих двух слов ранее начало употребляться).

Под имущими (середняками) понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного земельного фонда подушный или надворный надел земли и, не прибегая к чужому наемному труду, обрабатывают ее самостоятельно силами своей семьи, своими лошадьми или быками и своим сельскохозяйственным орудием.

Под малоимущими понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда подушный или подворный надел земли, на который не имеют у себя в наличии достаточного количества лошадей или быков, а также своего сельскохозяйственного инвентаря - и потому не могущие сами самостоятельно ее обрабатывать. Они обыкновенно засевают свои наделы и скашивают посевы с них со своими супрягами соседями.

Под бедняками понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда надел земли, но обрабатывать его самостоятельно своими силами и средствами или со своими соседями супрягами не могут. У них или не было лошадей или были и подохли, а купить их до следующего урожая не за что. Или прошедший год был неурожайный, что делает общественную помощь для них уже недостаточной, чтобы понести новые посевы. А это последнее обстоятельство в жизни хлебопашцев принуждает их продавать последнюю лошаденку-другую, землю отдавать в аренду богачу-кулаку за деньги или с половины и идти к помещику или к тому же кулаку на известные сроки в батраки.

Под батраками понимаются крестьяне, которые получили себе из общественного фонда надел земли, но сами его, обыкновенно не обрабатывают, а сдают в аренду за деньги или с половины или даже с третьего снопа крестьянам-кулакам, а сами служат у помещиков или из года в год всегда, или же подобно крестьянам-беднякам - известные сроки в году.

Правда, в русско-украинской действительности встречаются и такие крестьяне-батраки, которые сами не обрабатывают своих наделов, а предпочитают отдавать их в аренду, а самим проводить свою жизнь в батрачестве; они в процентном отношении не значительны. Их поддерживает на этом ложном пути не только нужда, но и невежество, в силу которого они, по примеру своих предков, мало когда даже думают о том, чтобы освободиться когда-либо от своего позорного батрацкого положения. Они остаются в нем из года в год и так всю жизнь свою, приучая и приспосабливая себя и своих детей к положению батрацкой жизни, считая ее в рамках настоящего времени наиболее надежным в смысле обеспечения своего лично и своей семьи существования. В борьбе крестьянства за землю, за хлеб и волю эта категория батраков не играет значительной роли; несмотря на то, что она в особо острые моменты этой борьбы склонна менять свою рабскую психологию и как будто сознавать то, кто ее прямой враг, в пользу кого и против кого она должна действовать, однако, и при таком состоянии она чаще всего остается нейтральной, не проявляя своей активности вплоть до определенного торжества какой-либо из борющихся сторон.

Вековая борьба крестьянства, таким образом, ведется в действительности силами упомянутых выше категорий, т. е. она ведется крестьянами имущими, малоимущими, бедняками и батраками. Эти труженики земли осознали причины своего неравенства и бесправия, причины того, что помещик и кулак, осев на всенародной земле, присвоили ее в свою собственность и благодаря этому пользуются трудом малоимущих и батраков. Эта группа крестьянства экономически и психологически объединена в своих вековых чаяниях освободиться от власти имущего буржуазного класса и стать полноправными членами свободного общества тружеников.

И с этой стороны, на этом пути крестьянство всегда, считало своим союзником тружеников города. Отношение к труженикам города у крестьянства менялось тогда, когда городские рабочие подпадали под влияние политических партий, натравливавших их на крестьян, как на «буржуев», и когда труженики города принимали эту травлю политиканов за основу своих отношений к крестьянству.

Как известно, все почти соц. партии отождествляют крестьянство с мелкой буржуазией и на этом основании стремятся пролетаризировать его.

Более неверного положения, как подобное определение крестьянства, и более неумного стремления, как желание сделать его бедняком, - представить себе трудно. Но, нужно сказать правду, многие социалисты государственники его все-таки желают, а большевики пытались даже практически осуществить это положение в ходе русской революции, и, основываясь на нем, создать мыслимый ими казарменный коммунизм. Мы знаем, что их попытки привели революцию в тупик и хозяйственно задушили ее и усилили батрачество.

В самом деле, батраки крестьяне существовали в России и на Украине и при царско-помещичьем самодержавии, существуют они там и теперь при самодержавии Ц.К. большевиков. Десять лет политического, духовного, физического и всякого иного господства большевиков вместе с их усердными спецами не только не упразднили там батрачества, но наоборот, возродили его - после заметного падения его в первые месяцы октябрьской революции, сделали основой нэпа в деревне. Царско-помещичье государство держалось на политике расслоения крестьянства и поощряло его. Этой же политике расслоения крестьянства держатся и большевики. Для сохранения своей власти они нуждаются в кулаках и в батраках. Вот почему они все время боролись и борются с тенденциями крестьянства изжить расслоения, дабы установить общее трудовое равноправие и

независимость.

Эта политика большевистской партии, которая ложно выдает свою власть за диктатуру пролетариата, все время терпит крах. Теперь, после провалившегося опыта этой власти организовать без крестьянства, через диктатуру пролетариата - социализм в стране, должно стать ясным, что к крестьянской проблеме относиться легкомысленно нельзя, что нельзя пользоваться крестьянством в разрушительном фазисе революции в то же время не признавать за ним политических и экономических прав в строительстве нового общества. Это не оправдывается не только моральными, но и хозяйственными целями коммунизма, даже казарменного, большевистского. Правда, большевики не хотят сознать того, что государство и диктатура в революции убивают творческие силы крестьянства, без которых нет пути для утверждения социализма, - глубоко осознать это важно и для большевиков и для всех других социалистов и революционеров. Крестьянство не думает внемлить вождям большевистской партии и идти в сторону «самоликвидации». Оно самоутверждается в жизни нашего времени, - это факт довольно внушительный. Оно в аграрных странах не сегодня-завтра приведет крестьянство на первое место среди равных тружеников, именно, среди равных, ибо у крестьянства нет стремления к властвованию над городом. Крестьянство этим ядом не отравлено еще. В большинстве своем крестьянство экономически и социально стремилось в прошлом и стремится и теперь к тому, чтобы стать в своей жизни свободным и независимым от каких бы то ни было властников. Этим отчасти и объясняется его вражда к властнически относящемуся к нему городу, - с одной стороны, и его любовь к земле, чтобы земля в подлинном смысле, не на словах, а на деле была общественным достоянием. Когда земля будет принадлежать всему народу и никому в отдельности, - по мнению крестьянства, это явится лучшим охранителем их прав от всякого рода собственников земли и слуг этих последних - чиновников государства.

Но это то, чего большевики, следующие за мало убедительными для нашего времени доктринерскими формулами Маркса и Энгельса о концентрации капитала и земли - не могут признать. Они боятся крестьянства с той стороны, что торжество его в практической жизни естественно потребует упразднения государства и только поэтому они ложно отыскивают в этом стремлении крестьянства, то контрреволюционность, то не согласованность с задачами революции и их «миссией» в ней. А это привело их к тому, что они сознательно уж не делают в своем царстве того, чтобы крестьянство изжило в своей среде антисоциальные буржуазные тенденции кулацкой группы. Они,

большевики, в интересах сохранения государства и своей партийной власти в нем, пошли в крестьянском вопросе против интересов революции. Они группу кулаков в крестьянстве приняли за «крепких мужичков» и, начиная с начала 1921 года, всячески поощряют ее рост разными льготами - вплоть до назначений премий (см. дополнительную инструкцию по земельному вопросу, изд. сов. правительством за два месяца до введения НЭПа, в марте 1921 г.), не задумавшись над тем, насколько этакое их отношение к решению крестьянской проблемы вредно для организации коммунистического хозяйства. Грандиозное дело построения свободного общества трудящихся требует напряжения социальных и умственных сил всех слоев городского и деревенского пролетариата, как тружеников фабрики, так и тружеников земли, тружеников, работающих под землей, тружеников транспорта, не исключая и персонала особенно квалифицированного умственного труда. Но эта классовая самодеятельность трудящихся исключает власть партийной диктатуры, во имя которой большевики заменили цели мыслимого ими социализма средствами государства привилегиями, олицетворяющего его меньшинства.

Это обстоятельство в жизни и царствовании большевиков и поставило их, мысливших, хотя и не серьезно, когда-то о коммунизме, на антикоммунистический путь. Отсюда они логически дошли до поворота к капитализму. И они начали этот свой поворот к нему организованно, делая вид, будто они принуждены это делать силою внешних условий и обстоятельств. И начали это свое антиреволюционное дело за счет революции, объявляя всякое самостоятельное революционное начинание крестьян и рабочих контрреволюцией и стремясь при этом скорее покончить не только с этими самостоятельными начинаниями крестьян и рабочих, но с идеями Октября вообще.

И нужно сказать правду, успехи большевиков в развитии своей партийной контрреволюции были велики и «положительны»: практическую связь с идеями Октября они порвали. Революционных крестьян и рабочих, противившихся этому их делу, объявили контрреволюционерами, сами, закрепившись на рельсах самими же созданной контрреволюции, покатились по ним прямо к капитализму.

То обстоятельство, что большевики взялись старыми государственическими методами и средствами создавать новые формы социально-общественной жизни, переродило их революционную психологию в контрреволюционную, убило в них сознание революционной ответственности за судьбу революции, социальный характер которой особо ярко выявлялся самими

массами в октябре 17 г. с повторением его в ряде лет.

Встав на путь властнического и капиталистического строительства, неоднократно обманув и предав массы, доверившиеся им, большевики отрезали себе всякую возможность служения социальной революции и скоро стали ее фактическими палачами. Они воспрепятствовали тому, чтобы массы взяли своевременно судьбу революции в свои руки и произвели полную коммунизацию земли, индустрии и ее продукции. Это последнее не только усилило бы мощь русских рабочих и крестьян, но и укрепила бы самый путь развития и защиты социальной революции во всеевропейском масштабе.

Но вместо этого большевики силою власти прервали естественный ход революции и этим поставили два основных класса - рабочих и особенно крестьян - во враждебное к себе отношение.

Крестьянство, сыгравшее столь красивую роль в разрушительном фазисе революции, впало в недоверие к официальному ее вождю -партии большевиков и в следующих фазах революции находилось во враждебных отношениях с этим «вождем» и даже в борьбе с ним, не взирая на свою недостаточную организованность для такого акта, ни на чрезмерную усталость от борьбы с внешними контрреволюционными силами, ни даже на то, что всякая неудача его в этом революционном намерении будет объявлена контрреволюционным выступлением и всячески будет клеймиться.

Революционное крестьянство оказалось разбитым государственным аппаратом большевиков. Но разве мы не видим, какими жалкими и ничтожными оказались, на ряду со всякого рода государственниками и большевики, которые в бюрократическом порядке взялись за разрешение социальной проблемы в жизни трудящихся? Они на всех парах катятся теперь к капитализму и тянут к нему всю революционную Россию, лицемерно уверяя всех, что социализм невозможен в России благодаря контрреволюционности крестьянства. Ложь! Большевики погубили русскую революцию как раз тем, что сознательно и организованно раздавили революционное крестьянство, которое стремилось к классовой свободе, независимости и безвластию.

«Дело труда», № 33-34, февраль-март 1928 г.

ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ АМЕРИКАНСКИХ ТОВАРИЩЕЙ (По поводу одной клеветы «порядочных» людей)

Совершенно верно, что в день 10-й годовщины Октября посетил доклад большевиков. Но прямой ложью являются появившиеся в вашей среде сведения, что я в этот день был приглашен большевистским посольством в Париже на его банкет.

Доклад на тему о 10-й годовщине Октября организован был союзом семеновеховцев или так называемым Союзом возвращения на родину и большевиками 6-го ноября 1927 года в интернациональном зале одного из массонских обществ в Париже на улице Каде № 16. Он был организован исключительно для «своих», по выражению большевиков, людей.

Тема доклада о Великом Октябре через 10 лет революции, в борьбе которой и за которую я не один раз истекал кровью, в которой и за которую я потерял лучшие свои силы и остался на всю жизнь инвалидом, не могла не привлечь к себе моего внимания. Тем более, что я остаюсь тем же, кем был 10 лет назад, не теряющим веры и надежды на то, что великие идеи Октября в русско-украинской действительности еще и еще раз напомнят о себе своим внутренним и внешним палачам, и войдут реально в жизнь новых борцов для новых битв и побед. И я, пригласив с собою одного из своих болгарских друзей, пошел с ним на этот доклад большевиков с полным, между прочим, сознанием того, что если меня лично большевики пропустят на него, то среди «порядочных» людей, не гнушающихся бороться против меня провокаторскими методами, начнутся разного рода кривотолки. Я отдавал себе отчет в том, что «порядочных» людей, которые относились всегда и относятся теперь к делам Великой Русской Революции по авантюристически и авантюристическими целями, большевистские доклады никогда не интересовали, и не мог интересовать их доклад об Октябре, но они на нем будут, и они, эти «порядочные» люди, должны были, по-моему, заняться делом клеветы на меня за мое посещение этого доклада.

Но я все-таки пошел на него. Пошел я на него потому, что он меня интересовал, во-первых, как революционера, стоявшего на боевых постах революции в рядах миллионного украинского крестьянства, которое бок о бок с большевиками боролось против внутренней и внешней контрреволюции и, в результате побед, было подло ими обмануто и организованно разбито. Во-вторых, я знал, что на этом докладе будут говорить об Октябре не

сменовеховцы и не спецы из буржуазных лагерей, которым свойственно всегда идеологически пресмыкаться и перед самими большевиками и перед какою угодно лживостью и уродством теперешнего их строя, а будут говорить на нем люди, которые долгие годы известны мне по их революционной деятельности в прошлом в рядах той партии, которая силою политического коварства и власти своей партийной интеллигенции приостановила революционный процесс Октября во имя своего политического господства, чтобы по-своему и в своих партийных интересах управлять и повелевать великими классами труда - классом крестьян и классом рабочих.

Вот почему я считал и считаю своей обязанностью знать, что пишут или говорят на докладах ответственные представители этой партии. Поэтому же я хотел знать, что они говорят через 10 лет революции о революции, в которой я сам принимал непосредственное участие.

Буржуазные газеты: рижская «Сегодня», варшавская «За Свободу» и другие истолковывали это мое посещение доклада большевиков, как приглашение меня на него самим большевистским посольством в Париже. А чикагский «Рассвет» пошел еще дальше: он сообщил своим читателям, что я, по непроверенным, дескать, им еще сведениям, перешел на сторону большевиков.

Заявляю, что все эти и им подобные сообщения есть ложь наемников буржуазии и провокаторов, скрывающихся под тем или другим партийным или групповым флагом.

Я, правда, и как человек политический и как революционер, ориентирующийся в своей скромной эмигрантской деятельности на повторную в России революцию и роль в ней организованного анархического движения, не могу, подобно многим эмигрантам, поддерживать всякого рода действия авантюристов против большевизма. Я знаю пределы, где начинаются и где кончаются цели большевизма и его врагов справа. Но это еще не говорит ничего за то, что я перешел на сторону большевизма. Это говорит лишь о том, что анархо-махновщина в устах и действиях непосредственных и преданнейших своих представителей не нуждалась никогда, не нуждается теперь и впредь не будет нуждаться ни в какой гнусности и лжи на своем пути борьбы с большевизмом.

«Дело труда», № 35, апрель 1928 г.

1-ое МАЯ - СИМВОЛ НОВОЙ ЭРЫ В ЖИЗНИ И БОРЬБЕ ТРУДЯЩИХСЯ

День первого мая в социалистическом мире принято считать праздником труда. Это неверное определение, 1-ое мая настолько всосалось в жизнь трудящихся, что они во многих странах действительно этот день празднуют. А между тем день первого мая для трудящихся далеко не праздничный день. Да, трудящиеся не должны оставаться в этот день у фабричных станков и на поле. В этот день все трудящиеся во всех странах, в каждом селе и городе должны собираться, должны устраивать свои массовые встречи, но не для празднества, понимаемого социалистами государственниками и, в частности, большевиками из них, а для учета своих сил, для определения возможностей к открытому вооруженному выступлению против подлого, рабством прогнившего строя, основанного на насилии и лжи. В этот исторически уже установившийся день всем трудящимся легче собираться и на этих собраниях легче и удобнее всего проявить свою коллективную волю и коллективный разум в области определения прямых своих задач на сегодня и на завтра.

Сорок с лишним лет назад американские труженики города Чикаго и окрестностей собрались первого мая. Они на этих собраниях слушали много речей разных социалистов, но больше всего прислушивались они к анархистам. Более этого, они воодушевлялись идеями анархизма и искренно становились на сторону анархистов. 40 с лишним лет тому назад американские труженики пытались организованно выразить свой протест против подлого строя власть и капитал имущих. На этом пути американских тружеников анархисты Спис, Нарсонс и другие в своих речах формулировали положения этого их протеста. Тогда протест наших братьев - американских тружеников был спровоцирован наемниками буржуазии и закончился уличной бойней безоружных тружеников, арестом и впоследствии казнью анархистов Списа, Нарсонса и других.

Труженики Чикаго и окрестностей собирались не для празднества в день 1-го мая. Они собирались для общей работы своим коллективным умом над терзавшими их вопросами их жизни и борьбы.

И по сие время всюду, где труженики освободились или пытаются освободиться от опеки либеральной буржуазии путающейся с нею социал-демократии (безразлично, меньшевистского или большевистского направления) и относятся

к первому мая, как ко дню своих непосредственных деловых встреч и прямых забот о своем освобождении, они во всех своих настроениях выражают свою солидарность и уважение к памяти чикагских мучеников и остро чувствуют, что для них в день 1-го мая нет и не может быть праздника. И это понятно. 1 мая, вопреки утверждениям вождей социализма, что он есть праздник труда, не является для сознательных тружеников праздником.

1-ое мая - символ новой эры в жизни и борьбе трудящихся, эры, в которой трудящимся с каждым годом предстоят новые, более трудные и решительные битвы с буржуазией за отнятые у них свободу и независимость, за их общественные идеалы.

«Дело труда», № 36, май, 1928 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПАРТИИ ВКП И ЕЕ Ц.К.

Как Ц.К. известно, в конце мая и начале июня с. г. в одесской большевистской прессе и в «Вечерней Москве» начались печататься воспоминания бывшего секретаря Бела-Куна - некоего Леглера. Выдержки из этих воспоминаний, уснащенных толстым слоем лжи, подхвачены и русской белой эмигрантской прессой. Редакция милюковской газеты «Последние Новости» поместила их под заглавием «Махно и Бела-Кунъ». На лживость Леглера я не могу не обратить своего внимания, как не допускаю мысли, чтобы эта его лживость, извращая исторические факты соглашения махновцев с большевиками, являлась безразличным делом и для Ц.К.В.К.П. и для всей ВКП. Ибо ею, этой ложью, большевистская пресса отравляет тружеников, так или иначе ее читающих.

А почему?

Ц.К.В.К.П. ведь известно, что переговоры между нами, махновцами, и большевиками о заключении военно-революционного соглашения о совместной борьбе против генерала Врангеля начались со стороны большевиков предсовнаркомом Украины Хр. Раковским из Харькова, а со стороны моего штаба из Беловодска (Старобельского уезда Харьковск. Губерн.).

Ц.К.В.К.П. хорошо известно и то, что переговоры эти между нами начались по телеграфу и что, когда Хр. Раковский вызвал меня лично к аппарату, чтобы вести с ним переговоры непосредственно, а я вследствие тяжелого ранения к аппарату не подошел и уполномочил замещать меня у него своих помощников - Семена Каретника, Виктора Белаша и Виктора Попова, то Хр. Раковский в свою очередь уполномочил Манцева замещать его, Раковского, у аппарата.

Переговоры начались 28-го сентября 1920 года в 4 часа дня и, как известно, привели они обе договаривавшиеся стороны к тому, что и в Харькове и в штабе революционно-повстанческой армии Украины (Махновцев) были выделены отдельные люди, которые и занимались уже специально этим делом.

Условия нашего соглашения, как известно, были выработаны и те пункты из него, которые были связаны с моментом действия, были подписаны 13-го октября 1920 года, - со стороны партии большевиков и ее Украинского «советского» правительства Командармом Фрунзе, Я.Яковлевым, Гусевым и Бела-Куном, а со стороны повстанческого движения и его руководящих органов - Куриленко и Поповым.

А между тем, прошло около 8-ми лет, как это соглашение

между нами было достигнуто и, к месту отметим, красными спецами-военруками преступно спровоцировано и разорвано, - Ц.К.В.К.П., который претендует на выразителя исторической правды о Великой Русской Революции и всех носителях ее, - многочисленных революционных групп и организаций, - этот Ц.К. позволяет себе проводить свои взоры молча мимо обнародования (см. газ. «Вечернюю Москву» от 2-го июня с. г.) о военно-политическом соглашении махновцев с большевиками лживых документов, состряпанных пресловутым секретарем Бела-Куна - Леглером. Это ясно говорит, что Ц.К. разделяет точку зрения Белакуновского секретаря Леглера и компрометации уже не только меня и славных крестьян - партизан-махновцев (которых большевистской партии выгодно чернить по чисто иезуитски политическим соображениям своей власти в стране), но и того, хотя и незначительного, но положительного прошлого своей партии в Русской Революции, которое, как известно, позволило такому низовому революционно-освободительному движению, как махновщина, идти с партией большевиков единым фронтом в борьбе трудящихся против врагов социальной революции и вызывающих ее к жизни многогранных и всесторонних революционных идеалов. Да и не следует ли из молчания Ц.К.В.К.П. перед ложью Леглера, что он согласен с ними и в том выставлении самого Бела-Куна прямым бандитом в поведении его при встрече и разговорах со мною.

Я же знаю Бела-Куна более порядочным именно в держании себя при встрече и разговорах со мной.

Итак, что в воспоминаниях пресловутого секретаря более преступного и ложного, которое Ц.К.В.К.П., по-моему, должен презреть, как я его презираю, и изъять его, как авантюристическую подлость, из употребления в борьбе своей партии против Махно и махновщины?

Ложно в этих документах секретаря, главным образом, то утверждение, что, как будто бы, я, находясь со своим штабом в с. Ульяновке Павлоградского уезда, вызвал к себе из Павлограда Бела-Куна, что бы сговориться с ним о заключении договора против генерала Врангеля. Преступно ложно само описание приезда к нам Бела-Куна, допущения его ко мне, встречи, тем наших разговоров и т. д., и т. п. Ведь Ц.К. большевиков известно, а если нет, то должно быть известно, что Бела-Кун с рядом ответственных лиц большевистской партии приезжал ко мне в Ульяновку в 20-х числах октября, когда соглашения между нами, за исключением одного 4 пункта, были уже подписаны обеими сторонами, и при моем штабе находились представители украинского сов-правительства и соответствующих других

партийных большевистских органов во главе с тов. Васильевым.

Бела-Кун же приехал ко мне с особого характера поручениями от центральных органов большевистской партии и ее государственной власти. И одно из этих поручений выразилось во вручении мне Бела-Куном лично пакета-подарка с более стами фотографических карточек и портретов от Исполкома III-го интернационала, на котором была подчеркнута надпись: «борцу за Рабоче-Крестъянскую Революцию тов. Батько Махно».

Пакет с подарком и этой надписью Бела-Кун вручил мне не распечатанным и с особой почтительностью.

Другое поручение выразилось в том совершенно искреннем и благородном, по-моему, старании Бела-Куна выяснить непосредственно у меня лично о состоянии моего здоровья, о том, удачно ли сделана присланным Раковским из Харькова хирургом мне операция, не нужно ли снова прислать для консультации хорошего профессионала и т. д.

Был разговор между мною и Бела-Куном и о более серьезных делах, касательно Красной Руси и Венгрии. Но этот разговор при настоящем положении самого Бела-Куна и вообще революционных дел более широкого масштаба, я, как анархист-революционер, считаю для себя неуместным выяснять, считая, что на это будет свое особое время...

И, наконец, четвертое поручение выразилось в особом старании Бела-Куна добиться от меня, как от полководца революционных партизан, мнения о действиях командования сводного корпуса красной армии (если не ошибаюсь, то корпуса под общим командованием Гайя), который перед этим за несколько месяцев, будучи отрезан на противопольском фронте внезапным и решительным польским контрнаступлением, не нашел, как известно, выхода из окружения его частями польских армий и перешел границу Пруссии, где и сложил, по требованию прусских властей, свое оружие. На этот вопрос Бела-Кун как-то особенно добивался от меня моего мнения и на ломанном в его выражениях русском языке и при помощи переводчика - на немецком.

Конкретно, Бела-Кун ставил мне тогда так свой вопрос: - Что, если бы Вы, батько Махно, со своим командным составом были на месте командиров этого корпуса, - сложили бы вы свое оружие по требованию контрреволюционных прусских властей?

Я ему ответил на это - нет! Имея хорошо вооруженный, да еще сводный (конно-пехотный) корпус или, скажем, одну дивизию, я, как командир-революционер над этой единицей, сознающий, что и я и составляющие ее бойцы ведем борьбу против контрреволюционного мира, - я этого не сделал бы. Тем

более, что я, очевидно, знал бы, как, должно быть, знало и командование сводного корпуса, что, кроме сил моей единицы, есть еще силы красной армии, которые от временного поражения могут быстро оправиться и снова перейти на своих боевых участках в наступление против сил неприятеля.

- А что бы Вы делали на территории Пруссии? - заинтересованно Бела-Кун спрашивал меня.

Я ему сказал, что на прусской территории я и часу не задержался бы, а расчленил бы вверенную мне единицу на особые ударные группы и пошел бы глубокими тылами польской армии, уничтожая все пути и средства их снабжения и вооружения.

По этому вопросу мы много говорили, и на нем наш разговор с Бела-Куном был закончен.

После, Бела-Кун говорил с моими помощниками и так близкими мне в повстанчестве товарищами. Говорил он с ними о многих делах, касался и подписанного соглашения и выдвигавшегося нами, как раз в это время, добавления к этому соглашению, которое после выразилось, в 4-м пункте и подлежало, после предварительного совещания Украинских большевистских властей с Москвой, обсуждению и подписанию с нами. Но и с моими помощниками, как и со мной, Бела-Кун держал себя совсем не по-бандитски, как это его выставляет его бывший секретарь Леглер в своих воспоминаниях, печатаемых в газ. «Вечерняя Москва» и одесских газетах, т. е. ни бандитами, ни сволочью Бела-Кун никого из нас, будучи между нами, не называл.

Да и мог ли позволить себе Бела-Кун вести себя так со мною, да еще в присутствии моих революционных помощников?! Лучше всего на это могут ответить сами же большевики, начиная от Антонова-Овсеенко, Льва Каменева, Межлаука, Ворошилова, Дышлового, Бела-Куна, и кончая менее заметными большевистскими величинами, встречавшимися со мною на боевом посту революции.

Я же лично, - вопреки всякого рода проходимцам, вроде бывшего деникинско-врангельского, теперь большевистского генерала Слащова и французского коммуниста-большевика Барбюса, клевещущих на меня, обзывая меня агентом Антанты; или хорошо присосавшимся к большевистской власти писателям Вересаева, А.Толстого и Пильняка, позорно выводящим меня в своих побасенках, написанных под тон и в унисон диктаторов, антисемитом-погромщиком, - вопреки всей наглости этих и им подобных проходимцев, которой все мои враги пользуются в своей клевете на меня и на связанное с моим именем движение украинских тружеников, - я считаю себя вправе перед прошлым,

настоящим и будущим трудящихся СССР и мира, чтобы сказать Всесоюзной большевистской партии и ее Ц.К., - почему партия поощряет в своих рядах авантюристам измышлять всякую, какая только взбредет им в голову ложь, против идейных противников партии, - в данном случае, против меня и связанного с моим именем движения? Почему партия большевиков, добившись, за счет общих усилий всех революционных групп и организаций господствующего политического положения в стране, так обанкротилась идейно и так опошлела тактически по отношению своих противников, что не находит иных средств для борьбы с ними, кроме лжи? Почему партией допускаются искажения таких исторических фактов и связанных с ними неопровержимых истин, которых история наших будущих поколений не пройдет молча, но которые партия или от имени партии этой истории преподносятся искаженными, ложными?

Разве Всесоюзная партия коммунистов-большевиков и ее районные, областные и центральные руководящие органы, обанкротившись на своих властнических государственных постах, пришли уже окончательно к тому, чтобы для настоящего и будущего партии революционная честь больше не нужна, а потому, дескать, давай в ее ряды всякую нечисть, поощряй этой нечисти всякую подлость, какую только она может измышлять против противников партии, лишь бы нечисть эта подчинялась общим партийным директивам партии и ее центральных органов?

Если это так, тогда совсем другое дело. Тогда нужно только, не лицемеря открыто сознаться в этом.

Тогда и широкие массы беспартийных тружеников поймут и самое партию и цели ее иезуитски предательских вывихов по отношению их прямого дела освобождения.

Правда, для властнической партии не выгодно, чтобы широкие массы тружеников поняли ее полностью, да еще за иезуитским ее отношением к их делу. За этим ведь скрываются для широких трудовых масс в СССР пути ликвидации политического безумия партии. Но это необходимо, крайне важно - и большевистская партия в целом должна это понять - для трудящихся СССР и для трудящихся мира, которые должны предостеречь себя и свое новое поколение от большевистской партийной школы лжи, с которой партия за 10 лет своего царствования в стране над правом и жизнями трудящихся не только что не смогла расстаться, порвать связи, но еще более сроднилась и продолжает родниться, как с чем-то будто бы исторически сросшимся с самой идеей большевизма.

Если бы не было видно, кто руководит партией, можно было бы подумать, что враги большевизма ее умышленно толкают на

путь лжи в ее борьбе против вчерашних друзей. Но когда знаешь и видишь, что воспитатели в школе лжи и остервеневшие за ее практикой воспитанники - все партийцы формации старой большевистской гвардии - ведь нельзя же назвать Яковлева, Лебедя, Кубанина, Леглера и других известных мне большевистских писак, клевещущих на Махновщину, большевиками выдвиженческой шеренги, - если все это знаешь и видишь, то становится прямо таки странным, каким образом все это сообщество смогло овладеть революционной психологией трудовых масс и, достигнув полного политического господства над ними, надеется еще быть вождем и вдохновителем Мировой Революции, когда Революция в своей стране опозорена и задушена. Это то, что всегда, еще будучи революционная махновщина другом с большевистской партией на пути борьбы с деникинской, врангелевской и других формаций контрреволюций - лучших представителей махновщины возмущало, против чего я со своими друзьями-повстанцами протестовали, а партия коммунистов-большевиков закусывала свои губы, зарывалась и вызывала нас на отчаянную вооруженную борьбу с нею.

И это же возмущает меня теперь; против всего этого и раскрытого самой партией за 10 лет ее неограниченного, политически дикого царствования, ложного по отношению махновщины и в частности меня самого, как главного вдохновителя и руководителя ее, я протестую теперь!..

Франция. Июль 1928 г.

«Дело труда», № 37-38, июнь-июль 1928 г.

К 10-ой ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦ. ПОВСТАНЧЕСТВА НА УКРАИНЕ - МАХНОВЩИНЫ

Как известно, черная измена большевистских вождей идеям октябрьской революции привела всю большевистскую партию и ее «пролетарскую, революционную» власть в стране к позорному миру с иностранными царями - с Вильгельмом II-м Немецким и Карлом Австрийским, а затем к еще более позорной вооруженной борьбе внутри страны, сперва с анархизмом, потом с левым народничеством и социализмом вообще. Правда, в июне месяце 1918 года, когда я, пользуясь своим положением по документам (я был главным руководителем Комитета Защиты революции в известном районе на Украине) забрел в Кремль, где по настоянию Председателя Всероссийского Центр. Исполн. Комитета Совета Свердлова был сведен с Лениным, (на чем и останавливаюсь подробно во второй книге своих записок) и информировал его, Ленина, о неравной тяжелой борьбе революционных сил на Украине против нашествия немецко-австрийских контрреволюционных армий и таких же отрядов Украинской Центральной Рады, а также о неудачах этой борьбы и тяжелом отступлении революционных сил из Украины. Тогда Ленин, разговорившись со мною и заметив, очевидно, во мне мой крестьянско-анархический фанатизм в отношении Революции и наших анархических идей в ней, заверял меня, что, де, советская власть начала борьбу в центрах революции не с самим анархизмом, а с поселившимся в его рядах бандитизмом. - «С такими анархистами, - говорил мне Ленин, - об организованности и революционных действиях которых вы мне повествуете сейчас, у меня лично и нашей большевистской партии найдется всегда общий язык для восстановления единого революционного фронта... Другое дело социал-предатели -они враги подлинного освобождения пролетариата и беднейшего крестьянства и мое отношение к ним непримиримо. Я им враг...

Большей неискренности и лицемерия, какие в данном случае проявил Ленин, особенно в отношении анархизма, трудно найти у кого-либо другого из политических дел мастеров. Большевистская власть организовала уже в это время свои походы против анархизма со строго продуманным замыслом дискредитации анархистского движения в стране, где большевизм Ленина поставил крест над всякой свободой революционных организаций и где только анархизм был и оставался опасным для

большевизма; ибо только анархизм, если бы только он научился организованно, со строжайшей последовательностью в действиях входить в широкие рабочие и крестьянские массы и политически и стратегически направлять их к победам, может поднять на восстание в стране все здоровое, беззаветно преданное Революции, чтобы на этом пути бороться и утверждать практически в жизнь идеи свободы, равенства и вольного труда.

Да и в отношении социалистов у Ленина звучал иногда улично-залихватский тон...

Поход большевистской власти против анархизма и социализма оказал тогда большую услугу внешним контрреволюционным вооруженным силам вступить безболезненно на революционную территорию Украины и сравнительно быстро и легко вытеснить из нее революционно-боевые силы широких трудовых масс под руководством анархистов, левых социалистов-революционеров и самих же большевиков, поскольку эти последние имели под своим идейным влиянием вооруженные силы украинских тружеников в этот трагический для Революции период.

Благодаря этой черной измене большевистских вождей революции, контрреволюция сравнительно быстро парализовала все революционные связи на Украине села с селом, города с городом и занялась безбоязненно своей гнусной кровавой расправой над широкими революционно-настроенными трудовыми массами украинского села и города и революция на Украине предстала совершенно неожиданно перед эшафотом своих палачей и в первой стадии своего развития была казнена...

Это были тяжелые, полные кровавых ужасов дни. Вожди большевизма по договору с немецкими и австро-венгерскими царями оттягивали из Украины свои из русских тружеников скомплектованные вооруженные силы, а украинские труженики, плохо вооруженные и наспех скомплектованные в боевые отряды, принуждены были отступить вслед за своими русскими братьями, расплачиваясь своими жизнями за измену вождей с одной стороны перед наседавшими сзади хорошо вооруженными и дисциплинированными врагами революции - в лице немецко-австро-венгерских экспедиционных армий, а с другой - перед большевистской властью, не желавшей пропуска их вооруженными на территорию России и с боями разоружавшей их. Вот в эти, казалось, ничего уже хорошего не предвещавшие дни, - крестьяне-революционеры Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов, многочисленными мелкими группами и отрядами оставили свой район и отступали также в направлении России, где - как всем почему-то казалось, - революция идет

своим руслом и в нем, в этом русле, эти революционные группы и отряды обретут свои силы и снова станут лицом к лицу с врагами, чтоб преодолеть их физическую и духовную силу, во имя нового свободного общества... К сожалению, у большевистских вождей уже в этот период Революции замечался перелом в сторону охаивания всего здорового и революционно-выдержанного в трудовых массах в угоду своих партийных привилегий в стране и за ними скрывавшейся явной контрреволюции. На подходах к г. Таганрогу большевистская власть уже устраивала засады на независимые революционные боевые группы и отряды и предательски их разоружала. Это обстоятельство побудило силы гордого революционного Гуляй-Польского района распылиться на еще более мелкие группы и частью возвратиться нелегальными путями в свой район, частью же, и тоже нелегально, пробраться в Таганрог с целью собраться в нем и обсудить, что дальше делать...

В г. Таганроге группа съехавшихся товарищей сразу же поручила мне и Веретельнику организовать конференцию. Таковая состоялась. Решения ее были кратки, но положительными в том смысле, что дальше Таганрога ни один член группы не двинется. Все, за исключением меня, Веретельника и еще троих товарищей, возвращаются на фронт и постепенно с особой осторожностью во имя намеченного конференцией дела пробираются в свой район для нелегальной работы среди крестьянства. Мы же пятеро человек получили от конференции назначение побывать в течение полутора - двух месяцев в Москве, Петрограде и Кронштадте, ознакомиться с ходом революционных дел в этих центрах Революции и к первым числам июля месяца возвратиться на Украину, в местности, где группа решила снова возродить идею организации вольных батальонов защиты Революции со строго взвешенным замыслом не только бороться, но и побеждать.

На похождениях по России в течение этих двух месяцев я подробно остановлюсь во второй книге своих записок - «Под ударами контрреволюции». Здесь же скажу, что из нас пяти я один лишь возвратился вовремя на Украину, на которой безответственно царил политический и экономический произвол немецко-австро-венгерского контрреволюционного юнкерства и его ставленника - пресловутого гетмана «всея Украины» - Павла Скоропадского. На Украине я теперь уже мало встретил своих старых друзей, преданных крестьян революционеров. Многие из них попали в лапы контрреволюции и одни были убиты, другие посажены в тюрьму и ожидали той же участи. Но, живя эти дни глубокой верой в то, что намеченное дело на Таганрогской конференции нужно начинать, я всем своим существом отдался

тому, чтобы непосредственно связаться с крестьянами, выбрать из их среды людей, готовых на самопожертвование.

На этом пути в поисках новых и стойких революционных бойцов я встретил ряд преданнейших проповедуемым мною идеям крестьян и крестьянок. Через них я скоро разыскал своих старых друзей, спасшихся от арестов и расстрелов немецко-австрийских и гайдамацких палачей и революционно, не смотря ни на какие невзгоды, уцелевших, т. е. не примирившихся с гетманским строем, думавших и готовившихся к серьезной борьбе с ним. И мы, не ожидая, когда съедутся рассеявшиеся после отступления где-то по России остальные наши товарищи в район, не взирая на все те тяжелые затруднения для нашего пребывания в селах, которые переплетались с частыми арестами и расстрелами из наших активных рядов, взялись за живое дело и как-то скоро - в сравнении со всеми затруднениями - мы поставили снова на ноги дело нашей организации по подготовке революционного восстания широких трудовых крестьянских масс против Гетмана, его феодально-помещичьего строя и их защиты в лице немецко-австро-венгерских царских армий. Тогда мы говорили массам: «Крестьяне, рабочие и вы, трудовая интеллигенция! За возрождение и развитие Революции, как наиболее верного средства борьбы с капиталом и властью государства; за создание и закрепление в вашей жизни свободного общества тружеников, как нашей ближайшей цели, вы должны организоваться, создать из своих рядов грозные революционно-боевые партизанского рода вольные батальоны и восстать, пойти штурмом против Гетмана и немецкого и австро-венгерского царей, приславших на наши земли свои дикие контрреволюционные армии, и победить этих палачей Революции и Свободы!.. »

И широкие трудовые массы прислушивались к нашему голосу. Из далеких сел и деревень, от Гуляй-Поля они присылали к нам своих делегатов, стараясь разыскать группу анархистов и взять - кого она из своих членов может откомандировать им, чтоб они могли его секретно перевезти в свой район для собеседований и содействуя им в делах подготовки масс к восстанию.

И мы переезжали тогда в одиночку, иногда группой в 3-5 человек и вели на нужные темы в строго законспирированных местах беседы с крестьянами в этих селах и районах. А через месяц-два этой тяжелой, но упорной наше пропагандистской и организационной работы по обширнейшим районам среди крестьян - наша Гуляй-Польская крестьянская группа анархистов-коммунистов увидела, что за ней идут широкие массы

тружеников, среди которых было много вооруженных и готовых во всякое время, на какое угодно самопожертвование во имя идеи восстания против германского и немецко-австрийского юнкерства, политического и экономического произвола.

Помню, как делегаты от этих, нами уже сорганизованных крестьянских революционных сил около недели ездили по району из деревни в деревню, чтобы настичь меня, ненавистного буржуазии и немецко-австрийскому командованию. Я так же, как и они, передвигался со своими двумя-тремя товарищами из деревни в деревню с целью агитационно-организационной. Помню, как они, эти делегаты, настигнув нас в одной из деревень, просили меня от имени пославших их ко мне на совещание не откладывать нашего общего вооруженного выступления против врагов революции до удобного момента, начинать его теперь же. Делегаты тогда мне говорили: «...Вы, Нестор Иванович, возвращайтесь в Гуляй-Поле и подымите Гуляй-Польцев. Если Гуляй-Поле восстанет, за ним последуют все другие волости и районы. Вы с группой своих товарищей агитаторов своей упрямой работой еще до гетманщины и немцев и австрийцев подняли Гуляй-Поле перед трудящимися других волостей и других районов на необыкновенную высоту революционной стойкости и преданности делу трудящихся. Общий ваш зов к другим волостям из рядов восставшего Гуляй-Поля сделает больше для дела восстания, к которому мы все готовимся, чем все эти недели, что вы разъезжаете по деревням с большим риском для жизни и ведете и подготовляете это дело непосредственно с помощью устной агитации...»

Я лично этим доверием и уважением ко мне и нашей группе широких масс и их делегаций не увлекался. Я был чужд поддельного революционного духа, и я старался, чтобы им не заражались ни мои друзья, ни широкие массы, среди которых мы работали, с которыми нашли общий язык, объединивший нас на пути дела возрождения, расширения и углубления казненной палачами Революции, чтобы через нее обрести право, средства и твердость убеждений, для построения нового свободного общества тружеников.

Моя поездка по России, через ее революционные центры и мои наблюдения за всем и вся, с чем встречался, кое-чему меня научили. Поэтому я и все мои друзья по группе, кто взялся за дело организации крестьянского восстания против врагов Революции, были слишком осторожны, т. е. мы не могли ни перед каким уважением таять настолько, чтобы забывать, кто мы и какая перед нами стоит задача в связи с этим нашим самосознанием. На все настаивания перед нами, как

инициативным и руководящим ядром восстания, я все время отвечал крестьянам: - «А все ли ваши силы достаточно прочно связались с нашей группой? Усвоили ли они и хорошо ли усвоили себе то, что начало восстания наших сил практически должно выразиться повсеместным, т. е. в одно и то же время, хотя в известном ряде волостей?

Если всеми это хорошо понятно и усвоено - то всем нам не мешает лишний раз подумать и о том, с чего же, наиболее плодотворного, мы должны начинать нашу открытую вооруженную борьбу. Подумать над этим лишний раз тем более важно, необходимо, ибо технически мы далеко не равны с врагами. Наши первые удары по вооруженным силам врагов наших должны принести нам и винтовок и орудий, и к тем и другим лишний - десяток-два патронов и снарядов. Такая удача при первой нашей атаке врага даст двоякое удовлетворение и нам и широким трудовым массам. И мы и широкие массы сразу же станем более решительны, как в идейно-политическом, так и в организационно-боевом отношениях. После первого нашего успеха в дни общего нашего выступления все наши партизанские отряды обрушатся на врага со всех сторон. Этим самым мы поставим в неожиданное замешательство и гетманское правительство и немецко-австрийские военные штабы, по крайней мере, в нашем Приазовско-Днепровском и Донецком Крае. В лето выяснится характер событий, и мы все силы свои напрягаем тогда на то, чтобы отдать себя полностью служению этим событиям...»

Так подходили мы, крестьяне-анархисты к трудовым широким массам и в столь трудный момент для революции и идей нашего движения в ней в те на 10 лет оставшиеся позади мрачные политические времена. Спрашивается - почему мы проявляли такую чрезмерную осторожность в своем влиянии на широкие массы, когда последние чуть не первые подавали свой голос за восстание против угнетателей? - Почему мы, будучи по духу бунтарями, просто не воспользовались случаем и не пошли во главе масс, увлекаясь одной лишь стихией той подлинно революционной бури, которая назревала в украинской деревне и которую во всей ее положительности и красоте, неподдающихся политическим уродствам, может творить только анархическая деревня?.. Кажется странным, а между тем это диктовалось многими условиями момента, условиями, которых многие, о как многие в наших рядах особенно, никогда не признавали. Это был момент для революционно действовавшего авангарда по подготовке вооруженного восстания крестьян, чрезвычайно тяжелый своими требованиями. Этим авангардом была наша

Гуляй-Польская крестьянская группа анархистов-коммунистов. Перед ней развертывавшиеся события ставили вопрос: возьмет ли она в свои руки полностью руководство широкими трудовыми массами в надвигавшихся бурных событиях, или же она уступит все ею подготовленные массы к открытой вооруженной борьбе какой-либо из политических других партий, имеющей свою программу и надеющейся на прямую поддержку со стороны большевистского «революционного» правительства со стороны Москвы.

Вопрос этот делал трудным положение нашей группы еще и тем в этот период нашей деятельности, что она часто прислушивалась к абстрактным положениям анархизма, согласно которым анархист отрицает организацию дисциплинированных сил революции и часто оказывается в моменты революции одиноким маньяком, словно самой жизнью отвергнутым от своей плодотворной творческой роли среди широких трудовых масс. При всей нашей революционной страсти использовать все средства для победы над контрреволюцией, какими располагали массы и какими нас наделил революционный опыт, мы все же были анархистами, и хотя сознавали, что дезорганизационные начала в жизни нашего движения принесли анархизму непоправимый вред, что анархизму уже трудно выровнять свои силы настолько, чтобы успеть поравняться своими силами с зарывавшимися на пути революции большевизмом и левым народничеством; что дезорганизаторский навык, все анархисты так хорошо усвоили, как ни одного из положений в области положительной деятельности анархизма и что, следовательно, покуда анархисты будут дорожить этим своим навыком, наше движение массами полностью не будет понято и целиком поддерживаемо из-за боязни не делать ничего, что связано со смертью вслепую. Но повторяю, мы анархистами были, и мы жили анархическими чаяниями. Готовясь сами, подготовляя широкие трудовые массы к открытому восстанию против тех, кто казнил революцию, кем со всех сторон были окружены, как пленники беспомощные, мы теперь были уже свободными от самого главного, - от того, чтобы думать, что на нас со стороны наши же идейные товарищи набросятся, скажут: это не по анархически растворяться среди масс и руководить их боевым авангардом. От этой пустой, часто для анархизма вредной болтовни мы были в это время уже свободны и думали мы лишь об одном - о борьбе и победе!

Но борьба и победа, по-нашему, требуют от революционного анархизма, сознательно находящего свое должное место и активную роль в современных революциях, громадных

организационного характера напряжений и в области оформления его партийных радов и в области выявления его прямых положительных задач, особенно в первый и второй дни революции, к которым широкие трудовые массы подходят обыкновенно ощупью и как бы с неполной уверенностью в то, что они в них найдут простор для полного выражения своих подлинных требований. Таким образом, сознавая, что ряды анархизма раздроблены, движение находится чуть не в полулегальном положении, по городам в особенности, где власть большевистской партии все делала для того, чтобы или сделать из него «большевистско-анархическое движение» и подчинить своим интересам, или же совсем загнать в подполье, не допустить до того, чтобы оно оформило свои ряды и заняло организационно надлежащие ему боевые позиции в авангарде большевистской властью уже удушаемой Революции. Мы - крестьяне-анархисты действовали в деревне и в этой области, чтобы возвысить голос нашего анархического движения из деревни и этим самым привлечь в деревню все лучшее и здоровое из городов; так как в это время на Украине деревня подымалась первой против гетманского строя и ревностно охранявших его немецко-австрийский контрреволюционных армий.

В этом духе, под черными анархическими знаменами нашей группою воспитывалось трудовое крестьянство. Ни на шаг не отступая от анархических положений, группа намечала идейно-политическую и военно-революционную программу повстанческого движения, определившегося сразу под именем «повстанческих войск Батьки Махно».

Влияние группы и в частности мое личное было так велико и плодотворно в широких крестьянских восставших под знаменем анархизма массах, что сбить их с этого пути не могли никакие силы враждебных анархизму политических и социалистических партий. Массы не прислушивались к их голосу, не останавливались перед речами их ораторов. Слово Гуляй-Польской крестьянской группы анархистов-коммунистов и слово Махно о свободе и независимости трудящихся от власти капитала и его слуги - государства, о том, что государство, как организация буржуазно-капиталистического общества, вредна, должна быть заменена организацией свободной общественности трудящихся и т. д. и т. д., воспринимались массами за основы их жизни и борьбы.

Во имя этих основ нового общества тружеников крестьянские массы доселе порабощенной деревни создали могучую военно-революционную силу и, передав эту силу под непосредственное руководство организованному группой штабу движения, всегда

тесно держались этой силы, т. е. никогда не порывали с нею своей духовной и хозяйственной связи - всегда пополняли ее свежими силами в самые трудные моменты для себя и этой передовой силы, снабжали ее продовольствием.

Таким образом, Гуляй-Польский район скоро превратился в особого рода страну, чуждую государственнических тенденций в своем внутреннем самоуправлении; страну, население которой со всех сторон атаковывали немецко-австрийские полчища, которые до этого времени не знали никаких границ в своем произволе над населением, и разоружало их и их вооружением тут же снабжало свои отряды.

Немецко-австрийские войска скоро начали покидать этот район. Гетманские власти были частью перевешаны, частью разбежались. Гордый революционный район был замечен большевистским правительством из Москвы. Наряду с этим были замечены анархисты за революционным делом. Имя Махно все центральные большевистские газеты не снимали со своих первых страниц. С каждым днем большевики писали что-либо новое об успехах революционной борьбы повстанчества под руководством анархиста Махно...

Но движение революционного повстанчества шло своими анархическими путями. Оно, растрепав хорошо войска немцев и австрийцев, разогнав гетманцев в целом ряде уездов и губерний Украины, своевременно заметило народившуюся и спешно организовавшуюся деникинщину и оно под руководством преданнейших сынов революции -крестьян-анархистов направило все свои силы, всю их энергию против деникинщины, а в скором времени и против Украинской Директории, наиболее известной (после своей реорганизации) под именем «атамании», пресловутой «петлюровщины».

Против деникинщины и Украинской Директории движение махновщины заняло, - как и против немецко-австрийских армий - обширнейший фронт и также героически производило на нем революционно-боевые операции в интересах Революции и выдвигаемых ею начал нового свободного общества тружеников.

Так в действительности было организовано крестьянами-анархистами и начало свои исторические действия революционно-повстанческое движение украинских трудовых масс - движение махновщины.

Из этого обзора, правда, далеко не полного, но глубоко верного, я думаю, станет понятным для всех, прочитавших его, что все небылицы врагов и даже некоторых друзей Махновщины о том, что это низовое массовое движение тружеников своей идеологии почти что не имело, что идейно-политическая пища,

как и вообще политическо-стратегическое подсказывание то в том, то в другом политическом деле приносились ему извне - глубоко не верны.

Для прямых руководителей движения так же, как и для широких трудовых крестьянских масс, поддерживавших его, хорошо известно, что движение махновщины было организовано Гуляй-Польской группой анархистов-коммунистов и носило оно в себе анархические силы от начала и до конца, при том силы, не испорченные ни словесным революционным профессионализмом, ни городской хаотичностью и безответственной отсебятиной. Все организаторы и вдохновители движения - как-то: братья Каретники, Алексей Марченко, братья Семенюты, Лютый, Зуйченко, братья Домашенко, Коростелев, Троян, Данилов, Тыхенко, Мощенко, А.Чубенко, братья Махно и многие другие - все они были анархистами. Многие из них самостоятельно работали среди крестьян от 1906-7 г.г. и из них многие являются прямыми пионерами движения махновщины... Этими и многими уже в движении выросшими своими внутренними силами движение махновщины питалось и в идейно-политическом и в военно-стратегическом отношениях. Всякая помощь со стороны от родственных ему анархических организаций была лишь желательной, но ее, к сожалению, в прямом и организационном смысле никогда не было. В течение 8-9 месяцев после открытого вооруженного действия против врагов революции и анархизма, движение махновщины не видело в своих рядах почти что ни одного из прежних со стороны своих друзей. По истечение 8-9 месяцев в ряды движения приехал ряд товарищей в индивидуальном порядке, - некоторых движение освободило из цепких вражеских лап на своих путях действия, - Ивано-Вознесенская группа анархо-коммунистов во главе с т.т. Макуева и А.Чернякова, прибыла в организованном порядке. Эти товарищи оказали ему нужную, посильную помощь, но, к сожалению, временно. И, в общем, все годы неравной, тяжелой и исторически и морально ответственной борьбы, движение махновщины питалось своими внутренними идейно-политическими и тем более военно-стратегическими силами. И это, по моему глубокому убеждению, и является главной причиной того, что движение махновщины от начала и до конца, долгие годы было стойким борцом на революционном посту, - долгие годы, не смотря на вечное окружение врагами и беспрерывные бои с ними, не шло никогда и ни на какие соблазны других, анархизму и социальной революции чуждых социально-политических группировок.

Оставаясь верным своим анархическим идеям в требованиях

от государства и его властей не мешать труженикам села и города самоорганизоваться и стать прямыми выразителями своей подлинной революционной воли на путях революции, в преодолении устоев старого и построении и защите нового свободного общества, движение махновщины естественно не могло надеяться на помощь на этом пути в этих его требованиях со стороны государственных социально-политических группировок. Оно вправе было ожидать себе прямой организованной помощи от родственных ему анархических организаций из городов. Но такой, к сожалению, не было. Дезорганизаторский навык у большинства анархистов в это время был так силен, что он заслонил перед ними то, что делается в деревнях. Они не смогли ни заметить, ни почувствовать современного анархического настроения революционной деревни и поспешить ей на помощь организацией городских тружеников и прямым воздействием на ход ненормально складывавшихся революционных событий по городам. Не видя этой помощи от тех, от кого она должна была бы быть и именно в духе организационного прямого воздействия на ход событий там, где события эти уродуются укоренившимися властелинами под всевозможными предлогами, -движение махновщины естественно не могло восхищаться прочностью положения родственных ему организаций по городам.

Именно отсюда рождалась в движении махновщины вера в правильность позиции своих внутренних сил в делах революции. И движение цепко держалось этих своих внутренних сил и того, что им было признано за цель и написано на своих черных знаменах, в начале своей организации, что всколыхнуло, подняло широкие массы тружеников и увлекло их на борьбу против всякого сорта угнетателей и, наконец, от чего движение махновщины все годы своей борьбы не отступало, за что мужественно боролось часто с неравными, во много раз превосходящими силами врагов своих и революции и анархических идей в ней.

На этом тяжелом и ответственном революционном посту движение махновщины совершило одну тяжелую ошибку: в союзе с большевизмом против общего врага - врангелевщины и антанты. В период этого морально и практически для революции ценного союза, движение махновщины ошиблось в большевистском революционизме - и вовремя не оградило себя от измены. Большевики со своими спецами предательски обошли его и хотя с трудом, но на время разбили.

«Дело труда», № 44-45, январь-февраль 1929 г.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ЕЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Многие, даже политические деятели, из левого крыла, в особенности, склонны рассматривать советскую власть, как особенную власть от других властей, при том, особенность эта рисуется с лучшей стороны.

«Советская власть, дескать, рабоче-крестьянская власть и она хранит за собой великое будущее... »

Нет более нелепого утверждения, чем это, выше приведенное. Советская власть ни лучше, ни хуже всяких других властей. И настоящее советской власти такое же шатающееся, нелепое, как и всякой власти, вообще. А в некоторых отношениях, у советской власти оно еще более нелепое. Но это потому, что советская власть, достигнув своею полного политического господства в стране и, сделавшись неограниченным хозяином ее экономических и сельскохозяйственных ресурсов, не ограничилась только этим своим грубо-властническим положением она за короткое бесконтрольное свое господство в стране развила в самой себе обманчивое чувство и ложно почувствовала в себе (без всяких, между прочим, на то оснований) духовное «совершенство» перед всем трудовым и революционным народом страны. Это сделало ее пролетарский дух менее революционным, но более наглым. Благодаря чему, теперешняя советская власть, набравшись свойственного для всякой неограниченной и безответственной власти нахальства, утвердила себя за счет обманутого народа, но без его воли и согласия, его духовным учителем. Но не является секретом то, что «совершенство» советской власти, - это «совершенство» ее матери - партии коммунистов-большевиков. Но «совершенство» и теперешней советской власти и породившей ее партии суть ложное «совершенство», оно светит мерзостным двуличием и наглым преступлением в отношении тех трудящихся масс, силами которых и во имя освобождения которых совершалась Великая Русская Революция, ныне казненная властью в угоду привилегий породившей ее партии и того пролетарского меньшинства, которое, под влиянием большевистской партии воодушевилось заманчивыми для невежд положениями «пролетарского» государства и диктатуры «пролетарской» власти и молчаливо плетется на узде этой же партии, - плетется без права решающего голоса, без права точного осведомления о том, что гнусного палаческого приготовляло вчера и приготовляется

сегодня этой властью и партией против его же братьев-пролетариев, не желающих быть слепым молчаливым орудием и у власти и у партии, и не исповедывающие пролетарностью замаскированной партийной лжи.

Спрашивается, как же все-таки по-большевистски может случиться, что все то мерзостное двуличие и наглое преступление теперешней советской власти и партии коммунистов-большевиков, которое ими совершается в отношении трудящихся масс на путях политического управления, может быть другим в отношении этих масс на путях духовного воспитания. Мне кажется, что другим все это сделаться не может. Оно должно остаться и на этих путях тем, чем оно есть на самом деле. А что это так, об этом довольно определенно говорит нам то, что трудовой народ в СССР до сих пор не спокоен за свою революционную совесть, которую власть и партия коммунистов-большевиков силою уродует, стараясь заменить ее своею по программе выработанною партийною совестью.

От этого положение власти еще более ухудшается, т. е. становится более глупым, чем оно было ранее, при ее начальном выявлении своего деспотического существа, когда советская власть, под стратегическим и организационным водительством партии коммунистов-большевиков только подготовлялась к духовному воспитанию политически и экономически ею же порабощенною трудового народа.

Естественно, что это положение теперешней советской власти обусловливает и ее будущее. А это говорит о том, что будущего у власти нет; ибо для того, чтобы иметь будущее, нужно иметь на лицо благоприятное настоящее. А у власти настоящее настолько неблагоприятное для жизни миллионов тружеников, что из-за него можно ожидать чуть не каждый год новых народных кровавых восстаний и революции именно против советской власти, против партии коммунистов-большевиков и установленного ими в стране правопорядка. Несомненно, что этот дух восстаний и революций в трудовом народе в СССР должен быть поддержан каждым революционером, каждым революционно-настроенным пролетарием, однако, не для того, чтобы этой поддержкой могли воспользоваться контрреволюционеры и враги трудящегося люда. Дух восстаний и революции в трудовом народе в СССР должен поддержан быть для того, чтобы сменить тот безответственный в отношении революции и безумный в отношении трудящихся правопорядок, который установила власть, под водительством партии коммунистов-большевиков и при котором жить свободно и независимо могут только члены этой партии и наемные

защитники этой власти.

Безумие теперешней советской власти и партии коммунистов-большевиков должно быть устранено с пути революционной страны так, чтобы оно больше не смогло мешать угнетенным труженикам объединиться и положить начало своей жизни во всех ее областях на основах солидарности, свободы и равенства мнений всех и каждого, заинтересованного своим, как и других, подлинным освобождением. Это проблема общереволюционная. О ней должны, по-моему, активно заботиться и здесь - в эмиграции и там - внутри СССР все революционеры, все, решительно все сознательные и революционно-настроенные пролетарии и интеллигенция; и я сказал бы, что и все искренние невозвращенцы и оппозиционеры которые слетались невозвращенцами и оппозиционерами на эмиграции, по революционно-идейным соображениям.

Таким, поистине является и настоящее положение советской власти и ее будущее. И такова, по-моему, общая проблема в отношении советской власти и партии коммунистов-большевиков должна стоять перед всеми революционерами, независимо от их управления. Подменивать эту проблему чем-то другим, революционеры не могут. Они должны, по-моему, отдавать себе отчет в том, что для того, чтобы бороться с теперешней советской властью и партией коммунистов-большевиков, нужно иметь у себя все лучшее из того, что эти власти и партия имели у себя, провозгласили и, утверждая, защищают. В противном случае борьба их явилась бы, если не контрреволюционной, то, во всяком случае, бесполезной для тех миллионов тружеников, которых советская власть и партия коммунистов-большевиков, обманув, поработили и угнетают и которым революционеры должны помочь высвободиться из окружения этого обмана и угнетателей.

«Борьба», № 19-20,25 октября 1931 г.

НА ПУТЯХ ПРОЛЕТАРСКОЙ ВЛАСТИ

Прошло уже много времени с тех пор, когда передовая социалистическая интеллигенция формулировала в более-менее определенных формах цели исторической борьбы пролетариата с буржуазией и когда пролетариат, приняв эту формулировку интеллигенции без поправок, вступил под ее руководительством в эту борьбу. То был своего рода триумф для интеллигенции, желавшей вести пролетариат к полному освобождению от буржуазии через разрушение буржуазного государства и власти и создание на их место пролетарского государства и пролетарской власти.

На этом пути естественно никто - ни интеллигенция, ни пролетариат, не щадили своих сил и знаний на представление перед широкими человеческими массами всегда того зла, которое творится властью буржуазного государства. Это помогало им развивать и укреплять в массах идеи пролетарской власти. В пролетарском государстве и власти пролетариат - по наговорам своих руководителей - видел сам и старался навязать другим средство для избавления себя от власти буржуазии и водружения свободного равенственного начала во всех житейских взаимоотношениях между людьми. Такое предназначение пролетарской власти нам, анархистам, казалось грубо-ошибочным. И наши товарищи прошедших времен восставали против этого, доказывая все то заблуждение государственников, благодаря которому они делали коренное различие между властью вообще и пролетарской властью, возлагая на эту последнюю чуждую ей миссию.

Социалисты-государственники оставались верны своей властнической школе. Со своей идеей пролетарской власти они вступили в русло еще небывалой по глубине и широте своих социальных требований Великой Русской Революции. И теперь уже нам, анархистам настоящего времени, пришлось с ними спорить против ложного предназначения пролетарской власти. В этом нашем споре мы государственникам доказывали, что всякая власть - будь она буржуазная или пролетарская - одинакова по своим внутренним, от народа скрытым, замыслам порабощать и угнетать человека, разрушать в отдельном человеке, как и в обществе, в целом народе все те лучшие естественные духовные свойства, толкающие их (человека, его общество, целый народ) к свободе и основывающейся на ней солидарности.

Государственники-социалисты возненавидели нас за это еще более. Между тем жизнь и деятельность пролетарской власти в

России с каждым лишним годом своего существования и укрепления поддерживали нашу точку зрения о ней. С каждым годом пролетарская власть донага выдавала самое себя в том, что пролетарность ее - это фикция, которую самому пролетариату в первые годы революции заметить трудно было, тем более, когда он сам содействовал ее созданию. Однако то, что пролетарская власть в самом своем зарождении воспитывалась интересами власти вообще, было неоспоримым, и это ей не всегда позволяло умело скрывать свое существо на путях своей практики.

По прошествии ряда лет, ей пришлось самыми своими действиями показать, что ее цели и цели Великой Русской Революции - не одно и то же. Это прошедшие годы лицемерия этой власти не только что не помогли ей подчинить мирным путем цели Революции своим целям, но создали открытые фронты против нее и угрожают смертью. И пролетарской власти пришлось представиться перед Революцией во всей своей наготе и подлости, т. е. она открыла свое внутреннее существо, которое представляет с себя сплошную гнойную язву на теле Революции, при том язву, ядовитые бациллы которой несут смерть и разрушение для всех без исключения, кто дерзает без санкции пролетарской власти быть самостоятельным, свободно и независимо думающим о судьбах революции, о завоевании ею свободы своей и других, о том грандиозном строительстве нового свободного общества тружеников, которое может быть построено только тружениками у себя на местах, самостоятельно, без опеки власти.

Спрашивается: почему все это так случилось? Ведь по Марксу и Ленину пролетарская власть не должна быть похожа ни в чем на власть буржуазии, а тем более, не должна родниться с нею? Не виновна ли за это и известная часть передового пролетариата?

Многие анархисты склонны утверждать, что пролетариат здесь не причем, его, дескать, обманула социалистическая интеллигентская каста, которая в силу целого ряда число исторических явлений и логике неизбежных государственных преобразований стремится в этом процессе заменить власть буржуазии своею и которая старается руководить борьбою пролетариата против буржуазно-капиталистического мира.

По-моему, это утверждение не совсем точно и звучит несколько пристрастно. Русская Революция, нашедшая свое завершение, к великому сожалению, в создании пролетарской власти под водительством социал-демократической большевистской партии развертывает перед нами несравненно полнее и объективнее данные об этом. А опыт Революции иллюстрирует перед нами неопровержимые факты о том, что

пролетариат во время революции не был единым. Городская часть пролетариата в целом ряде городов, низвергая общего классового врага - буржуазию по городам, первое время колебалась в выборе между путями февральской и октябрьской революции. И лишь через известный промежуток времени, после чисто военной победы октября над февралем известная часть городского пролетариата заметно начала сливаться с частью своих братьев - прямых участников в октябрьских достижениях. И вскоре слившаяся пролетарская часть по городам забыла о прямой непосредственной защите этих достижений, а заодно с властнической партией поспешила максимум проявить своей любви к своим классовым политическим, экономическим и правовым привилегиям. От чрезмерной любви к своим классовым привилегиям в этой части пролетариата загорелась такая же чрезмерная любовь к своему пролетарски-классовому государству.

Социал-демократическая большевистская партия его в этом целиком поддерживала. На путях к созданию классового пролетарского государства и в самом государстве для этой партии открывалась арена для полного выявления своих сил в делах применения своей программы в открытой практической революционной борьбе пролетариата, так как в этом заключались возможности для этой партии полностью подчинить себе пролетариат и захватить его именем государственную власть в свои руки. На этом пути социал-демократическая большевистская партия превратилась в партию коммунистов-большевиков. Она не стеснялась в злостной демагогии, не брезговала средствами, если ей трудно было, она воровала чужие программы и, апеллируя ими к революционному пролетариату, обещая ему во всем лишь свою помощь, но шла к своей цели. В этом партия эта проявила поистине полностью исторические чаяния интеллигентской касты - заменить буржуазную власть своей и властвовать самой во что бы то ни стало. И известная часть пролетариата этому не противилась, наоборот, к действиям партии большевиков-коммунистов она относилась как к своим.

Эта часть пролетариата воспитывалась ведь из поколения в поколение - что пролетариат тогда лишь освободится от эксплуатации и власти буржуазии, когда сумеет разбить буржуазию, разрушить ее государственную организацию и создаст свою пролетарскую. И этот пролетариат пошел за партией большевиков-коммунистов. Вместе с этой партией пролетариат занялся организацией «своей» пролетарской власти и построением своего классового государства.

Самый путь, да и средства их быстро сделали с них таких же,

как и низвергнутая буржуазия наглых невежд-властелинов, которым, чтобы закрепить свое господство в революционной стране над народом и революцией, понадобилось жестокое насилие.

Само собою разумеется, что партийной интеллигентской касте насилие это было присуще, она к нему готовилась долгие годы, и она им упивалась. Пролетариату же - вчерашнему безмолвному рабу - насилие над подобными себе чуждо. Однако, путь классового государства, власти и привилегий соблазнял его на это насилие. В пролетариате, занявшемся построением своего классового государства, насилие это породило, в конце концов, нетерпимость, омерзительное отношение к свободе личности, к свободе слова и печати, к свободе каких бы то ни было революционных организации, расходящихся с наглостью пролетарской власти. Таким образом, известная часть пролетариата под водительством партии большевиков-коммунистов заняла место низвергнутых деспотов-тиранов из буржуазного класса и сделалась сама властелином-деспотом, которому силою вещей пришлось заняться на своем посту гнусным насилием, притом без разбора в отношении левых и правых, маскируя это и подкупившей его партии дело делом защиты революции.

В действительности же насилие это было создано в России на теле революции в интересах утверждения и поддержания узко классового, в союзе с партией, господства над всеми другими даже трудовыми классами. И в этом нельзя усматривать временного пролетарского заблуждения. В этом лишь с особой четкостью и беспредельной наглостью проявляется существо власти вообще, показывающей то, что слово «пролетарская» ее не меняет.

Вот почему, по-моему, нашим заграничным товарищам всех стран, где пролетарской власти еще не существует, нужно хорошо знать все этапы Русской Революции, а также и роли в них партии большевиков-коммунистов и увлеченного ею пролетариата, чтобы они могли легко справляться с делом предупреждения пролетариата своих стран от всевозможного его увлечения большевистской злостной демагогией о полезности пролетарской власти. Правда, действуя в этом направлении против большевистского обмана, в настоящее время все наши товарищи, все организации должны быть вооружены серьезным знанием того, что они могут предложить широким массам вместо организации пролетарской власти: так как для того, чтобы бороться и побеждать своего врага - буржуазию, одних красивых лозунгов недостаточно. Широкая масса к лозунгам не всегда

бывает чуткой. Она реальна и потому богата всевозможными злободневными в своей жизни и борьбе вопросами; она сразу перед анархистами поставит вопрос: а какими же иными путями и при помощи, каких именно более устойчивых положительных средств социального действия следовало бы угнетенным и трудовым массам идти в настоящее время к своему полному освобождению?

На подобного рода вопросы нужно отвечать прямо и с особой ясностью. Это крайне необходимо, важно не только для судеб назревающей активной революционной борьбы трудящихся классов с буржуазно-капиталистическим миром, но и для нашего анархического движения, так как от этого в известной степени будет зависеть влияние наших идей на начала и исход этой борьбы. А это значит, что пролетариат не повторит той ошибки, которую совершили его братья в Русской Революции, и займется не организацией пролетарской власти под науськиванием какой-либо из пролетарских партий, а организацией довольства для всех и защиты революций от всяких властей.

«Пробуждение», № 18, январь 1932г.

АЗБУКА АНАРХИСТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Анархизм есть свободная жизнь и независимое творчество человека.

- Разрушение и отстранение от здоровой, свободной жизни человека всего нечеловеческого или человеческого, но тоже направленного против человека.

Анархизм - учение не теории и по ней искусственно создаваемых программ, пытающихся вмещать в себе полностью жизнь человека.

Анархизм - учение жизни во всех ее здоровых проявлениях, - жизни реальной, перерастающей всякие искусственные нормы, - жизни, не вмещающейся в эти последние.

Социально-политическая физиономия анархизма - свободное, безвластное общество, свобода, равенство и солидарность в жизни его сочленов.

Право анархизма - свободная ответственность человека, ответственность одинаковая во всем и во все времена пройденного им пути, как и пути намеченного дальнейшим его шествием, т. е. ответственность, родящая собою истинное обеспечение свободы и социальной справедливости всегда и в равной мере для всех и каждого человека.

Отсюда родится коммунизм.

Анархизм вносится в человеческую жизнь природой человека; коммунизм - логическим развитием анархизма.

Отсюда исходит необходимость теоретически, с помощью научного анализа и фактического материала, формулировать все новые постулаты анархизма, необходимость, приведшая одних, - а именно врагов свободы, равенства и солидарности в жизни сочленов человеческого общества, - к затушевыванию природы анархизма и клевете на этот великий идеал, а других, - поборников права каждого человека на человеческую жизнь, - к всестороннему развитию и освещению этого общечеловеческого идеала.

Годвин, Прудон, Бакунин, Мост, Кропоткин, Малатеста, С.Фор и многие другие титаны на этом пути, как я полагаю, - вовсе не думали и не думают своим теоретическим развитием анархизма замыкать его в рамки неизменных научных догм.

Научные догмы анархизма - это стремление доказать его естественность в природе человека, ответственность, с которой человек, внутри себя, во все времена и во всяком своем творческом достижении не расстается.

Неизменное в научном анархизме это - его естественная

сущность, которая в своих основных чертах выражается в отрицании всяких цепей, всякого порабощения человека. Вместо цепей и рабства, которые царят над жизнью человека и которых и социализм не уничтожает, - анархизм сеет свободу и безграничное право на нее человека.

Как анархист-революционер, участвуя в практических действиях революционного народа Украины, - народа, инстинктивно чувствовавшего и в своих действиях выражавшего жизненные требования анархистских идей, народа, на этом тяжелом пути несшего неисчислимые жертвы и все же не переставшего твердить о своей свободе и свободе и безвластии своей социально-общественной жизни, - я нес все тяжести на этом пути вместе с ним упорно и неизменно. Часто, будучи слаб и бессилен все и вовремя на этом пути схватывать и формулировать - я спотыкался. Но, верно понимая цель, к которой шел сам и звал окружавших своих братьев, я видел в жизни естественное влияние анархизма на массы в их борьбе за свободу и независимость человека и всего человечества.

Опытом практической борьбы я подкреплял убеждение, что анархизм - учитель жизни человека, - он революционен так же, как и жизнь человека, так же разнообразен и могуч в своих проявлениях, как и творческая жизнь человека: ибо анархизм есть свободная творческая жизнь человека.

Как анархист-революционер, пока я хотя на один волос имею духовную связь с призваниями анархиста-революционера, я буду всегда звать тебя, брат униженный, к борьбе за идеал анархизма.

Только борясь и утверждая в жизни идеал свободы, равенства и солидарности в семье человека, - в человечестве, ты поймешь анархизм.

Итак, анархизм порожден природой человека. Коммунизм - развитием анархизма.

Следовательно, анархизм естественно живет в человеке. Исторически освобождая его от психического рабства, насажденного в нем искусственно, анархизм этим самым вырабатывает из него сознательного борца против всякого рабства.

И в том и в другом смысле анархизм революционен.

Чем человек сознательнее в области мышления о своем рабском положении, тем глубже он погружается в самого себя, сознавая за позор несущее на себе, навязанное ему рабство, - тем революционнее проявляется в нем анархический дух воли, мысли, а подчас и действий, связанных с этими мыслями.

Это относится к каждому человеку - мужчине и женщине - хотя бы они даже ничего не знали и не слышали о слове

«анархизм».

Природа человека анархистична: она противится всему, что ее стесняет.

Эта сущность природы человека, по-моему, и выражается в научно подобранном термине - анархизм.

Анархизм, как идеал жизни человека, играет уже заметную роль в развитии человеческой жизни. И угнетатели и угнетенные мало-помалу начинают эту роль замечать, и одни, - именно первые, - стремятся всеми путями, не брезгая никакими средствами, исказить этот идеал; вторые же яснее постичь и развить его.

Тому, что идеал анархизма становится все более заметным и для господина и для раба современного общества, много помогает цивилизация последнего. Цивилизация эта вопреки своим целям (она ведь направлялась на то, чтобы совсем усыпить и затереть протест человеческой природы за свое поругание) не смогла сыграть в этом черном призвании своей роли, чтобы забить этот протест и замолчать то, чему противилась. Она не смогла затереть в своем круговороте независимые умы науки, которые вскрыли перед человеком его происхождение, доказали отсутствие Бога (на которого ссылались, как на творца человека, создавшие ему соответствующих земных богов) и т. д. С установлением этих истин, естественно, было легко и неопровержимо доказать искусственность насаждения на земле «божьих» помазанников и порожденных этими последними позорных взаимоотношений между людьми.

Все эти явления в значительной мере содействовали развитию сознательного анархизма. Правда, рядом с развитием анархизма создавались новые искусственные идеи: либерализм и так называемый «научный» государственный социализм, в том числе коммунизм-большевизм. Но эти учения, несмотря на мощное влияние их на психику современного общества или, по крайней мере, значительной части его, а также несмотря на приближение их с одной стороны к торжеству над реакцией, а с другой - над свободно развивающейся и крепнущей человеческой личностью, - эти учения, как искусственные, недоразвившись на своем пути, скатываются по наклонной плоскости к отжившим житейским формам.

Свободный человек, - осознавший себя и постигающий окружающее, уже хоронит и, безусловно, похоронит, вместе с навязанным ему грубой силой и обманом, вместе с отвратительной гнилью и мерзким рабством старого, все позорящее человеческий дух прошлое. Похоронит он и эти учения.

Человек уже в массе мало-помалу освобождается от удара лжи и подлости, в которые его закабалили с самого рождения земные боги с помощью грубой силы штыка, рубля и «правосудия» с одной стороны, лицемерной науки - науки кудесников, с другой стороны.

Освобождаясь же от этого позора, человек постигает себя, а, постигши себя, человек раскрывает перед собой карту жизни, на которой в первую очередь, на первом ее плане замечает свою прошлую, отвратительно-пошлую, подлую подневольную жизнь, - жизнь, которая, будучи загнана в искусственные рамки, убила в нем все чистое, светлое и непорочное, с которым он родился; жизнь, которая превратила его в одно и то же время во вьючного осла, раба для одних, и - господина для других, притом господина - дурака, который рвет и топчет все, что есть лучшего в человеке, рвет и топчет в самом себе и в других и все по приказу других. И тут только в человеке просыпается свобода от подлинной природы, ни от кого независимой, повергающей в прах все искусственное, - все, что нарушает пленительную чистоту и красоту его природы, проявляющейся и развивающейся в независимом творчестве.

Тут только человек приходит в себя и выносит убийственный приговор своему позорному прошлому, порывая с ним всякую и, в первую очередь, психическую связь, на которой до сих пор зиждилась унаследованная его предками, в частности и им самим, искусственно развившаяся в утверждениях шаманов науки, его несправедливая - как индивидуальная, так и общественная жизнь.

Так человек, - раньше из поколения в поколение, сейчас из года в год, - движется в процессе своего развития к высоконравственной цели: не быть самому шаманом, прорицателем власти над другими и не допускать властвования над собой этих идолов.

Свободный человек, свободный от земных и «небесных» богов и всех их предписании, свободный от «нравственности» и «морали», исходящих из этих предписаний, возвышает свой голос и словом, и делом против порабощения человека и извращения его природы, сущность которой остается всегда неизменной в своем стремлении к простору и воле, вперед - к полноте и совершенству.

Этот протестующий человек, осознавший себя и видящий открытыми глазами, стремящийся так видеть вокруг себя своих угнетенных и оскорбленных братьев: этот человек, ясно отражающий своим умом, в своем сердце, оскорбленного человека вообще; этот человек - анархист-революционер, этот

одинокий свободный человек, жаждущий свободы, полноты и совершенства в жизни для себя и своего рода, попирающий рабство и общественный идиотизм, который исторически в разбоях и насилии созревал и оформился в государстве, в этом наемном, организованном разбойнике и убийце, - этот человек, побуждаемый своей глубокой верой и самопожертвованием, на указанном пути создает группы свободных людей, спаянных идеей цели и действий за эту цель. Такие группы в своем развитии крепнут идейно и ширятся организационно, принимая истинно-коммунистическое направление во всех творческих достижениях на этом столь тяжелом великом пути.

Люди, входящие в эти группы, освобождаются от групп, и в большинстве случаев преступной опеки над собой другого человека, поскольку человек, как личность, в этих группах становится самим собою, т. е. человеком, осуждающим свое лакейство перед другим человеком: поскольку он, этот обыкновенный человек, вошедший в группу от плуга или от фабричного станка, или со скамьи университета, или из кабинета ученого, сознает, что быть лакеем перед другими, влачить на себе изо дня в день ношу осла, раба, лишенного, если он рабочий, всего, что даже сам производит, если же он ученый, то того, чтобы быть свободным, не превратиться в чиновника и не производить все свое учение по казенному, за деньги, что быть лакеем для одних и господином-дураком, продавшим себя в таковые, для других, - не есть удел жизни человека...

Поскольку же человек, как личность, приближается к подлинной личности, встающей перед человечеством в подлинном своем виде, отбрасывая, повергая в прах искусственные идеи жизни, идеи, поправшие личности права; идеи, какими вынужденно живут господин и раб современного общества, поскольку же человек выдвигает чистые и светлые начала своей свободы, через которую должно родиться новое в человеческом смысле: свободное человечество. И именно постольку этот человек становится сознательным анархистом-революционером и коммунистом.

Таким образом, анархизм, как идеал жизни человека, уже сознательно обретается человеком в самом себе, т. е. свободный человек постигает его таким, каков он в действительности: глубоким, чистым и светлым в человеческом смысле, во всем сочетающимся со свободной жизнью, с творчеством человека, с самой человеческой природой, идейно определившимся и свободно, на счастье свое и других, воспринимаемым собственным идеалом.

Анархическое общество или общество общечеловеческой

гармонии уже в наш век в здоровом общественном мышлении не является сказочным. Но как само это мышление, так и устройство в согласии с ним практической жизни, в силу высших условий, оказываются все еще слабо выявленными.

Сама идея анархизма, как учение о новой жизни человека в его индивидуальном и общественном развитии и творчестве, как идея, теоретически обосновывающая несокрушимую правду природы человека и на неопровержимых, не поддающихся разрушению фактах вскрывающая всю язву несправедливости по отношению человека современного общества, находится в рамках жизни этого последнего - в большинстве случаев на нелегальном, но реже на полулегальном положении. Вполне же легально идея анархизма нигде не живет.

Это объясняется тем, что в данный период развития человеческой жизни общество в человеческом смысле не живет своей жизнью, а живет жизнью своего слуги и господина - государства. Даже более того, - общество совсем обезличилось. Его нет в действительности. Все функции его, все сознание и творчество в области общественных дел перешло в ведение государства. Последнее и считается теперь обществом. Группа людей, выползшая на шее всего человечества и искусно создавшая «законы» жизни для этого последнего, является теперь человеческим обществом. Человек в одиночку в своей многомиллионной массе - ничто по сравнению с этой группой бездельников, носящей имя правителей и хозяев, эксплуататоров и насильников.

Вот этим-то шакалам мира сего, одурачившим мир и держащим его в своем подчинении - правителям справа и правителям слева - буржуа и социалистам-государственникам и не нравится великая идея анархизма.

Первые, т. е. буржуа открыто (следовательно, менее лицемеря), а социалисты-государственники всех направлений, не исключая и коллективистов, ныне присвоивших в жизни не оправдавшееся имя коммунистов-большевиков, лицемерно прикрываясь лозунгами «братства и равенства», готовы тысячу раз перекрашивать современное общество, готовы тысячу раз менять названия систем господства одних и рабства других в этом обществе, меняя эти названия согласно своим программам, но оставляя нетронутой сущность и пытаясь в искусственной стройности этих своих глупых программ найти примирение естественным противоречиям в соединении господства и рабства. И хотя они знают, что противоречия непримиримы, - они их поддерживают, дабы не допустить к практической жизни великого правдивого идеала - анархизма-коммунизма.

Социалисты и коммунисты-государственники решили по своим глупым программам, что «социально» человека необходимо допустить освободиться; можно в этой области допустить и развитие его социально-общественной жизни. Но допустить человека до духовного освобождения полностью, чтобы человек в человеческом смысле стал свободным и подвластным только своей совести, только естественным законам своей человеческой природы. На этот счет они хотя и не говорят, что до этого человека допускать нельзя, но всюду и сами, и вместе с буржуа делают так, чтобы такое освобождение человека, в особенности без опеки их власти, отвратительной, политической власти над людьми, - ни в коем случае не произошло.

А «освобождение» под предводительством всякой власти, - в особенности власти политической, - нам уже известно, какое может быть.

Буржуа, который никогда не затрачивает подлинного труда на дело производства всего полезного и прекрасного, которым пользуется все человечество, по обыкновению говорит о тружениках: раб должен оставаться рабом. Не можем мы, имеющие в своем распоряжении такие колоссальные капиталы в индустрии и сельском хозяйстве, устраивать какие-то новые начала для общественной жизни. Для нас вполне хороша настоящая жизнь. Перед нами все сгибаются: и цари, и президенты, и правительство, и большая часть ученых, а рабы ведь подвластны им...

«Слуга! Отдай рабам рабское, себе возьми за верную службу, а остальное охраняй для нас!»... Хороша для нас жизнь настоящего общества!..

Нет, - говорят в противовес буржуа, социалисты и коммунисты-государственники: - мы в этом с вами, буржуа, не согласны! И обращают они свой голос к труженикам, и организовывают их в партии, и зовут их к бунту, восстанию - говоря: гоните от власти буржуазию и дайте нам, социалистам и коммунистам-государственникам, власть в наши руки: мы за вас постоим, мы вас освободим.

И труженики, будучи ненавистниками власти по природе своей сильнее, чем бездельники, эту ненависть к власти чувствуют в себе. Они восстают, делают революции, разрушают власть, изгоняют ее выразителей. И местами по наивности, местами по недосмотру, допускают к власти социалистов; в России допустили коммунистов-государственников.

И режут, стреляют, даже сонных давят людей эти подлые иезуиты, изверги и палачи свободы человека, стреляют всех и всюду они в царстве своей власти, стреляют так же, как и буржуа,

местами еще хуже.

Стреляют они людей, чтобы подчинить инакомыслящего человека в одиночку и в массе своей власти; чтобы навсегда убить в человеке дух свободы и воли творчества; чтобы сделать из него духовно раба и физически лакея для группы негодяев, воссевшей на трон изгнанной власти и без зазрения совести нанимающей для себя охранителей, а для свободы человека - убийц. И с помощью убийц подчиняют они себе жизнь человека и управляют ею.

И стонет человек под тяжестью цепей своей социалистической рабочей власти в России. Стонет он в других странах под игом социалистов, объединенных с буржуазией, и стонет под игом самой буржуазии. Стонет всюду, стонет в одиночку и в своей многомиллионной массе.

Стонет весь человеческий род под гнетом власти и ее политических и хозяйственных безумий.

Он стонет, но стонам его мало кто бескорыстно внемлет. Новые, как и старые, его палачи сильны, сильны они духовно, сильны и физически, да и средства для поддержания этих сил у них более действительны. Они все и во время подавляют на противном для них пути.

И человек, на миг проявивший свою творческую волю, рванувшийся отстоять свои права на жизнь, на свободное и счастливое ее процветание, снова погружается в омут насилия и порожденной этим последним безнадежности, и опускают руки перед палачом даже тогда, когда палач надевает ему петлю на шею, даже тогда, когда палач от одного его смелого взора дрогнул бы, побоявшись как бы человек не возненавидел его так, как свободный человек должен его ненавидеть, и как бы от этого не порвалась петля и не погибло все то, что нужно для палачей и не нужно для свободного человека, для всего человеческого рода. И человек рабски закрывает глаза, когда палач для прочности своего торжества над ним оставляет на нем петлю на всю жизнь.

Лишь свободный человек, человек, выковавший из тяжелых условий своей личной жизни и из наблюдений над ужасной развертывающейся перед ним жизнью человеческого рода убеждение, что другой человек для него - брат, что свобода человека неприкосновенна так же, как и жизнь. Лишь человек, готовый эту свободу завоевать и защищать, готовый всякого властелина и палача убить (если последние не бросают добровольно своей подлой профессии, казнящей жизнь): лишь человек, ставящий целью своей борьбы со злом современного общества не замену власти палача - буржуазии властью другого палача - Социалистической или коммунистической «рабочей» (как

эта подлость величается в большевизме) республики, а установление подлинно свободного общества, организовывающегося на началах личной ответственности человека и обеспечивающего всем истинную свободу и социальную справедливость в равной степени, - лишь такой человек - анархист-революционер. Он без боязни смотрит на действия палача - государства и также без боязни и открыто выносит ему свой приговор говоря: Нет, так не должно быть! Бунтуй, восставай, угнетенный брат! Восставай против всякой власти! Разрушай власть буржуазии и не допускай к жизни власти социалистов и большевиков-коммунистов. Разрушай всякую власть, и гони от себя ее выразителей, ибо среди них нет твоих друзей.

Власть социалистов или государственных коммунистов так же подла, как и власть буржуазии. Бывают даже моменты, когда власть социалистов, или государственных коммунистов подлее власти буржуазии, ибо бывают моменты, когда она, как власть должна делать на крови и жизни человека свои, этой власти только нужные, эксперименты. Тогда она порывает связь с идеей жизни человека. Тогда она топчет и собственную идею государственного социализма и коммунизма. Она открывается от всякой здоровой мысли и тогда втайне хватается за основные предпосылки власти буржуазии.

И потому, что она хватается за них тайно, она не хочет показать этого массам, которые ею управляются. И лжет и обманывает хуже всякой другой власти. А массы это замечают и возмущаются. Тогда власть эта набрасывается на них со всей разнузданностью своей безответственности и режет, бьет, душит их во имя якобы своей идеи, идеи социализма или государственного коммунизма (как например, в России). Но в действительности она свою идею давно отбросила в мусорный ящик; она, как власть, в эту минуту хватается за что угодно, но только не за идею тех, за счет которых пришла к власти и против которых направляет эту власть с помощью старых изуродованных средств буржуазии. В эту минуту власть социалистов или большевиков-коммунистов и бывает подлее власти буржуазии, ибо она в такие минуты не имеет своего собственного русла, и в то же время, когда власть буржуазии вешает не признающего ее революционера, власть социалистов или большевиков-коммунистов убивает его из-за угла или душит. В самом акте они обе подлы, но в подходе к нему - более власть последних.

Наилучшим подтверждением вышесказанному может служить каждая политическая революция, когда буржуазия, социалисты или государственные коммунисты ведут между собою отчаянную

борьбу за свое политическое господство в стране, втягивая в этот путь и народные массы.

Но самым выразительным и поучительным подтверждением сказанному о власти могут служить последствия деятельности социалистов и коммунистов-государственников в двух - февральской и октябрьской - русских революциях.

Когда трудовые массы, населявшие имперскую Россию, почувствовали себя политически наполовину освобожденными от царско-помещичьей реакции, они стремились к совершенному и полному освобождению. Они проявляли это свое стремление местами в форме отобрания от помещиков и монастырей земли и передают этой последней в пользование тем, кто хочет ее обрабатывать без наемного труда; местами - в виде провозглашения заводов, фабрик, типографий и других общественных предприятий достоянием тех, кто в них работает, пытаясь при этом создать свободные братские взаимоотношения села с городом. И, конечно, они в своем здоровом стремлении, в своих чистых и светлых намерениях, совсем не хотели даже и замечать, что где-то в Киеве, Харькове или Петрограде существуют какие-то правительства.

Самостоятельно, через свои трудовые организации, народ стремится закладывать фундамент нового свободного общества, которое должно в глазах народа своим дальнейшем развитием изжить из общественного тела паразитизм и власть, - глупую, труженикам своим ненужную власть одних над другими.

Такое здоровое начинание народа в особенности резко проявилось на Украине, на Урале и в Сибири. Чувствовалось оно и в самом сердце умиравших и рождавшихся властей: в Петрограде и Москве, в Киеве и Тифлисе. Но везде и всюду, как социалисты, так и большевики-коммунисты имели и имеют в своем распоряжении многих сторонников идеи власти и наемных убийц. К сожалению, приходится констатировать, что имели они у себя наемных убийц не только по профессии, но и из наших трудовых рядов, и, главным образом, с помощью таких наемных убийц они пресекали в корне свободное начинание народа.

И как еще пресекали, и какими средствами! Сама средневековая инквизиция может позавидовать им. Мы же, зная природу всякой власти, говорили вождям социализма и большевизма-коммунизма: стыдно! Вы так много писали и спорили с буржуазией о ее зверствах над угнетенными. С таким бешенством отстаивали чистоту и преданность труженикам на их освободительном пути. А, придя к власти, оказываетесь такими подлыми лакеями - в одних случаях прямо буржуазии, а в других - ее средств, сами превращаясь в буржуазию, что даже сама

буржуазия удивляется и часто смеется.

Впрочем, за последние годы, глядя на опыты большевизма-коммунизма, буржуазия поняла, что эта своеобразная химера научного государственного социализма никогда не обойдется без ее средств и даже без нее самой. Она поняла, что смеяться над своими питомцами ей не к лицу. Она поняла, что в системе этого социализма - эксплуатации и насилия над трудовым большинством человеческих масс разгульная жизнь и разврат бездельников не упраздняются, а меняют только свои названия и слова, крепнут и развиваются.

И действительно это так. Взгляните на мародерства большевизма и его монополии на прямые народные революционные завоевания в Русской Революции, на его сыск, институты полиции и судов, на тюрьмы и армию тюремщиков, направленных против Революции. А постоянная силой рекрутированная «красная армия»! Все то же, только переименованные функции, те же, подчас еще более безответственные и, следовательно, более развратные.

Либерализм, социализм и государственный коммунизм - три брата, разными путями идущие к власти над человеком, - власти, не допускающей человека к полному совершенству, развивающемуся в свободе и независимости и творящему новое, здоровое и подлинное начало в общественном идеале всего человеческого рода.

Бунтуй же! - говорит анархист-революционер - угнетенному человеку: бунтуй, восставай и разрушай всякую власть над собой и в себе. И не способствуй закреплять ее торжества над другими. Будь сам свободен и отстаивай свободу других от власти!

Власть вызывается к жизни в человеческом обществе теми людьми, кто никогда не жил, или жил, но сейчас не живет, или живет, но не хочет в будущем жить своим трудом и здоровой жизнью, которой человеческое общество могло бы жить, но развитие которой всякая власть уродует, тормозит, останавливает. Власть не дает свободному трудовому обществу и впредь, какая бы она ни была, свободно выйти на путь своего свободного, в счастье и радости, расцвета.

Власть создана бездельниками для их грабежа и насилий, а иногда и убийства над теми и тех, кто своим трудом, волей и энергией мускулов и ума производят все полезное и прекрасное в жизни человечества.

Будь власть буржуазная, социалистическая, коммунистическо-большевистская, рабочая или крестьянская, - все одно: она подла для здоровой и счастливой личной и общественной жизни человека. Природа всякой власти одна и та

же: убивать свободу человека, превращать его духовно в раба, физически в лакея для себя и всех своих, черных по отношению здоровой жизни человека, дел.

Нет власти безрогой. Всякая власть с рогами, и бодает она всякого человека, стремящегося к свободной и справедливой жизни.

Изгоняй, брат угнетенный, власть в самом себе и не допускай ее господства над собой и своим братом - близко и вдали от тебя живущим человеком.

Настоящая - здоровая и радостная - личная и общественная жизнь человека строится не при помощи программ и власти, пытающихся вместить в искусственные формулы писаных законов всю ширь и глубину этой мысли: она строится через свободу человека, через его творчество и независимость на пути разрушения и созидания.

Свобода каждого отдельного человека родит свободное, законченное в своей децентрализованной целости, совершенное в общей цели, безвластное общество.

Это - анархический коммунизм.

В наших представлениях анархический коммунизм - это грандиозное общество общечеловеческой гармонии. Его состояние - свободные индивидуумы, добровольно группирующиеся в свободные ассоциации, группирующиеся согласно своим наклонностям, интересам и общественным надобностям, которые обеспечивают свободу и социальную справедливость в равной степени всем и каждому человеку на земле. В федерации и конфедерации.

Анархический коммунизм - это общество, полагающее свободную жизнь человека, право этого последнего на безграничное свое развитие первоосновой уничтожения всяких зол и несправедливостей на земле, какие окутали человечество и двигают его прогресс и совершенствование по ложному пути, разделивши человечество на сословия, классы, жизнь которых строится искусственно и, что еще позорнее, на началах эксплуатации и насилия одних за счет других.

Общество - свободное, безвластное общество, - ставящее своей целью украсить и осчастливить свою жизнь своим трудом, умом и волей: осчастливить всем, что дает человеку природа, что человек может из ее неисчерпаемых богатств брать сам, и что вообще свободный человек, член свободного общества, упоенный красотами мира и одухотворенный своей свободной жизнью, разумом, воспитанным в этой жизни, может свободно творить полезного и прекрасного для себя и других, - это общество и есть анархический коммунизм.

Анархический коммунизм зиждется на всесторонне развитой, творчески независимой и абсолютно свободной жизни человека. Поэтому члены его являются свободными и радостными в своей жизни людьми.

Труд, братское взаимоотношение между собой, любовь к жизни и страсть к творческому созиданию, красота и свобода в этом созидании руководят жизнью и деятельностью таких людей. Поэтому им не нужны тюрьмы, палачи, шпионы, провокаторы (к жизни которых вызвала буржуазия, а социалисты-государственники перехватили и, воспитывая, разводят). И не нужен им больше организованный наемный разбойник и убийца, имя которому - государство. Готовься к созданию этого общества, брат угнетенный!

Готовься к нему идейно, готовься и организационно. Но помни при этом, что твоя организация должна быть прочна и устойчива в своих социальных средствах.

Враг твоего полного освобождения - это государство. Оно олицетворяется в лице союза «пяти»: собственника, воина, судьи, священника и прислуживающей им той части науки, которая, извращая истинную сущность естественных законов природы человека, основываясь на «исторических законах» и правовых нормах, нормах, написанных искусной рукой за деньги и для преступных целей, - пытается доказать права первых «четырех» в своих санкциях, преступных, позорящих весь человеческий род, санкциях - на нормирование жизни человека во всех его личных и общественных делах.

Враг силен; ибо он на протяжении тысячелетий ведет свою жизнь в опыте грабежа и насилий - в разбоях и убийствах. Он уже опытен, он пережил в себе внутренний кризис и сейчас видоизменяет свою физиономию внешне, и то постольку, поскольку угрожает ему смертью нарождающаяся и развивающаяся новая наука, пробуждающая человека от тяжелой его вековой спячки, освобождающая человека от предрассудков, порожденных кудесниками науки из союза «пяти» и дающая человеку в руки оружие для того, чтобы познавать себя и находить подлинное свое место в жизни.

Такое видоизменение во внешнем облике нашего врага, брат униженный, можем мы замечать во всем, что исходит из кабинета ученого реформатора в государственном деле.

Еще более выразительно можем мы видеть это приспособление во всех революциях, в которых уже сами участвовали. В последнем случае наш прямой враг - «союз пяти», или государство, как будто совсем смывается с лица земли, не только по внешности, но и в своей внутренней сущности, но это

только «как будто»...

В действительности же, наш враг в данном случае меняет только свою физиономию, свою внешность, и приобретает себе новых союзников, которые менее значительны в своих преступных в отношении нас злодеяниях, но которые также приобщаются преступлением к жизни преступной и действующей против нас. (Поучителен в данном случае урок большевизма-коммунизма в России, на Украине, в Грузии и среди многих племен части Азии; этот урок история борьбы человека за свое освобождение никогда не забудет, как что-то кошмарное и убийственное для этой борьбы).

Единственным и верным социальным средством для угнетенного человека в его борьбе со злом, заковавшим его в цепи рабства и добровольно не освобождающим, служит Социальная Революция, как глубокий, подлинный сдвиг человеческих масс в сторону человеческой эволюции.

Социальная революция развивается стихийно: но организация в этом направлении расчищает ей путь, облегчает порывы искусственно построенных против нее плотин и в этом ускоряет ее выявление.

В этом направлении анархист-революционер уже работает. И каждый угнетенный человек, чувствующий на себе гнет и сознающий, что этот позор давит жизнь всего человеческого рода, должен прийти ему, анархисту, на помощь. Каждый человек должен почувствовать в себе ответственность перед жизнью всего человеческого рода и отстоять ее перед казнью, какую совершает над нею палач из союза «пяти»: отстоять в том смысле, чтобы упразднить в своем человеческом обществе этого палача, дав возможность человеческому обществу свободно и полной грудью дышать.

Но при этом каждый человек и, в особенности, анархист-революционер, как застрельщик на этом пути, зовущий всех и каждого человека к борьбе за идеал свободы, равенства и солидарности в человеческой семье, должен помнить, что социальная революция требует для своего творческого развития соответствующих средств. В особенности требует социальная революция организационных и устойчивых средств в тот период, когда она в своем стихийном порыве разрушает рабство и сеет свободу, утверждая право каждого на безграничное развитие в условиях свободы и отвергая всякое ограничение свободы.

Именно в этот период, когда человек в одиночку и в массе, почувствовавши истинную свободу под собой и вокруг себя, дерзнет практически воплощать в жизнь завоевания Социальной Революции, тогда Революция остро ощутит необходимость в этих

средствах и потребует их.

В русской революции революционные анархисты играли особо заметную роль; но, не пользуясь надлежащими средствами действия, не могли исторически закончить своей роли. Революция исчерпывающе вскрывает над нами ту истину, что человеческие массы, сорвавшись с цепи рабства, совсем не намерены поддерживать его в новых формах и проявлениях. В революционные моменты массы, разбивая цепи рабства, определенно ищут новых и свободных объединений, которые смогли бы отвечать не только их чисто анархическим порывам в строении новой социально общественной жизни, но которые смогли бы отстаивать эти их новые начинания, когда на них обрушивается враг.

Наблюдая за этим процессом, всегда приходишь к убеждению, что такими объединениями, самыми наиверными и плодотворными, могут оказаться только свободные союзы-общины, социальные средства, для которых сама жизнь выдвигает - Вольные Советы. Основываясь на этом убеждении, анархист-революционер, самоотверженно подымаясь сам, зовет угнетенных к борьбе за свободное объединение, веря, что Социальная Революция, разрушая рабство, сеет свободу и для всех свободу; и что человек должен творчески выявить ее организационные начала для создания новой свободной и радостной жизни, -и предохранить эти начала от враждебных сил. Практика показывает, что сама эта вера должна быть поддерживаема и охраняема так же, как и все то, что исходит из нее в практической деятельности человека, а такое охранение может быть прочным и верным, если оно будет выражаться на местах и непосредственно самими массами.

Массы, творящие революцию и отождествляющие ее принципы с жизнью, смогут только создать соответствующие средства поддержания и охранения своей веры и всего вытекающего из нее.

Творя революцию, человеческие массы ищут свободных объединений. На это их толкает естественно живущий в них анархизм. На этом пути массы вырабатывают для своих действий соответствующие социальные средства и всегда с особой симпатией останавливаются на свободных совещаниях. Это то, что анархизм стремится выработать и освободить их от гнета властнических учреждений. Массы, творя революцию, сами к этому подходят. Анархист-революционер должен помочь им формулировать эти положения. Хозяйственная проблема свободных союзов-общин найдет свое полное выражение через производственно-потребительские кооперативы, объединителем и

выразителем ясности в развитии творческой плодотворности, у которых явятся вольные советы, сущность которых в развитии Социальной Революции должна будет заключаться в том, что с их помощью восставшие массы берут непосредственно в свои руки все свое наследие: землю, фабрики, заводы, рудники, угольные копи, железнодорожный и водный транспорт, леса и другие богатства, и, группируясь согласно своим интересам, наклонностям, идеалу, во имя которого они способствовали разразиться подлинной Социальной Революцией, дали возможность ей выявиться во всех ее разветвлениях и вышли во всех этих разветвлениях победителями, они будут строить всю свою разнообразную социально-общественную жизнь совершенно свободно и самостоятельно у себя на местах, в своей среде.

Несомненно, борьба на этом пути потребует колоссальных жертв со стороны человека, так как это будет последняя борьба свободного или почти свободного человека с человеком рабом и насильником, даже палачом его свободы.

В этой борьбе не может быть места ни колебаниям, ни сентиментальностям. Или жизнь, или смерть! - должен встать вопрос перед каждым человеком, чтящим свои права и права всего человеческого рода на жизнь не вьючного осла, раба, как он силой принужден жить сейчас, а на человеческую жизнь в чистом смысле этого слова.

Итак, - как здоровое чутье человека возьмет перевес в нем за жизнь и любовь к себе и к своим братьям, то он и выйдет творцом-победителем на этом пути.

Организуйся, брат угнетенный, зови к себе всех и каждого человека, зови его от плуга и заводского станка, от скамьи ученика гимназии и университета, не пропускай и ученого. Зови и его; пусть выйдет из своего кабинета и поможет, в чем ты нуждаешься на твоем тяжелом пути.

Девять из ученых могут не выйти к тебе, или, если выйдут, то с целью, чтобы обмануть тебя: ибо они слуги «союза пяти». Но десятый выйдет, и он будет твой друг, и он поможет тебе преодолеть обман девяти. А силу, грубую силу, правителей-законодателей ты преодолеешь своей силой.

Организуйся, зови всех и каждого человека в свои ряды и требуй от всех правителей отказаться добровольно от своей подлой профессии -управлять жизнью человека.

Если он не захочет отказаться от своей подлой профессии, - восставай, обезоруживай участки полиции, милицию и другие институты охраны союза «пяти». Арестовывай на время всех правителей, рви, сжигай их законы. Разрушай тюрьмы, уничтожай в них палачей, как позор человечества, разрушай власть.

Зови в свои ряды силой рекрутированную армию. В армии есть много убийц специально против тебя собранных и церковью подкупленных, чтобы убивать тебя. Но там есть и твои друзья; они разложат твоих убийц и поспешат к тебе на помощь.

Объединившись в одну общую семью, мы все, как братья, дружной семьей пойдем по пути к свету и знанию, против тьмы и невежества, за общий идеал человечества: жизнь в братстве, свободно, не быть ни от кого и ни перед чем рабски зависимым и униженным.

На грубую силу врагов свободы человека, мы ответим силой свободно скомплектованной нашей революционно повстанческой армии.

На идейное несогласие наших врагов с нами мы ответим справедливым отношением к строительству своей новой жизни на началах ответственности каждого из нас, ответственности, родящей истинное обеспечение свободы и социальной справедливости в личной и общественной жизни человека. Распространяющихся в равной степени для всех и каждого человека на земле.

И только кровожадные преступники из союза «пяти» не пожелают найти себе места на этом пути новой жизни, новой плодотворной деятельности для украшения и счастья вольной и радостной жизни.

Они, эти преступники, попытаются сразиться с нами за свои господские привилегии, тогда они должны будут умереть.

Да живет это ясное и твердое убеждение в борьбе человека за идеал общечеловеческой гармонии - Анархическое Общество.

«Пробуждение», № 18, январь 1932г., № 19, февраль-март 1932г.

ПИСЬМО К ИСПАНСКИМ АНАРХИСТАМ

Дорогие товарищи Карбо и Пестаня!

Передайте от меня нашим испанским друзьям и товарищам, а через них и всем трудящимся вообще, чтобы не ослабляли своей бдительности на путях начавшейся революции и спешили объединиться на определенной практической программе определенного идейного направления. Нельзя допустить замедлять темпы революционного действия масс. Нужно поспешить помочь народным массам принудить силой (если иных путей и средств нет) образовавшееся временное республиканское правительство отказаться от своей роли взнуздывать революцию своими нелепыми декретами.

Трудящиеся Испании - рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция - должны объединиться и максимум приложить энергии на путях революции и создать в стране такое состояние, при котором буржуазия лишилась бы всякой возможности сопротивляться революции и народу, а завоевание земли, хлеба и воли явилось бы наименее болезненным, полным и окончательным. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы все трудящиеся Испании учли это и поняли момент, пропустить который в бездействии, ограничиваясь лишь словесными резолюциями, значит косвенно содействовать врагам революции опомниться, прийти в себя и перейти в наступление на революцию и задушить ее.

Для этого необходимо объединение анархических сил, создание Крестьянского Союза и федерирование его с Национальной Федерацией Труда, в которых анархисты должны работать, не покладая рук своих. Необходимо помочь трудящимся заняться у себя на местах непосредственно созданием своих местных хозяйственных и общественных самоуправлений или Вольных Советов и боевых отрядов для защиты тех социально-революционных мероприятий, которые трудящимся, осознавшим себя и порывающим цепи своего рабского положения, угодно претворить в жизнь. Так как, идя только этим путем и действуя при помощи этих средств социального действия, революционные массы трудящихся смогут своевременно оказывать свое плодотворное воздействие на изменение той или другой нарождающейся в стране новой эксплуататорской общественной системы и победоносно развить и творчески закончить революцию.

Об этом должны, по моему, позаботиться федерация анархистов и Национальная Федерация Труда. Для этого они

должны иметь свои инициативные группы в каждом городе и в каждом селе. Они не должны бояться взять в свои руки идейное, организационное и революционно-стратегическое водительство всенародным движением на этих путях. Конечно, избегая при этом всякого союза с политическими партиями вообще и, в особенности с коммунистическими большевиками, потому что испанские коммунисты-большевики, я думаю такие же, как и их друзья - русские. Они пойдут по стопам иезуита Ленина или даже Сталина; они, чтобы утвердить свою партийную власть в стране и тот русский позор, который известен под именем лишения свободы революционных идей и исповедующих их организаций, не замедлят объявить свою монополию на все достижения революции, ибо они мнят себя, что только они могут и должны пользоваться свободой и правами на путях революции, и они предадут и союзников и самое дело революции.

А ведь дело испанской революции в тех формах и по тому характеру, в какие она должна вылиться при нашем, анархистов и синдикалистов, содействии, есть дело трудящихся мира, и к этому делу недопустимо подходить вместе с той партией, которая, во имя утверждения диктатуры в стране, завтра же обманет народ, захватит в свои руки все его революционные достижения и станет худшим из деспотов свободы и прав народа.

Русский опыт должен предостеречь вас от этого. И пусть русский коммунистическо-большевистский позор не найдет себе примера на испанской революционной ниве.

Да здравствует союз рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции всей Испании!

Да здравствует испанская революция в новом свете на путях своего развития к новым более полным освободительным достижением под знаменем анархизма!

С братским приветом, Нестор Махно

29/4/1931 г.

«Пробуждение», № 23-27, июнь-октябрь 1932 г.

К ИСТОРИИ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОЛИ В НЕЙ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ И АНАРХИСТОВ

Когда вспыхивает революция, независимо от того, какого она характера - политического или социального (в данном случае важно, чтобы в ней приняли участие широкие массы труда), и когда вожди ее в лице ли хорошо спаянных коллективов, или в лице особо авторитетных широких массах отдельных лиц, зазнаются перед массами, не идут вместе с массами, как бы не доверяют массам, чего-то выжидают, или что еще хуже - стремятся со стороны казаться друзьями этих лиц указывать им пути борьбы, - тогда революция не достигает в своем развитии надлежащих своих высот, потому что она не справляется, теряет правильную оценку моментов и своевременную формулировку связанных с ними своих задач, которые она во время должна выполнить. И это не дает революции во время обретать себе дополнительные, отвечающие моменту и силе врага, средства социального действия. Это обрекает ее спускаться на неопределенные пути и путаться на их губительных зигзагах. Тогда именно революция или гибнет под ударами тех, против кого она направляла свои удары, или же меняет свое направление, суживает свои русла и заканчивается по рецептам своих врагов.

В силу этих причин так было во многих революциях нашего времени и в Европе и в Америке. То же самое случилось и с революцией в Испании. Правда, испанская революция отличается от ряда других современных революций своими своеобразными особенностями. Она началась не посредством революционной бури на улицах городов и сел, она началась посредством выборного бюллетеня у урн. Но она в своем последующем процессе, благодаря действиям левых, оторвалась, было, от своих начальных корней и пробивалась на широкие просторы социального действия за социальное раскрепощение трудящихся. И если испанская революция заканчивается все-таки под властническим руководительством и по рецептам ее врагов, заканчивается трагично для судеб трудящихся, многих революционеров и того, что они создавали, - то ответственность за то ложится в большей мере на левые испанские группировки. За такой исход народного освободительного дела ответственность ложится и на социалистов-государственников и на социалистов-антигосударственников, т. е. на наших товарищей - анархистов-

коммунистов и анархо-синдикалистов.

На правых социалистов-государственников ответственность ложится потому, что они с первых дней революции не были с революцией, а были с партией Алкала-Замора, и его класс, представляемый буржуазным классом. Правда, рядовые и особенно рабочие-социалисты этого не хотели, они этого даже не замечали, потому что верхи их партии скрыто, всеми путями, ценою самой революции стремились к тому, чтобы вместе с буржуазией прийти к власти над страной, а открыто и то не всегда, иногда только, когда рабочие социалисты, находясь в среде широкой трудовой массы, не находили, что отвечать этим массам за поведение их партии, они становились лицемерно в индючью позу в отношении буржуазии и тихонько пугали ее представителей, что они, дескать, готовы сами взять власть в свои руки, они, дескать, представители трудящихся и для этого найдут себе много союзников в их классах. Эта двойственная роль социалистических верхов в отношении революции, - хотя иногда и заставляла партию Алкала-Замора оглядываться при своих действиях по взнузданию широких трудовых масс, прислушивавшихся к другим революционно-социальным организациям; но она, эта роль, вносила дезорганизацию в самые понятия трудящихся своих задач и начавшейся революции, и вытесняла из их стремлений все наилучшее, наиболее отвечавшее их жизни и борьбе, во имя которого они с энтузиазмом встретили даже одну голую победу партии Алкала-Замора над королевской партией и самим королем. Трудящиеся Испании инстинктивно предчувствовали и начинали верить, что продвигается время новых свободных общественных форм жизни, а правые социалистические верхи внешне как будто восторгались этим, а тайно работали, как изменники, вместе с Алкала-Замора против этого, чем и нанесли величайший удар революции в самом ее начале.

На «коммунистов»-большевиков - на этих, так сказать, «самых левых из левых» социалистов-государственников ответственность ложится потому, что они работали не во имя подлинных освободительных дел трудящихся, а во имя своих грязных властнических целей. Они встретили революцию, как средство, с помощью которого, с одной стороны, можно более развязно дурачить всевозможными неосуществимыми, ложными обещаниями пролетарские головы и прибирать их к своим властным рукам, чтобы с их физической помощью утвердить в стране свою черную партийную диктатуру, а с другой, - когда широкие трудовые массы не так уж легко поддавались их демагогической лжи, коммунисты-большевики занимались тем,

что подкупали и обманывали отдельных выходцев из рядов трудовых масс и всякого рода каст и с их помощью устраивали на улицах городов по духу, по содержанию хотя и легкие, но кровавые демонстрации, зовя к этому и совершенно безоружные широкие массы. Демонстрации этого рода им иногда удавались. Кровь лилась без расчета с заранее предрешенной неудачей того, что из далекого далека кем-то что-то задумывалось...

Все это только укрепляло коалицию правых социалистов-государственников с партией Алкала-Замора и с буржуазией вообще и усиливало ее мощь не только против неразборчивых пошлых диктаторов слева, сколько против революции вообще.

«Коммунисты»-большевики русской марксо-ленинской школы - это иезуиты и предатели всего, что не ими обыкновенно начинается и развивается вообще на путях борьбы за освобождение труда от власти капитала. В испанской революции они не так сильны были и есть в настоящее время, чтобы выявить эту свою подлость полностью; но и в Испании они прибегали к провокации и к подлой клевете, при том менее всего в отношении буржуазии, а главным образом в отношении своих идейных противников. Это обстоятельство также сыграло известную роль в том, что революция в своем процессе развития едва успевала отрываться от своих начальных корней и высвобождаться из-под влияния буржуазных идей и руководителей, как ей наносился моральный удар - именно этими предателями «слева». И все - во имя власти и угнетения, а не свободы. Во имя диктатуры, а не свободной общественности, где солидарность, свобода и равенство мнений всех граждан, искренне порывающих с подлым эксплуататорским прошлым и действующих во имя настоящего и будущего, являются главным основанием борьбы за новый мир идей и новое общество.

На анархистов-коммунистов и анархо-синдикалистов ответственность ложится, главным образом, потому, что они совершенно разошлись со временем, приняв самое активное участие в революции как будто с целью отнятия у либеральной буржуазии инициативы и прав определять с ее классово-паразитической точки зрения характер и формы революции, они совершенно игнорировали требования нашего времени и значение тех средств, которыми буржуазия была вооружена и бдительно подстерегала и революцию и их самих, как революционеров, имевших наибольшие шансы увлечь широкие трудовые массы за собой и расчистить пути перехода революции с буржуазно-республиканских путей на путь трудовой и социальный.

Каковы же были причины, предрешившие то, что анархисты и

в испанской революции оказались беспомощными определить и выявить свою практическую политику на путях борьбы за превращение буржуазно-республиканской революции в антиреспубликанскую - социальную революцию?

Главными причинами является - во-первых, отсутствие у анархистов программы, без которой при наипреданнейшем отношении революции работники анархизма никогда не могли ни в одной стране, не смогли и в Испании, найти путь для единства своих действий, от которого всегда и особенно в моменты революции зависит и рост движения, и его влияние на все окружающее. Во-первых, наши испанские товарищи, как и товарищи во многих других странах, во многих случаях придерживаются все еще того мнения, что анархизм есть бездомная странствующая церковь свободы... Это обстоятельство во многих случаях мешало им своевременно и четко конкретизировать и для себя и особенно для широких масс главные элементы анархических утверждений сегодняшнего и завтрашнего дня, которые сотнями нитей связаны и переплетаются с повседневной жизнью и борьбой трудящихся вообще. И это же обстоятельство не позволило им справиться с исторической миссией анархического революционизма в момент революции.

Испанские анархисты-коммунисты и анархо-синдикалисты, несмотря на весь их идейный авторитет в стране, не сумели полностью и серьезно, по-революционному, овладеть психологией широких масс, сочувственно лишь встретивших начало революции, но остававшихся еще на путях обывательского колебания, чтобы сделать из них активных борцов за развитие и защиту революции. Ощутив относительную свободу, анархисты, как и обыватели, увлеклись свободо-говорением. Они много свободно говорили и писали, о чем угодно, много провозглашали каких угодно деклараций, особенно на митингах. Но почти при всех этих случаях упускали из виду то, кто пришел на место королевской власти к управлению страной, чем пришедший к этому управлению опутывает пробудившуюся и готовую к лучшим из дерзаний за свое обновление страну, и так, с какими именно средствами нужно поспешить, чтобы противопоставить все свои и революционных тружеников силы против этого опутывания.

Но в этом направлении, к сожалению, своевременно и в широком организационном масштабе ничего предпринято не было, хотя это нужно было и должно было быть предпринято: для этого и момент был подходящий, да и силы были. Это ведь был момент в испанской революции, когда революционные анархисты имели шансы больше, чем какие бы то ни было другие испанские

революционные группировки, чтобы определить в практике свою революционную политику и стратегию этой последней по выявлению нового этапа в революции. В это самое время Национальная Конфедерация Труда, руководимая анархистами, росла членским трудовым комплектованием с поразительной быстротой и становилась почти для всей трудовой страны своего рода трибуном, вселявшим в себе искреннее и глубокое доверие широких масс страны и отражавшим их вековые чаяния - во что бы то ни стало освободиться от власти капитала, стал независимым от буржуазно-капиталистического общества, разрушить его во имя общества равных -безвластного трудового общества!..

На максимальное выявление роли нашего движения ими в этом направлении обязывало анархистов и то, чтобы разбить козни буржуазии, отстранить ее от руководства начавшейся политической революцией, не допустить закончить революцию по ее, буржуазии, рецептам, и то, чтобы расчистить в русле этой уже начавшейся, революции пути идеям революции социальной, о которой, что она в Испании идет ускоренными темпами на смену политической революции так много пророчествовалось нашими товарищами даже такими меньшевиками в нашем движении, каким оказался впоследствии товарищ Пестаня.

Значит ли это, что анархисты-коммунисты и анархо-синдикалисты в испанской революции 1931 года ничего не делали для того, чтобы наше движение не осталось, как оно, к сожалению, осталось у разбитого корыта, а выбило бы буржуазию из руководящей линии фронта революцию и повело трудовые массы на борьбу за новый мир, идеи свободы и вольного труда? - Я думаю, что нет!!. Наши испанские товарищи самоотверженно шли на все, чтобы политическую революцию превратить в социальную. Они много понесли на этом пути жертв и некоторые из них несут их сейчас, когда революция совсем уже задушена. Но жертвы их были напрасными жертвами, потому что они их несли и несут нецелесообразно.

Благодаря тому, что анархизм - повторяю, не имеет определенной программы, благодаря тому, что анархические действия строились и строятся все еще и теперь на принципе распыленности, а не на единой тактике, определяемой и направляемой единой идеологией, единой целью, благодаря именно этому анархисты Испании не могли справиться с этим делом и более духом слабые из них под знаком «глубокого сознания своей ответственности», сменил свое оружие на известный всем уже, тактически неуместный в ходе революции, так называемый «Манифест Тридцати». Более смелые,

темпераментные люди, могущие не только говорить, но и умирать за свои идеи, изнемогают в душных казематах, изнемогают на пароходах в пути высылки на далекие дикие острова, изнемогают на этих островах.

Таковы, в общем, основные черты тех упущений, ошибок, гибельных для революции действий, совершенных левыми испанскими группировками во время решительных, редко когда повторяющихся, моментов пробуждения и дерзания за лучшее страны, и таковы же те элементы ответственности всех левых группировок, из которых она по силе и значению всех упущений, ошибок и действий, слагалась и целиком ложится на все эти группировки за такие результаты революции.

Не знаю, какие выводы из этого, пожелают сделать социалисты-государственники, одни из которых к лучшему не смогли дойти на путях испанской революции, как только к лакейству перед буржуазией, а другие к тому, чтобы сделать других лакеями. Но мне кажется, что революционным анархистам есть над чем подумать, чтобы предостеречь себя и свое движение на будущее и в той же Испании и во многих других странах, чтобы больше не только не повторять испанских ошибок, но и не оставаться на постах современных революций без таких средств, которые действительно отвечали бы защите того, что анархистами может утверждаться в практике революции и за что современным революциям так, где анархисты идут в авангарде масс, приходится выдерживать ожесточенные атаки и со стороны буржуазии и со стороны социалистов-государственников.

Конечно, это не значит, что революционные анархисты должны искать таких средств в большевизме и на путях тесного контакта с большевистским государством СССР. Революционным анархистам искать в большевизме нечего. Они имеют свою мировую революционную философию и основанную на ней школу с совершенно противоположными большевизму задачами на путях жизни и борьбы трудящихся классов. И они, революционные анархисты, не могут согласовать своих целей с целями панбольшевизма, столь дико посредством рубля и штыка утверждающего себя в жизнь трудящихся в СССР, игнорируя всякие права этих же трудящихся, делая из них ему целиком во всем послушных рабов, не смеющих самостоятельно ни мыслить, ни рассуждать ни о своем, ни о других благополучии, ни о сегодняшнем, ни о завтрашнем дне его.

Ни одно лицо, ни одна из групп анархических, как бы они ни были преданы движению, не в состоянии выполнить эту задачу. Это свидетельствуют все попытки, какие известны нам до сего дня. И это понятно почему. Ни одно лицо, ни одна группа не

объединяют и не могут объединить все наше движение в его национальном, не говоря уже о международном, масштабе. Выполнить такую грандиозную и ответственную задачу посильно только коллективному анархическому уму. Об этом я говорил 7 лет тому назад т.т. Рудольфу Рокеру и Александру Беркману, будучи еще в Берлине, об этом же я особенно подчеркиваю теперь, когда после целого ряда попыток многими анархистами что-то создать в практическом направлении, прямо говорят за то, что иного пути к созданию определенной программы, к разработке и утверждению соответствующих времени и силе наших врагов средств анархического движения, нет, как только того, что активные теоретики анархизма, вместе с активными и преданными движению практиками должны устроить предварительную международную свою Конференцию и на ней наметить общие тезисы по указанным вопросам и с ними явиться на Международный Анархический Конгресс. Конгресс эти тезисы разовьет и пополнит. Из конгресса они, эти тезисы, выйдут в законченном программном виде и явятся духовным авторитетом для нашего движения в каждой стране. Это избавит наше движение от уродливых наростов, и придаст ему то могущество, которое так необходимо для него, когда оно становится в авангарде современных революций.

Правда, работа в этом направлении не из легких, но желание и солидарность тех, кто может и хочет осуществить это, может облегчить ее. Пусть только эта работа начинается. От этого наше движение только выиграет.

Да здравствует дружное единое устремление всех работников анархизма к осуществлению этого великого дела - дела нашего движения и мыслимой Социальной Революции!

Нестор Махно. 1931 г.

«Пробуждение», № 31-32, январь-февраль 1933 г.

НАД СВЕЖЕЙ МОГИЛОЙ Т.Н. РОГДАЕВА (Из доклада, сделанного мною товарищам 21 января 1934 г.)

Товарищи, прежде чем поделиться с вами воспоминаниями о товарище Николае Рогдаеве, я позволю себе уклониться на одну минутку в сторону и скажу несколько слов о тяжелых наших потерях вообще за последние 12-15 лет.

Хотя об этом тяжело вспоминать, почти нет сил удержаться от душащих чувств скорби, чисто товарищеской сердечной боли и слез за смерть целого ряда серьезных и, по степени своей преданности нашему движению, славных и искренних товарищей. Ведь нелегко говорить об этом, а тем более чувствовать - переживать то, что видишь, и быть беспомощным, чтобы предотвратить его.

Для всех вас известно, что прошла всего лишь одна неделя, как мы похоронили старого, для всех нас дорогого и незабвенного товарища -Марию Иссидоровну Гольдсмит, она же Мария Корн и она же Изидин - по псевдонимам в нашей революционной прессе. Стоя у могилы этого товарища, недолго тому назад, большинство из нас, - я в этом убежден, чувствовало себя какими-то сиротами без нее; ибо это большинство отдавало себе ясно отчет в том, кого оно в лице этого товарища потеряло и хоронит. Правда, это чувство было еще и потому, что мы, если не все, то опять таки большинство не только уважали Марию Иссидоровну, как одного из первых среди нас товарищей и друзей по идее, которая вместе с Кропоткиным, Элизе Реклю, Черкезовым и другими пионерами анархического революционного учения, намечала его вехи и на протяжении 35-ти с лишним лет развивала и проповедовала его.

Но - повторяю - за последние 12-15 лет мы получили целый ряд подобных страшных физических и моральных ударов. За это время над рядами Российского анархического движения, словно какой-то рок, витает и вырывает из них лучшие практические и теоретические силы. Это мы чувствуем и переживаем с такой очевидностью и с такой болью, как не пережил и не переживает никто из наших товарищей других стран.

В самые отчаянные дни борьбы нашего движения и Русской Революции за свое существование мы потеряли П.А. Кропоткина и одного из выдающихся популяризаторов идеи профессиональных союзов и славного полемиста с врагами анархизма - т. Гогели. А подошел 1925 год мы потеряли т. Черкезова, в 1926 году мы потеряли Карелина, в 1931 году мы потеряли т. Раевского, в 1932

году мы потеряли в большевистской ссылке т. Николае Рогдаева, а в начале этого рокового своими катастрофическими политическими и социальными предзнаменованиями года мы потеряли Марию Иссидоровну Гольдсмит -Корн - Изидин.

Все эти имена росли на почве Российского революционного бунтарства, выросли в гигантов-анархистов, теоретиков и практиков, и играли не последние роли в международном анархизме. Обо всех их, беря каждого в отдельности, можно много сказать хорошего и поучительного, не только для нашего молодого поколения, но и для тех из нас, кто мнит себя чересчур старыми и испытанными стражами нашего движения, при этом, не краснея и не стыдясь, совершенно безответственно и вопреки учению этого движения, заявляют: «мы личности не признаем, мы против личности, против ее начал...»

И если мы, русские анархисты, могли в свое время относительно мириться со смертью Кропоткина, Черкезова и Карелина, как со смертью почти естественной - их старческий возраст естественно парализовал их физические силы, и этим самым отымал их от нас и нашего движения, сознательно предупреждая и нас и их самих о приближении их смерти, - то мы не можем примириться со смертью других вышеперечисленных наших товарищей: и особенно мы все (или почти все), здесь присутствующие, не можем примириться с преждевременной, для нас совершенно неожиданной, и я сказал бы неразумной смертью, товарища и друга - Марии Иссидоровны Гольдсмит - Корн - Изидин. Но мертвых не осуждают. Да и на мою долю выпало говорить в сегодняшний вечер об этом нашем товарище. Я коснусь в данном случае имени Марии Иссидоровны лишь постольку, поскольку этого от меня требует вообще характер сегодняшнего нашего собрания. Мы собрались ведь для того, чтобы почтить память т.т. Николая Рогдаева и М.Гольдсмит - Корн - Изидин, и я думаю, что памяти Марии Иссидоровны будет посвящен особый доклад кем-то другим из товарищей сделанный. Лично же мне поручено говорить о т. Рогдаеве, и я считаю приятным для себя долгом сделать вам, товарищи, этот доклад, об этом неутомимом и славном революционно-анархическом борце подпольной России.

Кто такой т. Рогдаев?

Товарищ Николай Рогдаев выходец из интеллигентской семьи из Вяземской губернии. С молодых лет увлекся народовольческими идеями и был преследуем сатрапами царско-помещицкой России. В 1900-х годах он очутился заграницей, где познакомился с П.А. Кропоткиным, Э.Реклю, Марией Корн, тогда еще молодой, не активной анархисткой. Встречи его с этими

товарищами, а также то, что он был уже тогда знаком с двумя иностранными языками, помогли ему разобраться в идее анархизма шире, чем он был с ней знаком по российскому бунтарству бакунинского толка 70-80 гг., и Рогдаев из западной Европы переезжает в Галицию. Здесь в городах Станиславове и Львове, он завязывает связи с революционной анархистской молодежью, создает маленькую в 7-10 человек группу анархистов-коммунистов, при помощи этой группы добывает себе документ и нелегально возвращается в конце 1902 года в Россию.

По дороге на север к своим знакомым краям он задерживается у одного из своих знакомых по Парижу и Женеве учителя из г. Брянска, Орловской губернии. Вместе с этим своим знакомым они создали в Брянске тоже группу анархо-коммунистов, и тут Рогдаев задержался довольно долго - Брянск его приковал к пропагандистской работе среди рабочих и средней интеллигенции. Но поскольку группа росла и развивала свою деятельность в области пропаганды посредством прокламаций и кружковой, постольку и полиция не спала. Полиции удалось арестовать один кружок и раскрыть приезжего пропагандиста. И Рогдаев бежит из Брянска в г. Нежин, Черниговской губернии. В г. Нежине Рогдаев встречает несколько человек ему знакомых по Брянску, тоже бежавших от полицейского преследования, но имевших родственные связи в г. Нежине. По просьбе этих своих друзей Рогдаев остается с ними в Нежине, и они создают нежинскую группу анархо-коммунистов.

Из этой нежинской группы вышло ряд хороших рабочих пропагандистов - прямых учеников «учителя» Рогдаева (в Брянске и Нежине т. Рогдаев был известен как учитель). Отсюда же из этих двух городов Нежина и Брянска был занесен анархизм на брянские заводы города Екатеринослава.

Летом 1903 года Николай Рогдаев, по поручению товарищей, перебрался снова заграницу с целью установления постоянной связи и регулярного получения анархической литературы и оружия. По возвращении из России заграницу Рогдаев встречается в Львове с членами первой своей группы и узнает, что она разрослась и создала в целом ряде городов Галиции маленькие боевые анархо-коммунистические группы и имеет прочную связь с австрийской группой анархо-коммунистов г. Вены. У т. Рогдаева рождается мысль объединить все эти группы в одну организацию. Но после первой же конференции убеждается, что «славянский дух не совместим с немецким», и он отказался от своего предложения. Но посетил Вену и венских товарищей, кое-что перенял у них для себя, кое-что передал им из своего. И отсюда направляется в Женеву, Париж, Брюссель и Лондон. Здесь он

снова встречается со старыми анархистами, насобирал всякой литературы, но слишком мало анархической, и все направил через галичан в Россию. Оружие же он провез сам в город Нежин. Однако на сей раз Рогдаев не задержался в городе Нежине. Он устремляет свой взор в город Екатеринослав, где по данным нежинских и брянских товарищей была большая нужда в хорошем анархисте-пропагандисте... и неутомимый революционный боец Николай Рогдаев быстро переезжает в город Екатеринослав. В этом городе среди рабочих Брянского завода Рогдаев быстро завоевывает должную для революционно-анархического пропагандиста репутацию, и он организовывает в лице Рублевского, Яна, Олика, бросившегося впоследствии из парохода в Днепр при обстреле и погибшего в пучине днепровских бунтующих волн, и ряда других самоотверженных анархических борцов первую екатеринославскую группу анархистов-коммунистов. А через два-три месяца наш Николай создает группу в поселке Амур (близ Екатеринослава) исключительно из интеллигентов, которую после возглавлял старший Озерский - Моисей Озерский. Эта группа занялась исключительно терроризмом и была школой террористов. На этом поприще Николай Рогдаев проявил себя особенно стойким и примерным вдохновителем группы. Однако, как приезжий, он скоро принужден был покинуть город Екатеринослав и его предместье. В начале 1904 года т. Н.Рогдаев с подавленным чувством революционной боли был препровожден лично Моисеем Озерским к австрийской границе и оставил пределы России.

С этого времени т. Рогдаева нет в России. О его заграничном местопребывании знали лишь некоторые товарищи из города Нежина да Моисей Озерский из г. Екатеринослава. Так длилось больше года. Но вот наступила осень 1905 года. Вскрылось полное поражение царско-помещицкой авантюры на Дальнем Востоке в борьбе с авантюристической Японией. Внутри России вспыхивают бунты революционных тружеников. В больших городах строятся и упорно защищаются баррикады. Т. Николай Рогдаев быстро несется из-за границы в Россию. Но теперь Рогдаев уже не останавливается в местностях ранее им созданных анархо-коммунистических групп. Он посещает их лишь мимоходом, как бы с предупреждением, что он жив и не сегодня-завтра они его увидят в авангарде своих боевых колонн путях анархической практики: но в данный час он стремится в Москву. Он глубоко и беззаветно верит в то, что Москва должна явиться тем центром, откуда должен исходить импульс анархической практики и морального вдохновения для всех анархических групп на путях социальной Революции - так как в это время российской

действительности только мы, анархо-коммунисты, выдвигали лозунги Социальной Революции, и только мы защищали их до издыхания...

В Москву т. Рогдаев прибыл, когда в отчаянной борьбе Революции местами перевес брала уже реакция. К этому еще он, по полученным связям в гор. Нежине, в Москве никого не нашел и принужден был искать связи на улицах, на подходах и баррикадах, в народной толпе. И он, как истый анархист-революционер, к тому же обладавший даром ораторского слова и нужной страстью борца для таких моментов, быстро находит себе нужную связь в толпе революционного народа и через все пробирается к баррикадам у Красных ворот, где и узнает точно о районах, в каких были сооружены и героически защищались баррикады анархистов и революционных тружеников, шедших за ними. На эти баррикады т. Рогдаев перебрался спустя два-три дня и под псевдонимом (если не ошибаюсь) «Непримиримый», приступил со свойственным ему революционным энтузиазмом к деятельности на баррикадах и в этих районах. Но на Московских баррикадах т. Рогдаев не успел выявить своих революционно-анархических сил полностью. Через неделю революционные силы Москвы были разбиты. В городе и окрестностях его воцарилась снова черная реакция царско-помещицкого строя. Над Москвой прокатились повальные обыски, аресты и расстрелы. Буржуазия изуверски мстила революции и носителям ее идей. И т. Рогдаев с особым трудом пробирается из Москвы в деревню и бежит на далекий революционный юг - в город Екатеринослав. То было время, когда юг еще не сдавался - по городам и крупным селам революционные труженики еще отчаянно сопротивлялись атакам реакции. Здесь Николай Рогдаев с двумя-тремя товарищами такими же, как и он, энтузиастами, закладывает основание, из ранее созданных групп, екатеринославской организации анархистов-коммунистов. По его же инициативе и при непосредственном его участии эта организация совершает экспроприацию почтового поезда по Екатеринославской ж. дороге и открывает на суммы, взятые при экспроприации, нелегальную типографию у самой резиденции царя - близ г. Ялты, в Ливадии.

Выпуск своей, отвечающей моменту, литературы, в особенности листовок с призывом помочь организации, сравнительно скоро завоевал должные симпатии среди рабочих, крестьян и революционно настроенной интеллигенции. Товарищ Рогдаев умело подобрал и подготовил внутри этой организации кадр хороших пропагандистов и организаторов, что и содействовало тому, что екатеринославская организация выпустила из своего нутра ряд хороших работников анархизма,

некоторые из них долгие годы вдохновляли и направляли всю работу екатеринославской организации анархистов-коммунистов и сохранились до сих пор, несмотря на все козни большевицкой диктатуры, которая, то и дело, гоняет их из одной ссылки в другую.

И именно отсюда, из Екатеринослава, т. Николай Рогдаев под псевдонимом «Дяди Вани» становится известным для всей России, в особенности знаменитого по своей самоотверженной отваге отбоя смертников из-под конвоя, только что получивших в суде смертные приговоры и по дороге из суда в тюрьму, в камеры смертников, получивших свободу...

Но таких смелых и дерзких, по отваге и частых по своему идейному замыслу актов, за Екатеринославской организацией под идейным и организационным водительством «Дяди Вани» числится немало, и непримиримый «Дядя Ваня» в них играл первенствующую роль.

Ему же, Рогдаеву - «Дяде Ване» принадлежит инициатива и организация раскола эсеровской организации в г. Севастополе в начале 1907 г., когда 50 человек, виднейших работников севастопольской организации партии социалистов-революционеров, во главе с т. Митрофаном, приняли идеи анархического коммунизма и оформили свою организацию под девизом «Свобода внутри нас». Правда, «Дядя Ваня» этим своим делом меньше всего кичился, тем более что официальным виновником этого эсеровского раскола был лидер интернациональной группы анархистов-коммунистов тов. Сергей Борисов; но т. Борисов и шагу не сделал в этом направлении без «Дяди Вани»: даже больше этого, во всех переговорах и диспутах с эсеровской группой Митрофана главную роль играл «Дядя Ваня». При его же непосредственном участии т. С.Борисов сделал в своей квартире ловушку для виднейших чиновников севастопольских жандармов и охранного отделения с их начальниками во главе, следствие которой явилось то, что они почти все были взорваны специально приготовленной бомбой-македонкой.

В области диспутов с противниками идей анархизма «Дядя Ваня» также не оставлял никогда наших пропагандистов в обиде. Всегда, где только не вызывали их наши враги на этот диспут, товарищи призывали «Дядю Ваню» к себе на помощь. И противные стороны всегда несли поражения, следствием которых их ряды очень часто редели, а наши пополнялись, ибо рабочие и революционно настроенная интеллигенция их покидали и переходили к нам.

В 1907 году «дядя Ваня» представлял российский анархизм на международном конгрессе анархистов в г. Амстердаме

(Голландия).

На Амстердамском конгрессе «Дядя Ваня» также занимал достойное место первого среди равных представителей Российского анархо-коммунистического движения.

Присутствовавшие на этом конгрессе представители анархистских движений других стран говорят и теперь, что Николай Рогдаев - «Дядя Ваня» - своей серьезно продуманной, полной глубины анархической мысли и революционного пафоса речью окрылил конгрессистов: один из самых спокойных из них - Эрико Малатеста с особым энтузиазмом восторгался этой речью, а т. Луджи Фабри и сейчас вспоминает этот момент с особым чувством восхищения. Но нужно ли ссылаться на все это при воспоминании о славном революционно-анархическом борце - Николае Рогдаеве - «Дяде Ване» или просто о «дядьке», как его называли на юге России - в украинской крестьянской и рабочей анархической среде, - пусть лучше наши молодые товарищи прочтут конспект этой его речи на Амстердамском конгрессе в журнале «Буревестник» за 1907 год, и в особенности - «Приложение русских анархистов-коммунистов к амстердамскому конгрессу», распространенное в России особой брошюрой, выдержавшей несколько изданий и послужившей в свое время большим подспорьем для роста и деятельности наших групп. По этим документам товарищи сами могут составить свое мнение о том, кто был т. Рогдаев для нашего движения и какую роль он сыграл в былое время для его развития...

В начале 1908 года Николай Рогдаев снова появился в России. Это было время, когда Екатеринославская организация, пережив целый ряд счастливых своих удач на путях террора против царских сатрапов, а также отбоя смертников из-под конвоя и тюрем, в частности, знаменитого отбоя из севастопольской тюрьмы (посредством взрыва ее ограды) т.т. Тата и Шуры Мудрова 21 июня 1907 года, готовилась к организации побегов нашим товарищам из Екатеринославской и Симферопольской тюрем, и Рогдаев - «дядя Ваня» целиком погрузился в дело организации этих побегов. Правда, из этих двух побегов удачным был симферопольский побег. В Екатеринославе он не удался, и наши лучшие товарищи вместе с некоторыми социалистами-революционерами постреляются на крыше заднего тюремного строения, и многих перестреляли тюремная администрация и солдаты по распоряжению губернатора. Но это случилось по причинам, исходящим из тюрьмы.

За это деяние губернатора организация, при участии «Дяди Вани», организовала убийство его и ряда других высших чинов городской и губернской администрации.

В начале лета «Дядя Ваня» провел целый ряд диспутов с социал-демократами и социалистами-революционерами под Екатеринославом и в Александровске, под с. Вознесенка. Эти диспуты проводились в поле, на зеленых полянках и по ночам. Каждая из спорящих сторон приводила своих членов и друзей, поэтому часто на них собиралось народу по несколько сот человек, что усиливало работу для наших боевиков, так как в таких случаях посты охранения местности диспутов занимали исключительно наши товарищи, им верили все и социал-демократы и социалисты-революционеры.

В результате этих серьезных и затяжных диспутов, социал-демократы, правда, пострадали мало, но социалисты-революционеры и под Екатеринославом и в особенности в Александровске - под Вознесенкой были разгромлены совершенно. Лучшие члены, даже комитетов эсеровских организаций, такие как Борисов, Яценко, Чайка перешли в наши ряды.

После этого в селах, на заводах по городам имя «Дяди Вани» передавалось из уст в уста, как великого и непримиримого борца за правду. Массы рабочих и крестьян, связавшись с анархистами, то и дело, что просили их устроить им еще и еще собрания, где бы говорил «Дядя Ваня». Но за «Дядей Ваней» полиция рыскала по следам, и он принужден был быстро менять свое местопребывание, глубоко веря и надеясь, что в местах, где он потрудился, достаточно остается в волевом отношении сильных и преданных делу анархизма товарищей. А наступила осень, «Дядя Ваня» переехал в город Хотич, Бессарабской губернии, и затем через Австрию - в Женеву-Париж, где у него также затягивались диспуты по несколько месяцев с пресловутым «вождем» мирового пролетариата - Владимиром Лениным.

В 1909 году «Дядя Ваня» опять в России принимает непосредственно активнейшее участие по созданию Южной федерации Анархистов и в подготовке, для оформления этой федерации, анархического съезда и т. д.

В это самое время члены Гуляй-Польской, Амурской и Хотинской анархо-коммунистических групп совершают экспроприацию Хотинской почты под Хотиным в 89 000 рублей, и часть из этой суммы передают на открытие третьей типографии (ибо за это время вторая типография нашей организации была уже раскрыта полицией), а другую организация определяет на оружие, на издание специального сборника по истории анархического движения в России и, вообще, на литературу. Это дело организация поручает т. Рогдаеву - «Дяде Ване», и немедленно возвращает его заграницу.

«Дядя Ваня» все это поручение выполнил со свойственной ему чистотой и аккуратностью. Он переправил в наши группы два или три транспорта оружия, разного калибра, и патронов, и неисчислимые транспорты литературы. Одновременно занимался организацией дела издания «Альманаха» по истории нашего движения в России и издал его тоже со свойственной ему честностью и аккуратностью к преданности нашему движению.

С этого именно времени наш славный «Дядя Ваня» не возвращался в Россию, кажется, ни разу до самой Революции 1917 года. Но, оставаясь заграницей, «Дядя Ваня» держал тесную связь с российским анархо-коммунистическим практическим движением и заметно оказывал на него свое влияние. Это сказывалось в целом ряде анархических дел на бывшем юге России (теперешней Украины) и особо выпукло подтвердилось, когда Гуляй-Польская группа почти вся попала в тюрьму и он, «Дядя Ваня» писал неуловимому в то время бесстрашному и славному нашему террористу - герою Александре Семенюте: «Гуляй-польцев во что бы то ни стало нужно отбить...», и когда А.Семенюта связался со мной и выяснил, как наибезболезненней для нас, узников, произвести нападение на тюрьму и отбить нас, тогда, мне помнится, многие наши боевики для выполнения этого дела прибыли из-за границы по сигналу именно «Дяди Вани».

Так в неустанной борьбе «Дядя Ваня» вел свою жизнь и заграницей, издали от бунтарского юга России, за это его враги наши не любили, иногда и в наших рядах, в особенности, из кочевников, перекочевавших в наши ряды из рядов политических партий, пытались вырвать у Рогдаева - «дяди Вани» - пальму первенства под черным знаменем анархизма подпольной России, но это им не удавалось, несмотря даже на то, что они одно время создали за кулисами грязный по подлости вымысел против него, на основании которого начали, было, подозревать его, как Азефа, в делах провокации, но Рогдаев - «Дядя Ваня» был всю жизнь неподкупной личностью и стойко и гордо шел своими кристальными путями бунтаря анархиста.

Заграницей, в годы мировой войны, «Дядя Ваня» остался непоколебимым антимилитаристом, при всем его личном уважении к Кропоткину, Граву и другим теоретикам анархизма, он не пошел с ними в вопросах войны, он шел своими путями непосредственного анархиста-коммуниста пропагандиста и практика. Это диктовало ему то, что он еще с большей энергией бичевал войну и ее защитников. С этой целью и во имя поддержания духа в рядах, устоявших наших товарищей, на анархических антимилитаристических позициях он создал орган «Набат», и всю свою энергию и силы отдавал этому органу.

Но зато, когда вспыхнула Российская Революция 1917 года и когда одни «русские революционеры» поспешили воспользоваться услугами немецкого генерального штаба, а другие, будучи менее заметными своею ненавистью к войне, на правах русских граждан, «обывателей и патриотов» могли беспрепятственно возвращаться и возвращались из стран Антанты в революционную Россию, «Дяде Ване» в это время пути выезда из Швейцарии были отрезаны. Политиканы-патриоты все сделали для того, чтобы этого бунтаря-анархиста как можно дольше задержать за пределами Российской Революции. Таким образом, тот, кто был прямым и непосредственным пионером на путях создания и укрепления анархо-коммунистического движения в России, кто не щадил ни себя, ни за ним шедших сил на посту этого движения, долгие месяцы оставался, словно в мешке, отрезанным от этого движения, как раз в тот момент, когда оно легализировалось и выходило на широкие и свободные просторы своего массового социально-революционного оформления, и он не мог его непосредственно поддерживать и вдохновлять своим мощным природным ораторским словом и организаторским делом.

Для того, чтобы Рогдаев - «Дядя Ваня» мог выбраться из провокаторского окружения патриотов-врагов и Российской революции и нашего движения в ней, понадобилось вмешательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Лишь протест этого в тогдашнее время революционного органа Российских тружеников помог «Дяде Ване» выбраться из этого подлого окружения и приехать в Россию.

Но приезд его в Россию был несколько запоздалым: у дел нашего движения стояли уже люди в большинстве своем новые, подпольный дух российского анархизма знавшие мало, лишь по тем временам, когда они работали в нем, да и не все на путях нашего движения, до своей эмиграции.

И «Дядя Ваня» им не мешал. Наоборот, со свойственным ему энтузиазмом и тем неподдельным революционным пафосом, каким он всегда и всюду жизнерадостно горел, он отдался пропаганде идей анархического коммунизма, никогда не брезгал черной работой, от которой «барчуки» в анархизме всегда бегали, считая, что они призваны только сидеть в федерациях и конференциях или в редакциях их журналов и только заниматься маранием бумаги.

В Петрограде - теперешнем Ленинграде - вряд ли остались заводы и фабрики, где бы «Дядя Ваня» не выступал по приезде из заграницы, со словом пропаганды идей анархизма. А, переехав в Москву весной 1918 года, он от имени Московской Федерации

Анархистов то и дело что занимался этой пропагандой, и тут он снова по несколько раз сталкивался в диспутах с главковерхами большевиков - Лениным, Троцким и другими, и блестяще их разбивал, переводя аудиторию на свою сторону, на за большевиками-главковерхами в это время была уже мощная полицейская сила - ВЧКа, и в результате, право оставалось за ними, и они постыдно рвали и топтали тело революции...

В эту же весну «Бюро анархистов Донецкого Бассейна» афишировало в своем органе «Анархист» и отдельной афишей по всем городам и большим селам, что в ближайшее время в Екатеринослав прибывают анархисты - Юда Гросман-Рощин и «Дядя Ваня» с целью пропаганды идей анархо-коммунизма, и сделают турне по всей Екатеринославщине. И нужно было наблюдать, как заволновались в наших краях социалисты государственники, знавшие «Дядю Ваню» по его диспутам в былые времена с ними, и то, с какой радостью и нетерпением ожидали его крестьяне, рабочие и шедшая с ними трудовая интеллигенция, не говоря уже о том, какой подъем эта афиша сделала во всех наших группах и какую они готовили ему, «Дяде Ване», радостную встречу.

Но приезд этих двух титанов-анархистов (по тому времени) не сбылся и не сбылся потому, что в это время по всей Украине двигались уже железные полчища немецко-австрийских армий и были уже на подходах к Екатеринославу. А крестьяне и рабочие все еще надеялись и ждали, то и дело осаждая пишущего эти строки и на съездах и на многочисленных митингах своими запросами «Когда же приедет "Дядько"»?

В начале 1919 года, когда я стоял уже во главе Революционного повстанческого движения (махновцев) «Дядя Ваня» переехал из Москвы в Самару и работал в Самарской федерации анархистов-коммунистов.

Руководимое мною движение разрасталось и очищало великую территорию от деникинских контрреволюционных погромщицких орд. Все лучшие силы нашей Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов были брошены в повстанчество на фронт. Приезжих анархистов было мало и большинство из них выходцы из семьи еврейского народа, плохо ориентировавшиеся в крестьянской обстановке, Аршинов был занят возле меня в качестве моего личного секретаря и много уделял времени на создание повстанческой газеты «Путь к свободе».

Прибывшая группа анархистов-коммунистов в 35 человек из Ивано-Вознесенска тоже мало насчитывала в своих рядах пропагандистов. Чувствовал, что еще месяц-два, и мы окажемся беспомощными идейно обслуживать освобожденные районы.

Здесь «Дядя Ваня» был необходим и я, посоветовавшись с Аршиновым, затем, со штабом и советом повстанчества, снабдил гонца надлежащими документами, нужными средствами и отправил его в Самару за «Дядей Ваней». Но большевики гонца на полпути к Самаре арестовали, и прошло несколько дней, пока я настоял на его освобождении. Также несколько дней взяла подготовка другого гонца. Но пока этот другой гонец добрался до Самары и пока «Дядя Ваня» со своей подругой собрались к отъезду в наши края, Ленин и Троцкий объявили меня и повстанчество вне закона и двинули своих рабов против нас и революции. И «Дядя Ваня» и гонец остались в Самаре и сразу же выпустили пламенную прокламацию-протест и разъяснения трудящимся той черной измены большевиков, с которой они подошли к своим рабам-красноармейцам и бросили их против нас...

После этого я один почти остался со славными повстанцами-крестьянами и рабочими. В это время Аршинов испарился из повстанчества, но я не переставал думать - и болеть из-за того, что возле меня не было «Дяди Вани».

Но вот наступили счастливые месяцы и для меня. Я со своими повстанцами жестоко громлю на Украине деникинские корпуса, очищаю 11 уездных и 2 губернских города от деникинских войск и власти. Ко мне снова начался слет наших товарищей: но теперь я был уже менее наивен в отношении их. Мой взор устремляется в Самару, к «Дяде Ване». И я при первом же удобном для меня моменте, снова посылаю за ним гонца. И что же я получаю от моего любимого «Дяди Вани»? Он мне пишет через моего человека: «Я получил сведения (быть может, и не верные), что у вас Михайлович (читай Волин Н.М.) играет большую и главенствующую роль. Личных отношений у меня с ним не было, но то, что он проделал, было ножом в спину и никогда не забывается...» (Примечание. Это было время, когда Михайлович, он же Волин «работал у В.Л. Бурцева», а сам Бурцев пожинал плоды начальника Всероссийского департамента полиции гр. Лопухина, открывшего ему Азефа как провокатора, работавшего и для партии социалистов-революционеров и для Всероссийской царской полиции). Это было время, когда Российская эмиграционная революционная среда смотрела на В.Л. Бурцева как на «незаменимого» спеца по раскрытию провокаторов и возводила его до небес. От этого триумфального славослования В.Л. Бурцева не отставала и наша анархическая эмигрантская среда, и она, наша среда, почему-то видела в лице Бурцева прорицателя и часто нужно и не нужно с большими и малыми своими делами обращалась к нему, и просила его расследовать

эти дела и сказать о них свое «прорицательское» мнение. Отсюда именно грязные люди возвели подлую клевету на т. Николая Рогдаева, пустив шепотком, не за кулисами молву о нем, как о провокаторе. А случилось это так: на путях российской анархической эмигрантской деятельности - деятельности в направлении России свершился провал: один из активных работников был схвачен полицией. Наша среда сразу же бросилась к В.Л. Бурцеву за его мнением. Но Бурцев высказал только свое предположение, что, дескать, эта провокация видимо исходит от видного анархического деятеля и что самым виднейшим анархическим деятелем является

Рогдаев. Это именно и дало козырь в руки грязным людям, старавшимся вырвать первенство пионерства Н.Рогдаева в подпольном российском анархизме, и они пустили против него подлые слухи, из-за которых ряд старых работников анархизма создали товарищеский суд над Рогдаевым в лице т.т. Оргеани, М.Корн и других, и суд навел все справки об этом подло вымышленном деле и категорически опроверг его.

Вот поэтому именно, что Волин был в Махновском движении (хотя Волина в нашем движении в это время уже не было) он, Рогдаев, -«Дядя Ваня» - на сей раз отказался приехать по моему повторному зову в движение Махновщины. И я, конечно, замолчал. У меня в это время не было ни сил, ни времени переубеждать его в том, что Волина давно в движении нет...

Однако я знал, что «Дядя Ваня» не переставал интересоваться судьбой руководимого мною движения. Об этом говорили мне его многочисленные письма, главным образом, следующее его заявление Ленину:

- Как известно, в 1920 году Владимир Ульянов-Ленин, будучи хорошим личным другом «Дяди Вани» еще из эмиграции вызвал его к себе в Москву, в Кремль, и предложил ему, как знающему европейские языки, видный пост при штабе главнокомандующего на Западном фронте. Одновременно просил его, «Дядю Ваню» посетить штаб Махно и уговорить самого Махно подчиниться «советской» власти.

Тогда «Дядя Ваня» ответил Ленину: «С вашего, Владимир, согласия ведомо:

советская власть под водительством руководимой вами партии разгромила все анархические организации; и это мне, старому революционеру-анархисту, не дает права принять предлагаемый вами пост...

- Что же касается уговаривания Махно, то это совсем невозможно. Вы все сделали для того, чтобы Махно выступил против чинимого советской властью произвола над тем трудовым

населением, которое создало революционное повстанчество и признало Махно своим вождем». На эту тему Ленин много говорил с «Дядей Ваней», но ни к чему не договорился - «Дядя Ваня» возвратился снова в Самару. Однако скоро почувствовал, что откровенная его беседа с Лениным была излишней - В.Ч.К. взяла его после этой беседы с Лениным в такие щупальца, что он не только не мог выступить где-либо на митингах, но не мог свободно передвигаться с места на место. После этого все как-то предупредительно связывалось с надсмотром и разрешением В.Ч.К., и этим самым и именно с этого времени жизнь сводится к прислушиванию и к присматриванию к тому, что готовит для него В.Ч.К. Отсюда начинается, так можно выразиться, новая революционная анархическая ориентация Рогдаева. Он задумывается над тем, чтобы перейти в подполье и служить более активно, как всегда ранее служил нашему движению. Для этого он начал, было, подбирать стойких товарищей среди молодых энергичных наших друзей. Но много препон становилось ему на этом пути. В это время уже целый ряд старых работников российского анархизма и анархо-синдикализма, одни из коих, будучи истерзаны голодом, другие просто по своим лоялистским наклонностям пошли на службу в различные учреждения советской власти. Большевицкие сановники, знавшие хорошо Рогдаева, то и дело ставили ему всех служивших у них наших товарищей в пример, упрекая его в скрытой враждебности к сов. власти и на этом основании берут его под еще большую полицейскую бдительность В.Ч.К. Под влиянием этих и им подобных произвольно сложившихся условий жизни т. Рогдаева, окружавшие его наши младшие товарищи, естественно, заколебались над переходом в подполье, и он на пути к подполью остался одиноким.

Так наш славный Николай, терзаясь душевно, изнемогая физически, метался в этих проклятых щупальцах В.Ч.К. из стороны в сторону, решительно голодая несколько месяцев подряд. И в результате принимает пост в просветительном отделе Комиссариата Просвещения, вскорости переводится на пост генерального секретаря отдела по Восстановлению при Кавказском Исполнительном Комитете Советов в г. Тифлисе. Здесь он создает для этого отдела атлас и алфавит Востоковедения и выдвигается в первые ряды научных работников в этой области; одновременно налаживает связи с анархистами заграницей, в частности с нашей группой в Париже, пишет статьи, поддерживает материально журнал «Дело Труда». Высшие большевицкие сановники по просвещению замечают в лице т. Н.Рогдаева выдающуюся силу и переводят его из Кавказа в

Москву.

В Москве Рогдаев встречается с нашими старыми выдающимися и с теоретической и с практической стороны носителями идеи революционного анархизма, находит с ними общий язык и занимается чтением рефератов, докладов по анархизму в Западной Европе, об анархистах - Малатесте, Ф.Домеле Нювенгейсе и других, дела и писания которых заслуживают нашего особого внимания... И принимает активное участие в проработке анархических положений нашего российского движения. Но скоро замечает, что при условиях Г.П.У. далеко такой ответственной работы не продвинешь, Рогдаев обращается к нам в «Группу русских анархистов в Париже». Просит позаботиться о типографии, о средствах, чтобы приступить к изданию «Альманаха» по истории анархического движения в России до и во время Революции. Обещает все материалы для «Альманаха» заготовлять там, в России, с тамошними нашими друзьями, при этом, глубоко надеясь и веря, что такой «Альманах» явится большим и серьезнейшим подспорьем для идейного воспитания к практической деятельности нашего молодого анархического поколения.

Увы, это не сбылось! Аршинов в это время был занят разработкой «теоретических» основ (если можно так выразиться) нового направления в анархизме, и, видимо, не мог уделить нужного внимания этому великому делу т. Николая Рогдаева и окружавших его наших друзей, или же просто не интересовался им. Я же лично в это время уже вышел из группы и подходящих людей для такого дела в стороне от группы не находил. А осаждать американских друзей в связи с этим вопросом не мог, так как большинство из них в это время еще крепко держалось за Аршинова, меньшинство же было слабо. К этому же у меня лично наметился с большинством моих американских друзей к этому времени, частью по моей вине, частью же по вине их самих разрыв. К «Пробужденческой» же группировке я не мог обращаться с вопросами касательно «Альманаха», потому что некоторые товарищи этой группировки в своем выступлении против отрицательного отношения наших московских товарищей к поведению газеты «Рассвет», не позаботились разъяснить им, что «Рассвет» не есть орган анархистов, а орган русской трудовой колониальной общественности, и поспешили назвать их агентами сов. власти и даже чуть не Г.П.У. В то время, когда эта же самая сов. власть с этим же своим Г.П.У. терзали и продолжают терзать душу и тело этих товарищей.

Правда, это мало имеет отношения к нашим воспоминаниям о т. Николае Рогдаеве. Но обо всем этом вспомянуть теперь тем

более уместно, ибо благодаря именно таким причинам совершались наши ошибки за ошибками, и мы губили великое общее дело здесь на эмиграции, а Г.П.У. постепенно, но верно убивало жизнь великого пионера Российского революционного анархизма - славного бунтаря анархиста-коммуниста - Николая Рогдаева. И теперь этого бунтаря нет ни возле нас, ни вдали от нас. Он умер в лишении свободы и нормальной пищи и лежит на далеких закаспийских степях... Но пусть все это послужит и для нас, и для нашего молодого поколения уроком в будущем.

А ты, дорогой друг, товарищ и брат наш, спи хотя и тяжелым и беспросыпным сном, но спи спокойно. Твое дело - наше дело. Оно не умрет никогда. Обновленным, светлым, здоровым для жизни и последующей борьбы трудового человечества, она «отзовется на поколениях живых»...

Вечная память тебе, друг!

Позор и проклятье тем, кто на тебя подло клеветал и кто тебя с мелочной, трусливой расчетливостью, медленно, но систематически, терзая твою душу и сердце, так долго терзал и убил.

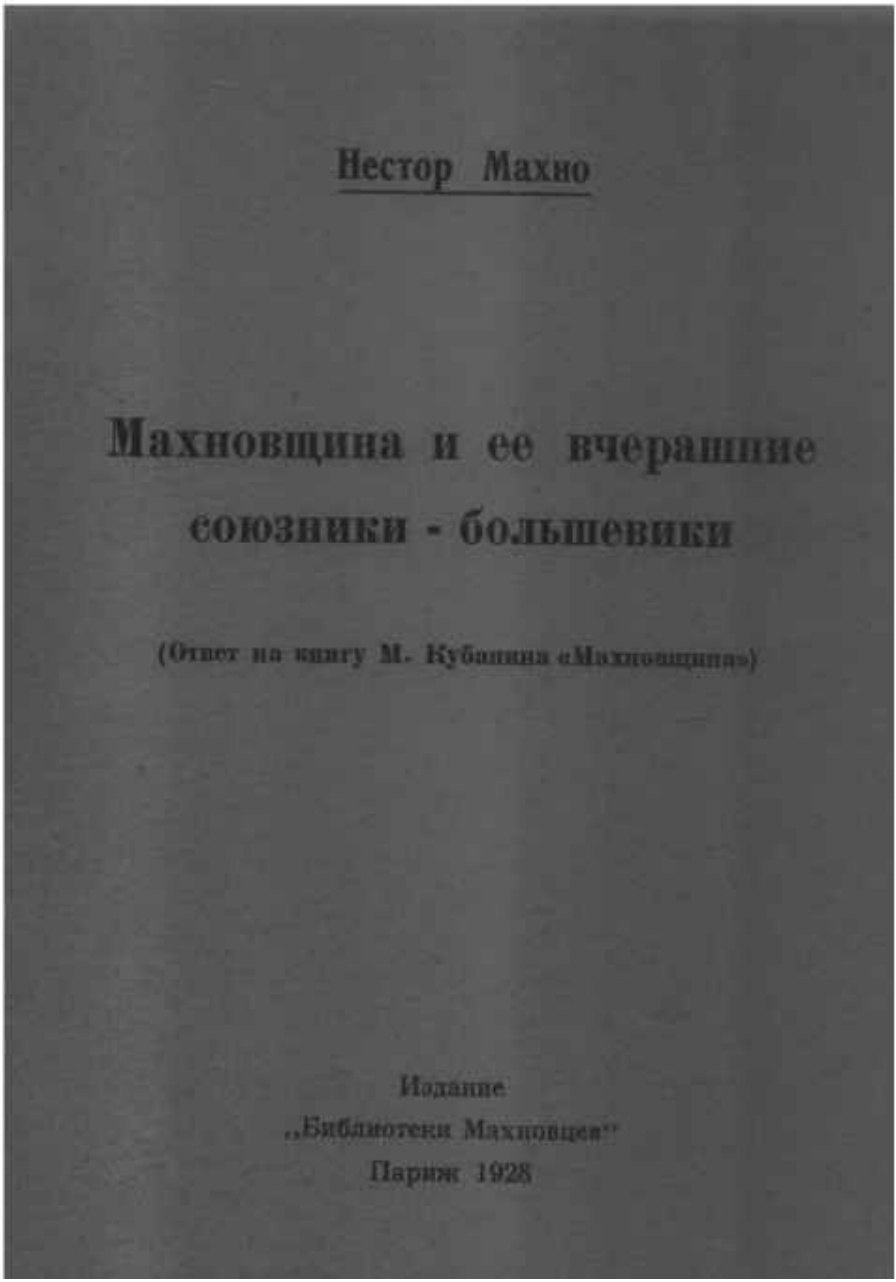
Франция, 1933 г.

От редакционной коллегии:

Эта статья т. Махно была найдена в бумагах покойного. Приславшая ее Г.Кузьменко сообщает, что она не была переслана своевременно в «Пробуждение», так как у автора не было денег на пересылку. Потом же он опасно заболел и очутился в госпитале.

«Пробуждение», № 52-53, ноябрь-декабрь 1934 г.

III. МАХНОВЩИНА И ЕЕ ВЧЕРАШНИЕ СОЮЗНИКИ - БОЛЬШЕВИКИ



(Ответ на книгу М.Кубанина «Махновщина»)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

На пути большевистского литературного творчества появилась книга М.Кубанина под заглавием «Махновщина». Книга эта прошла через отдел «испарта» (история партии) и под редакцией старого партийного работника-большевика М.Н. Покровского.

Построена же эта книга на основании документов большевистской охранки (бывш. ЧЕКА - теперь ГПУ), письменных показаний, попавшихся в лапы этой охранки махновцев и анархистов, с одной стороны; с другой стороны, - якобы, добровольно раскаявшихся и перешедших на сторону большевиков.

Правда, автор этой книги не ограничивается одними документами против Махновщины, почерпнутыми из охранки. Будучи объективным, в глубоком большевистском смысле этого слова, он пользуется в своем охаивании Махновщины и меня лично еще и заметками из предыдущих большевистских изданий, направленных против Махновщины, а также статейками и заметками анархистов и анархиствующих из стана «набатовцев». Пользуется он также выдержками из странного для меня дневника жены Махно. Не обходит мимо и лжи против Махновщины перебежавшего к большевикам известного палача украинской революционной деревни деникинско-врангелевского генерала Слащева... И лишь изредка автор вставляет то в одном, то в другом месте своей книги им самим по заказу партии вымышленные документы, отмечая их, как документы, поступившие к большевистским соответствующим органам из моего штаба через агентуру и документы от представителей Махновщины.

Книга издана в Ленинграде в издательстве «Прибой», издана она без указания даты и содержит в себе 227 страниц.

Фактически эта книга является специфически большевистским документом, строго сочетающимся с большевистским изучением Октябрьской Революции и своей партии, изучением, которое в силу чисто субъективных особенностей большевизма-ленинизма должно в самом основании своем закреплять себя Марксовскими методами лгать на тех и то, кто и что не приемлет в их, большевистских партийных целях и связанных с ними действия, канона на пути борьбы за свободу и независимость своей жизни, за воплощение и практику своих идеалов.

С этой стороны книга Кубанина является «документом»

политического плутишки, отстреливающегося от того, чего сам не знает и не старается познать, но что по требованию века, времени, осознанных широкими трудовыми массами, жестоко преследует все политические плутни его партии.

Но параллельно с этой стороной этого «документика» в книге есть стороны, которые помимо воли автора и редактора - М.Н. Покровского, вскрывает перед читателями ряд положений для нас весьма ценный. Так, например, автор этой книги М.Кубанин говорит нам, что на Махновщину лжет известный по известному времени бывший глава «советского» правительства и душа большевизма-ленинизма на Украине Хр. Раковский в своей брошюре «борьба за освобождение деревни».

Или другое признание. «Махновщина являлась движением прогрессивно-революционным... Оно состояло из бедняцко-середняцкого класса и рабочих... Стало же «контрреволюционным и кулацким», дескать, только тогда, когда начало бороться против советской власти, против их, большевиков, и т. д. Такое признание самих большевиков, независимо от ложных выводов их по нем, дает возможность серьезному читателю сделать совершенно безошибочные свои выводы о большевистской лжи и подлости по отношению к подлинно трудовому и революционно-освободительному движению украинских тружеников - движения Махновщины...

Итак, не будем мы прибегать к большевистским методам и лгать на них, большевиков. Останемся теми, кем мы были всегда на своем революционном посту в обращении с делами явных и скрытых иезуитов и уличных торгашей, прикрывающихся то теми, то другими общественными идеалами; и разберемся в документах, составляющих книгу М.Кубанина «Махновщина». Разбор этой книги непосредственно мной, целиком и все годы действия Махновщины отдавшим себя делу этого движения, много жертвовавшим всегда и всюду собою, и людьми во имя торжества идеи этого движения, - разбор этой книги и должные на нее замечания, по-моему, очень важны. Без последних, я считаю, что не только большевики, но вообще люди, искушенные изучением истории Октябрьской Революции вообще и истории движения Махновщины, в частности, по записям их врагов или по записям ренегатов, которые, как известно, всегда за счет лжи приспосабливаются к тому, во имя чего они становятся ренегатами, - эти люди будут путаться в чужой лжи и подлости и выходить в результате своих трудов только с ними перед трудящимися классами, желающими или пожелавшими узнать действительные факты о Великой Русско-Украинской революции, об основных социально-революционных движениях и их роли в

ней.

I. ВЗЯТИЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВА И БАСНИ БОЛЬШЕВИКОВ О ИХ РОЛИ И РОЛИ ИХ ВООРУЖЕННЫХ «СИЛ» ПРИ ЭТОМ

Коснувшись боев повстанческих махновских отрядов с войсками Украинской Директории в декабре 1918 г., автор книги «Махновщина» мало что вносит в этот сложный вопрос своего. Он говорит о нем, главным образом, на основании выписок из книги своего однопартийца некоего Лебедя: «Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины» и из социалистической газеты «Наш Голос» (по Кубанину, газета эта была петлюровской ориентации).

Прежде чем начать охаивать повстанцев-махновцев, гр. Кубанин приводит из книги Лебедя ряд положений, гласящих: «екатеринославский губревком, состоявший из большевиков и имевший свои вооруженные силы, численность которых равнялась 1500 человек... Но что все эти силы под командой Колоса находились на линии станций Просяная-Чаплино-Синельниково, где держали фронт против наступления белых...».

Если бы книга Кубанина «Махновщина» не являлась, как я уже отметил в предисловии, документом изучения Октябрьской революции и истории партии В.К.П.(б), можно было бы обойти молчанием сугубую неверность и залихватский тон большевиков о «их» подпольном Губревкоме и о его вооруженных силах под командой Колоса. Но раз дело касается изучения истории, то требуется правда, а потому я заявляю следующее:

В этот период подпольный губревком состоял из рабочих большевиков и левых эсеров. Имел и я от своего штаба в нем своего информатора в лице тов. Алексея Марченко.

Командир большевистского отряда Колос имел в своем распоряжении в это время отряд в 250-300 человек, с которым, до моего прибытия под Екатеринослав и выработки мною плана наступления через Днепровский мост против войск Директории, находился вне всякой линии боевого фронта, если, конечно, не считать того, что Колос силами этого отряда стягивал в г. Синельниково всю крупную и мелкую буржуазию и объявлял ей контрибуционного характера приказы о сборе с нея денег для партии.

На линии же Просяная-Чаплино-Синельниково в это время фронта против белых не было, а был он на линии Чаплино-Тришино-Очеретяная и его занимали отряды повстанцев-махновцев под командой т. Петра Петренко.

Недели за две до этого Колос появился, было, на этом боевом

участке махновцев, но оказался совершенно лишним, так как махновцы и без него с успехом теснили на этом участке своего обширного фронта банды белых.

Не менее же грубым искажением истины и смешением и перемещением фактов и ролей махновцев и большевиков при занятии г. Екатеринослава является и другое утверждение Кубанина на стр. 41-й, где он подчеркивает: «Махно со своими силами подчинялся штабу отряда» (по-видимому, Колоса) и екатеринославскому губревкому... Товарищ Колос выделил Махно и часть своих сил под командой Тесленко на помощь Екатеринославу, оставив основные силы на фронте».

В своих полных записках о движении махновщины я этого коснусь особо. Сейчас же отмечу по поводу этого места большевистской поддержки то, что от дня 27-го дек. 1918 года, когда началось наступление наших объединенных сил - махновских, включая сюда и анархистские, большевистских и левоэсеровских на г. Екатеринослав, у большевиков на всей Екатеринославщине и далее по направлению Крыма, Одессы, Киева и Полтавы никаких вооруженных сил не было. С этого же дня и отряд Колоса, и левоэсеровский отряд, и весь губревком подчинялись в оперативном отношении мне и моему объединенному штабу.

Бой длился четыре дня и четыре ночи. И лишь по окончанию боя или, по крайней мере, под его конец - губернский комитет партии большевиков рискнул, было, произвольным образом, что называется, «нахрапом», обойдя мой штаб, наше объединение, и назначил из своих членов коменданта города, комиссара почты и телеграфа, комиссара путей сообщения, нач. милиции и другого рода начальство. Все эти большевистские партийные избранники не то накупили, не то конфисковали себе министерские портфели и под мышками с ними пришли в мой штаб, помещавшийся на втором этаже Екатеринославского вокзала.

Вот эти избранники пусть скажут для истории правду о том, что я им говорил, когда, узнавши, что они - изданное от партии губернское начальство, гнал их чуть не в шеи, не только из штаба, но вообще с вокзального этажа. Сам я об этом подробно буду говорить в своем месте. Сейчас же ограничусь тем, что входит в задачу моего ответа на книгу.

В это время большевики особенно определенно показали мне себя в том, что они хотят во что бы то ни стало сделаться политическими хозяевами в жизни трудящихся всей Екатеринославщины, но, не имея своих сил, чтобы водрузиться на этом пути, они стремились достичь этого за счет повстанцев-махновцев. Они, не смотря на то, что я не допустил к власти их,

партийное начальство, которое они выделили из своего состава для всей губернии и как таковую дарили трудящимся, не спрашивая у них об их желании, - примут ли они ее для себя и будут ли ей подчиняться, - они прислали ко мне свою делегацию во главе с неким Гришей, сообщить мне, что они «получили депешу из Москвы от В.И. Ленина, который вас, батько Махно, припоминает по вашей информации его об отступлении красногвардейских и анархистских отрядов из Украины под натиском немецких армий. Он утверждает вас главнокомандующим всеми советскими войсками на Екатеринославщине... Что на основании этой депеши тов. Ленина и был, дескать, в спешном порядке объявлен, подхваченный, как вам известно, меньшевистской газетой «Наш голос», список членов, составленного нами Губернского Военно-революционного Комитета с главнокомандующим всеми советскими вооруженными силами на Екатеринославщине Нестором Махно...».

Анархисты, левые социалисты-революционеры, да и сами большевики помнят, что я говорил тогда об этом назначении меня главнокомандующим. Я им говорил: здесь советских войск нет. Здесь главными силами являются революционные повстанцы-махновцы, цели которых всем известны и понятны. Они борются против какой бы то ни было государственной политической власти и за свободу и независимость трудящихся в деле Революции и в ее анархических тенденциях - экспроприировать во всенародное пользование все орудия производства и средства потребления и не допускать над этими прямыми завоеваниями тружеников опеки государства. И для меня, - говорил я, - совершенно не понятно, как т. Ленин мог додуматься до того, чтобы назначать меня главнокомандующим, да еще над теми силами, которые не существуют в таком размере, чтобы для них нужен был главнокомандующий.

Тогда же я предложил анархистам, большевикам и левым соц. революционерам, вместо назначенного большевистским парткомом для трудящихся губернии начальства, организовать вместе с екатеринославским профессиональным союзом рабочих и повстанцами Временный Революционный Комитет на партийных началах - по пять представителей от каждой из политических и профессиональных организаций, Комитет, в задачу которого должны войти: организация населения города и самоохрана последнего и созыв губернского съезда крестьян и рабочих, который и наметит себе для охраны своих завоеваний и связанного с ними нового социально-политического строительства, нужные конструктивные положения.

- Нам, революционерам, - говорил я тогда товарищам, слушавшим меня, - нужно стараться только связаться организационно и полностью. С трудящимися и внести на их сходы, собрания и съезды максимум своего идейного влияния исключительно в интересах расширения и углубления социального характера Революции.

Большевики, выслушав меня, немного поломались, но с ними мало кто из нас считался в этом вопросе, и они, чтобы не остаться за бортом инициативных групп в развертывающихся событиях, занялись, как и все остальные, организацией предложенного мною временного революционного комитета на паритетных началах.

Совершенно неверно и примечание гр. Кубанина к сообщениям меньшевистской газеты «Наш Голос» о действиях махновцев и большевиков в Екатеринославе, которое он подчеркивает: был организован губернский военно-революционный комитет, куда членом и военным комиссаром вошел Махно.

Читателю уже известно, что в подпольный губревком я лично не входил, а имел в нем своего политического информатора. В революционный же временный комитет, организованный по моему предложению на паритетных началах, я не только что не вошел членом, я даже не присутствовал на его первом заседании. За 4 дня и ночи беспрерывного боя на улицах города, во время которого я в большинстве случаев находился на передней линии огня, не сменяясь и не зная ни сна, ни отдыха, я выбился из сил настолько, что никакие просьбы большевиков, левых эсеров, анархистов и повстанцев не помогли им затянуть меня на заседание этого комитета. Я почувствовал серьезный упадок физических сил и свалился на несколько часов в постель.

На второе заседание Комитета большевики меня упросили зайти и хотя своим присутствием оказать влияние на повстанцев и анархистов, которые своим поведением против них, большевиков, предрешили их провал в проведении на председательский пост Комитета своего представителя, и они, дескать, боятся, что при создавшемся, благодаря отрицательному отношению к ним повстанцев и анархистов, положении, они могут провалиться и в выборах товарищей председателя или главного секретаря Комитета.

Чувствуя себя менее уставшим, теперь, я пошел в Комитет и выяснил, насколько беспокойство и плач большевиков за свое положение в Революционном Комитете соответствуют истине. Я выяснил, во-первых, то, что в выборах председателя Комитета анархисты не принимали участия, но советами рабочим и

повстанцам-крестьянам поддерживались, вместо мальчишки без всякой самостоятельной инициативы т. большевика, пожилого и серьезного товарища из левых соц.-революционеров. Главный же секретарский пост собрание Комитета поручило анархистам, а большевикам без всяких прений предложило одно место тов. председателя.

Далее в своих беседах с большевиками я убедился, что они были недовольны не только анархистами и повстанцами, но и мною за то, что я не сделал нужного в большевистском смысле давления на повстанцев и прислушивавшихся ко мне анархистов, чтобы последние поддерживали во всем их, большевиков, предложения в Комитете. Но так как я был, прежде всего, и в своем роде революционным полководцем, а не политиком-марионеткой, по обыкновению стремящейся лично устраиваться поудобнее и из-за этого угождать всем и вся, то я не спустился перед недовольством большевиков на колени. И это освободило меня от излишних с ними разговоров на комитетские темы.

Неверными являются и другие заимствованные Кубаниным сведения из книги Лебедя, которые Кубанин поддерживает в своей книге целиком и которые гласят:

«Разговоры о конструировании власти выливались в острые и гаденькие формы торговли... Коммунисты-большевики готовы были отказаться (читай, от власти - Н.М.) и взывали к революционной совести соц.-революционеров и Махно».

Из выше освещенного мною в том, кто организовал Временный Рев. Комитет на паритетных началах, как большевики провалились со своим кандидатом на пост председателя и главного секретаря этого комитета, как просили меня помочь им советом не быть выведенными из президиума Рев. Комитета, - вполне достаточно понятно, что о конструировании понимаемой большевиками власти никакой речи не было и что, кто именно торговался из-за партийного положения в комитете, как не сами большевики.

В высшей степени является наглым извращением у Кубанина та заметка скрывающегося под буквами С-в большевика, которую Кубанин подчеркивает: «За ночь Махно несколько лиц расстрелял за грабежи, однако, это были случайные жертвы. Своих "сынков" Махно не трогал» (стр. 145). Тогда как, на самом деле, я за грабежи, как и за насилие, вообще расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных в Екатеринославе за грабежи оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики и арестовывали и окрещивали их махновцами. Лишь в штабе в моем присутствии выяснилось, что

все эти лица не знали даже, на каких улицах махновцы занимают позиции, кто их командиры, как называются роты и т. д. Но за то эти лица хорошо знали места формирования Кайдацкого большевистского отряда, где он стоит, командира его и когда они записались в этот отряд и получили свое оружие.

Помню я и помнят эти самые большевики, как скверно они себя чувствовали, когда убеждались, что грабители эти, главным образом, были их знаменосцы, только должны они были быть убитыми не на том посту и не за то дело, во имя которого большевики их без разбора, наспех стягивали и поручали нести их знамя вперед к победе над врагом. (В моих записках мир труда увидит когда-либо подробности о занятии махновцами, большевиками и левыми эсерами Екатеринослава и он узнает правду об этом в деталях.)

Неверными являются и самого гр. Кубанина выводы по данным его однопартийцев - Лебедя и С-в и утверждения, что петлюровский полковник Самокиш воспользовался случаем торговли анархистов из-за власти и выгнал разложившиеся махновские силы из Екатеринослава.

Ибо, если бы повстанцы-махновцы действительно за полдневную свою стоянку в городе разложились без боя (что может делаться по моему только в Кубанинской голове - Н.М.), то, что же делали, спрашивается, тогда большевики со своими вооруженными силами, которые «не разложились» и качество и количество которых Кубанин часто подчеркивает, - что они делали для того, чтобы не отдать полковнику Самокишу города, так дорого стоившего всем нам при отнятии его у войск Украинской Директории, якшавшихся с белыми формированиями?

Нас, с нашими объединенными силами, выгнало из Екатеринослава то обстоятельство, что, когда большевистский губпартком узнал, что его представители потеряли не только председательский пост для себя в Револ. Комитете, но и всякие надежды, что он через них сможет провести от имени этого Комитета в жизнь трудящихся свои полицейско-диктаторские партийные директивы, он пошел на скрытую измену и Рев. Комитету и мне со штабом, без которых войска Директории не допустили бы самих большевиков даже до подножия моста, через который бесстрашные безымянные революционеры махновцы пошли в наступление на Ектеринослав, и в мгновение ока одни под руководством Калашникова заняли вокзал, подойдя к нему поездом из-под моста, а другие вместе со мной - сторожевой автоброневик врага, сверху моста, и столкнулись лицом к лицу с врагом.

Естественно, что в согласии с действиями губпарткома действовали и его вооруженные силы - в лице отряда Колоса. Этот самый большевик Колос, который вместе с отрядом, во время самых ожесточенных четырехсуточных беспрерывных боев повстанцев махновцев на улицах города, большую часть времени провел на резервной службе. После того, как противник был выгнан из города, был мною выслан на линию жел. дороги Екатеринослав-Верховцево за город, для наблюдения за передвижениями разбитого противника. Сам Колос находился на бронеплощадке при этом отряде. До окончательного сконцентрирования Революционного Комитета, тов. Колос о всяком моменте передвижения противника, удалявшегося от города, доносил аккуратно и во время мне. Но как только Комитет сконструировался и стало известно всем, что большевики не заняли в нем главных мест, - этот самый Колос, исправный, знающий свой пост и обязанности на нем, Колос, начал заметно опаздывать с донесениями или, даже, совсем пропускать их обязательный час. И, в конце концов, подпустил свежий полк «галіцкіх стрільців» под командой полк. Самокиша (со стороны Верховцева) настолько близко под Екатеринослав, что ему не нашлось уже времени лично доносить об этом мне в штаб, он начал отступать вместе со своим отрядом.

Правда, я узнал об этом от самого Колоса, на тогда, когда Колос с отрядом были уже возле Брянского завода (ныне имени Петровского).

Я видел, что в подобного рода действиях большевиков скрывается что-то преступное, но неуловимое в ненормальной обстановке. И, тем не менее, я предпринял все меры к тому, чтобы дать должный отпор наступавшим «галіцкім стрільцам» под командой Самокиша. Но хваленый большевистский отряд в 80-90 человек, прибывший под командой Лантуха из г. Новомосковска, отряд, который, я не понимаю почему, Кубанин величает 1-м Новомосковским советским полком, перед тем, как должен был, до прихода из противоположного от вокзала конца города махновцев, занять, вместе с хорошей пулеметной командой, проходные улицы, идущие от Брянского завода и не допустить подхода по ним противника, пришел в панику от пробного своего пулеметного огня и, не стараясь ее побороть, побежал к ведущему через Днепр мосту, стреляя в воздух, а затем- бросая винтовки в воду. Эта паника большевистских «вооруженных сил» была устроена на глазах жителей, вокруг вокзала и когда махновцы находились в другом конце города и расстрелять паникеров и их руководителей не могли.

Хорошо памятна эта паника и самому Колосу и его отряду,

ибо он, слыша ее, быстро откатился, без всякого сообщения мне, от Брянского завода, на вход под Днепровский мост.

Когда же я увидел, что я остался лишь со связью от частей, и с несколькими санитарами, а пули и снаряды противника ложились уже вокруг вокзала, - я дал распоряжение командирам повстанцев-махновцев: не выходить навстречу противнику, а спешить завладеть Днепровским мостом, - одна минута промедления, мост будет занят противником!..

Вот это и есть подлинная картина, правда, без деталей, той действительности и тех обстоятельств, которые позволили полковнику Самокишу и другим командирам войск Украинской Директории свободно подойти под Екатеринослав и без всякого мало-мальски своевременного с нашей объединенной стороны сопротивления - занять у нас этот город.

II. МАХНОВЩИНА И ЕЕ БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

Как низовое массовое революционно-освободительное движение Махновщина совершенно не дает покою Кубанину. Касаясь с этой стороны Махновщины, Кубанин пишет: «махновцы приняли активное участие в борьбе с немцами колонистами по району. Кроме того, занимая позицию в районе Чаплино, они разоружали отступавшие в Германию немецкие части. Приманкой для борьбы с немцами, - подчеркивает Кубанин, - служили оружие, обмундирование и военное имущество, из-за которого крестьянство чуть ли не поголовно, целыми селами, выступало на борьбу с уже разломленной (здесь Кубанин не отмечает сознательно того, кем разгромленной - Н.М.), ослабевшей и уходящей с территории Украины немецкой армией».

Верно, что крестьянство подымалось на борьбу с гетманско-немецкой реакцией и ее главным оплотом - контрреволюционной экспедиционной, в 600 000, царской немецкой и австрийской армией. Но кто подымал крестьянство на борьбу против этой, неравной в смысле техники, организованности и дисциплинированности контрреволюционной силы? - Кубанин не хочет сказать, что это делала группа революционных крестьян-анархистов, ставившая цели освобождения угнетенных тружеников выше всяких партийных или групповых целей, но которые большевики ставили ниже Брестского мира с немецким царем Вильгельмом II и австро-венгерским Карлом и беспрекословного права этих палачей распоряжаться целой революционной страной - Украиной, укрощать ее революционное, трудовое население, лишь бы они не направляли этих сил против них, большевистской власти, на Север и вообще в Россию.

И верно ли то, что Кубанин говорит: «приманкой для борьбы с немцами служили (читай: для крестьян под руководством махновцев) оружие, обмундирование и вообще имущество»?

Я утверждаю, что отобрание у немецко-австрийской армии оружия было актом революционным, осознанным крестьянской массой и согласованным с необходимостью непосредственной, прямой революционной борьбы ее за свое освобождение от власти помещика и кулака, от власти государства и его чиновника, этого - в буржуазных государствах явного, а в государствах социалистических - тайного слуги фабриканта, помещика и кулака.

На протяжении длительной истории своего рабства,

украинское неэксплуатирующее чужого труда крестьянство, не поддавалось внешнему давлению, хранило в себе дух вольности. Этот дух в общей - рабочих и крестьян - практической революции прорвался сквозь стены реакции и нашел себе простор в стихийных порывах революции - завоевать своему развитию как можно больше прав. В этом открыто у крестьянства вскрывается его родство с идеей анархизма. На этом оформлялось у крестьянства, на Украине в особенности, понятие о революции, как социальном средстве, и о целях, во имя которых нужно совершать революцию. Для политиканов всех мастей, всех партийных окрасок, а сбоку их и для некоторых, наспех и посредственно заглядывающихся в жизнь крестьянства, анархистов и синдикалистов, кажется страшным утверждение того, что украинское неэксплуатирующее чужого труда крестьянство, приняв непосредственное участие в революции, отдавало себе отчет в том, что антиполитические социальные революции создаются для того, чтобы с помощью их трудящийся люд, умело действуя, мог до основания разрушить ненавистный ему буржуазно-капиталистический строй, со всеми видами и формами его решающе законодательной, политической и экономической власти и чтобы на его развалинах мог создать себе новый свободный строй с его новым правом, новыми социальными и индивидуальными отношениями между людьми. Для людей во всем и вся ориентирующихся только на город, на его зараженность властью, на его начальническое начало, совершенно не понятным кажется то, что украинское крестьянство с первых дней революции стремилось практически высвободиться от опеки государственной власти, ее начал и партий, поддерживающих эти начала. Взамен опеки государственной власти над собой и революцией, революционное крестьянство выдвигало свою трудовую, коллективную волю на весь рост и развитие революции, на все его прямые действия в этом направлении и на действие и недействие противившихся целям революции в пользу контрреволюции. А в действительности именно на этих подлинно вытекающих из крестьянско-анархических тенденций, революционных основаниях украинское неэксплуатирующее чужого труда крестьянство группировало свои силы, определяло задачи дня и действовало против врагов революции в интересах идеи, обеспечивающей свободу и независимость всей трудовой семье. Так родилась в украинской революционной деревне столь ненавистная большевикам и буржуазии махновщина. Этот не на словах, а на деле авангард тружеников, которые всю свою жизнь находились до революции и продолжали находиться первые

месяцы во время революции в позорном рабстве под гнетом немецкого заводчика и помещика, еврейского и русского фабриканта и банкира, с поддержкою русского и украинского жандарма и полицейского сыщика.

Как низовое, подлинно трудовое народное движение, революционная махновщина восстала за попранные права революции против гетманско-немецкой контрреволюции. Как таковая - она встретила с оружием в руках и контрреволюцию в лице Белого Дона и деникинщины, и, как таковая, она не потерпела и большевистской диктатуры и ее контрреволюции, не смотря на свою техническую слабость, лишавшую ее в известные моменты возможности снабжать трудовое население оружием и организационно дельным и революционно честным, преисполненным трудовой инициативы, элементом.

Для партии большевиков и для Кубанина, действующего со своей книгой против махновщины, книгой, предназначенной к изучению революции, конечно, махновщина не может быть тем, чем она была в действительности. Он старается свести ее к случайному явлению в революции, а главного ее вдохновителя и руководителя - Гуляй-польскую крестьянскую группу анархистов-коммунистов, во главе со мной, совершенно не упоминает. Чувствуется, что он не прочь был бы и меня лично выбросить из круга движения, но нельзя. Меня легче всего ему топтать в грязь. Это несколько помогает ему свободней оплевывать и само движение. Меня Кубанин ни на шаг не отпускает, треплет, как только его язык болтается. «Вслед, - продолжает Кубанин свою басню о махновщине, - за отступавшими немцами, шли белые... С ними махновская деревня вступила в борьбу, фронт вытянулся на линии Пологи-Волноваха-Большой Токмак-Ореховская. Здесь Махно не в первый раз изменил своему анархизму, поставив на собрании своего комсостава и штаба вопрос о необходимости введения принудительной мобилизации. Но присутствовавшие на собрании анархисты - Венгеров, Уралов, М.Черняк и друг. выступили против, результатом чего был провал мобилизации.

«Махно учитывал крестьянскую психологию, интеллигенты анархисты, во имя защиты "святого принципа - отказа от насилия", фактически помогли белым одолеть Махновцев».

Здесь гр. Кубанин прибегнул к истине в том, что махновская деревня вступила в борьбу с белыми, и указал, вопреки большевистскому «обыкновению», истину о махновских фронтах против белых, специально для того, чтобы лягнуть меня и скрыть за анархической, Кубаниным вымышленной, деятельностью против неизвестной мне необходимости мобилизации, преступление своей партии, штабов красной армии на пути

временной победы деникинской армии над махновцами.

Ни я, ни мой штаб и командный состав армии махновцев не знаем такого случая, чтобы я когда-либо предлагал или настаивал на какой бы то ни было необходимости мобилизации. Не знаю ни я и все мои близкие и такого случая, чтобы приезжие анархисты, в особенности, М.Черняк и Венгеров, когда бы то ни было выступали перед командным составом, да еще против меня, доверие к которому командного состава было совершенно нетерпящим того, чтобы случайные элементы в движении его подрывали в нем.

Время, о котором говорит гр. Кубанин, было такое, что армия махновцев состояла из более 30 тысяч вооруженных и более 70 тысяч организованных по селам и деревням местными подотделами основного штаба махновского движения, которые из-за отсутствия вооружения находились на своих домашних работах и по надобности сменить ту или другую уставшую на фронте боевую вооруженную единицу, сменяли таковую. Для борьбы с Деникиным у махновцев достаточно было революционных крестьян добровольцев. Но то обстоятельство, что партия большевиков и ее «советская» государственная власть боялись самоорганизовавшегося революционного украинского крестьянства под знаменами Махновщины, они всячески саботировали союз с махновщиной, по которому они должны были всегда во время снабжать ее армию снарядами, патронами и винтовками, - это обстоятельство, главным образом, содействовало деникинским генералам во временной победе (весной 1919 года) над махновцами.

Стоит только покопаться в штабе 2-й красной армии в моих требованиях патронов и снарядов (винтовок нам большевистское правительство ни разу не присылало, - мы добыли их у немцев, гетманцев и деникинцев), как можно наткнуться на такие факты, что патроны, высланные для армии махновцев, ходили две, три недели, где-то совершенно в другом направлении. И разве не я предупреждал красное командование о том, что в штабе 2-й армии, видимо, засели агенты Деникина, и разве они не были раскрыты после, когда уже навредили и армии махновцев и красной армии. Без документов под рукой я не мастер разбрасываться фактами об этом. Но Кубанину и кубаниным следовало бы знать, что заставило 2-ю красную армию переименовать в 14, когда Ворошилов принимал ее под свое командование.

И разве не благодаря всем этим явлениям на красной вышке армия повстанцев-махновцев по неделе и по две оставалась в окопах без патронов и несла неисчислимые жертвы?

Правда, большевистским борзописцам трудно прийти к той мысли, чтобы подумать о более серьезных документах при подходе к изучению фактов о Махновщине и ее деятельности и деятельности против нее за ее спиной, ее же «революционного» союзника - их партии. Директив, видимо, нет на это, а потому нужно писать как можно больше о том, за что от всемогущего центра и славу заслужат и в забвении не останутся. И во имя этого, видимо, Кубанин продолжает свою басню далее: «Отряд был бы раздавлен, если бы с Севера в это время не подошла Красная армия...»

Слышишь, читатель, отряд. Всего несколько строк выше это были силы, занимавшие фронт «Пологи-Волноваха-Большой Токмак-Ореховская». Сейчас они стали отрядом, которого ожидала гибель, если бы не подошла и не спасла Красная армия.

Попробуем, оставив в стороне «отряд», беспристрастно подойти к Красной армии, пришедшей в январе-феврале месяце на Украину. Эта армия состояла из бригады (12 шт.) бронепоездов, под командой матроса Л. и отряда пехоты. Эти оба рода вооруженных сил находились под верховным командованием Дыбенко.

От Курска до Харькова они шли без боя. Весь этот путь был освобожден восставшими крестьянами. Г. Харьков был занят отрядом анархиста Чередняка. От Харькова до Лозовой путь освобожден восставшими крестьянами, главным образом, под руководством анархистов и лев. соц.-революционеров. От Лозовой до Синельникова и далее до Чайлины-Гришина-Волноваха-Верхний и Большой Токмак - вся эта территория была освобождена от немцев и белых повстанцами-махновцами.

Большевики шли из России совершенно свободно по очищенным восставшими тружениками путям. И нам, махновцам, они помочь могли только патронами, орудиями и снарядами. Но орудий полевых у них не было, винтовок лишних тоже но было. Они дали 100 000 патронов и только. А мы, ставя интересы революции выше наших идеологических разногласий, ничего не имели против того, чтобы наши отряды в лице 6 и 4 повстанческих полков пошли под командой Дыбенка на Крым.

Это факты, которые не подлежат никакому оспариванию, и они побуждают меня спросить у гр. Кубанина и всего большевистского управления и распоряжения собиранием и размещением материалов, по которым оно призывает «доблестных» Кубаниных писать по истории октябрьской революции и партии В.К.П.(б), - спросить у них именно о том: кто же кому действительно оказал в данном случае помощь и кого читатель со стороны книги Кубанина и моего ответа на нее

должен считать политическими авантюристами, манкирующими даже на изучении истории революции?

Я думаю, что ни в каком случае не нас, повстанцев, революционной Махновщины, читатель со стороны может назвать авантюристами. Мы на пути революции и целей обманутых, порабощенных и угнетенных в ней до этого не доходили и пока имеем в себе достаточно убеждений, которые нас вполне поддержат и в будущем не допустят дойти до этого. Нам можно сказать, что мы спотыкались, что мы были жестоки или слишком мягки в своем прямом деле по отношению врагов революции и наших идей в ней, но мы не были авантюристами и угнетателями. Мы не были изменниками, угнетавшими тружеников. Мы жертвовали своими жизнями в непосредственной, прямой борьбе со всякого рода угнетателями, двигаясь сами и зовя и ведя других за собою вперед к свободному, светлому для настоящей и будущей жизни человечества, будущему обрести которое, по-нашему, можно только силами и твердостью угнетенных тружеников - крестьян, рабочих, трудовой интеллигенции, - не делая из них кумира с правом на угнетение других.

III. МАХНОВСКАЯ АРМИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ ПО КУБАНИНУ

На странице 163-й своей книги, Кубанин касается антисемитизма и говорит: «по отношению к евреям в 1918-1919 годах ни махновская армия в целом, ни ее руководящие верхи не были антисемитски настроены».

Здесь Кубанин говорит совершенно правильно. Но я должен отметить, что революционные махновцы и до 1918-1919 годов и после них, вплоть до сего дня не были и не есть антисемиты. Но ложь и подлость многих политических проходимцев из семьи еврейского народа, направленная против нас махновцев, - ложь и подлость не проверенная, но обличающая нас в позорнейшем преступлении против еврейского народа, называя нас врагами еврейского народа, которые на Украине, дескать, громили и насиловали его мирную жизнь и т. д., и т. п. - в то время, когда на самом деле мы на Украине громил и насильников всегда убивали, - это преступление против нас, преступление, исходящее из семьи еврейского народа, дает нам моральное право ненавидеть уже не только торгашей своего рода, которые, зная, что мы не были погромщиками, обличают нас таковыми, но и людей посерьезней этих торгашей, людей способных мыслить и рассуждать, глубже и шире вникать в дела революции и украинской действительности, чтобы разобраться честно в приписываемых нам каждым безответственным политическим проходимцем, позорнейших преступлений против еврейского народа - вроде, если не устраивания еврейских погромов самими лично, то поощрение таковых.

Эти люди - люди еврейской общественности и ее культурного развития. Люди, которые, прочитав мое обращение к евреям всех стран (смотри № 24 анархич. журнала «Дело Труда», выходящий в Париже) и мою статью «Махновщина и антисемитизм» (см. тот же журнал, №№ 30-31) обязаны были проверить факты, указанные мною в этих статьях об махновском движении и антисемитизме и сказать правду еврейскому народу во всех странах об этом. Но из них до сих пор не находится ни одного человека, который бы занялся проверкой наших указаний и перестал бы подличать, хотя бы сам своей клеветой на нас.

«Однако, - добавляет далее, на странице 164-й, Кубанин, - когда Каменев приехал в Гуляй-Поле (Каменев, Ворошилов, Метлаук и Дышловский были у меня в мае месяце 1919 г. - Н. М.), первое, что он увидел, была надпись на вокзале, сделанная от

руки повстанца: «Бей жидов, спасай Россию!» Махно расстрелял повстанца за этот монархический лозунг».

Совершенно верно и здесь Кубанин говорит. Я действительно расстрелял написавшего этот лозунг на бумаге и вывесившего его. Но это было не на Гуляй-Польском вокзале и не при Каменеве. Более этого. Каменев этого лозунга и не видел, я о нем только делился с Каменевым своими тяжелыми впечатлениями.

Но гр. Кубанин умышленно смешивает и время, и место появления этого лозунга. Этой умышленностью своей, Кубанин по долгу партийного человека большевистской формации, старается набросить тень, очернить революционную честь и достоинство Гуляй-Поля и гуляйпольцев в делах Революции, - на самом же деле он раскрывает сам свое копеечное достоинство революционера, ибо ни Л.Каменев, ни кто-либо другой из бывших с ним у меня не могут сказать, что они видели этот погромный лозунг на гуляй-польском вокзале.

Лозунг этот был написан рабочим из Пологовского депо - неким Хижным (а кто такие Хижные по партийной принадлежности того времени, трудовое население Полога знает: он и старший брат его были большевики) и вывешен на станции Кириловка, по линии ж.-д. Чаплино-Бердянск. По этой же линии в нескольких саженях от станции Кириловка был расстрелян этот самый Хижный.

Здесь же, параллельно с этим злосчастным лозунгом, Кубанин разбирает вопрос о разгромленной еврейской колонии Горькой, об убийстве в ней нескольких, ни в чем неповинных еврейских семей отпускными на месячный отдых повстанцами, под непосредственным руководством новоуспенского волостного большевиствующего Комиссара, который на этот ново установленный, населению ненужный, пост был выдвинут самими большевиками - разъездными от центра пропагандистами и который за это злодеяние мною расстрелян. В этом вопросе Кубанин уже совсем не считается с тем, что ему может каждый человек, даже не из махновцев, убежденных в своей честности по отношению к пострадавшим в колонии Горькой, сказать, что он на нас умышленно клевещет, но он пишет:

«Весною 1919 года успеновским отрядом в 22 человека, под командой члена штаба Дерменжи был устроен погром в еврейской колонии Горькой... Но Махно, не будучи сам антисемитом и выступая в своей печати против антисемитизма, не особенно преследовал своих ближайших сотрудников за отдельные антисемитские акты... Не смотря на требование Дыбенко наказать Дерменжи за устроенный погром, Махно ничего не предпринял»...

Наглость Кубанина в данном случае для меня, больше, чем для кого-либо другого, понятна. Она питается жаждой всех партийных большевистских верхов сильнее возбудить среди евреев, сторонников физического патриотизма и естественной мести врагам своего народа, злобу и ненависть ко мне. Это роль - больше, чем наглая, она - провокаторская. Но к ней прибегали против меня и другие до Кубанина. Пресловутый еврейский анархист из американского «Фрайе Арбейтер Штиме» - некий Яновский, который впервые, в дни, после убийства С. Петлюры, так сказать, в дни еврейского национального пафоса, к которому приобщались из одной чаши и правые и многие левые, отлично знающие прямых погромщиков, гуляющих по европейским столицам, но предпочевшие из косвенного виновника еврейских погромов, сделать прямого и через его смерть крикнуть миру о вопиющей, пережитой частью еврейского народа трагедии на Украине, - в эти дни упомянутый Японский писал о нас, махновцах, в своем «мнении об убийстве С.Петлюры» на страницах анархического органа: «Конечно, обвинять Троцкого за учиненные красной армией еврейские погромы нельзя... В еврейских погромах повинен не один Петлюра. Банды под руководством Махно тоже повинны в пролитии еврейской крови».

Не знаю, для кого и как звучит мнение Яновского, которое, как известно, появилось в дни, когда во Франции чуть ли не каждый еврей хотел быть мстителем за свой народ, без различия - кому мстить. Когда, чуть не каждый задумывался над тем, чтобы стать «героем» Шварцбардом, - я вижу в этом «мнении» Яновского ту же провокаторскую сущность, которая, правда, различна, по сравнению с Кубанинской. У него сущность эта звучит как мнение человека, возомнившего о себе, что о «мнениях» на счет «махновских погромов» история не найдет правды и не отметит того, насколько подлы человеческие натуры, которым ничего не стоит трепануться на расстоянии, издалека, о том, кого не знаешь, и замолчать. Наоборот, у Кубанина эта сущность звучит нескрываемой враждою противника, задавшегося целью оплевать все махновское движение, с ясным сознанием, во имя чего, при том, - сознанием, настолько сильным, что, если бы нашлись сподручные наемники убить Махно, он не прочь был бы воспеть их, чуть ли не с указанием своей партии, что все случилось благодаря меткости его пера и криводушничанья перед историей об отношении Махно, как такового, к погромам и погромщикам, кто бы они ни были.

По поводу разгрома еврейской колонии «Горькой» я уже говорил в своей статье «Махновщина и антисемитизм» в «Деле Труда» № 30-31. Конечно, тогда я и не подозревал, что у

большевиков, кроме писателей-сменовеховцев - Вересаева, Пильняка и других, много лгущих русским труженикам о Махно и махновщине в своих писаниях, найдутся свои партийные люди, которые обойдут правдивые документы об отношении Махно и махновщины к еврейским погромам. Теперь же то, что я меньше всего ожидал, я вижу у Кубанина на страницах его книги. И я говорю:

Совершенно неверно в утверждении Кубанина, что Дыбенко требовал от меня наказания т. Дерменжи за устройство погрома. 1) Когда убийство еврейских семей в колонии Горькой случилось (это было в ночь под 12-ое мая 1919 г.), я командовал уже дивизией и подчинялся в оперативном отношении не Дыбенко, а штабу 2-й красной армии непосредственно и, следовательно, Дыбенко ни в каком случае не мог предъявлять мне своих требований. 2) Т. Дерменжи - этот честный, безымянный революционер еще с броненосца «Потемкин», в 1919 г., не был членом моего штаба и родом он не из с.Ново-Успеновки, успеновцами, вышедшими из строя армии на месячный отдых по смене их другими бойцами, не мог руководить, да еще в учинении погрома. Дерменжи, будучи начальником полевой телефонной и телеграфной связи, из линии боевого фронта не выходил и не мог быть даже возле колонии, т. к. фронт находился от этой колонии на 75-90 верст впереди. Наконец, 3) участники разгрома колонии Горькой - все 15 человек, во главе с волостным комиссаром, по моему распоряжению, в тот же день были разысканы и переарестованы.

Всех их судила особая комиссия из пяти человек - из 3 повстанцев-махновцев, комиссара от политбюро красной армии т. Петрова и информатора, при Петрове некоего Николая Чубенко (брат анархиста Алексея Чубенко).

Комиссия решила, было, отправить всех участников в разгроме колонии Горькой на фронт, где бы они искупили свою вину храбростью в борьбе с Деникиным. Но, так как решение комиссии подлежало моему просмотру, то я, ознакомившись с ним, с решением комиссии, не согласился я и настоял на пересмотре этого позорнейшего дела, совершенного на освобожденной земле, с моим участием, как докладчика по существу самого дела и относительно тех, кто его совершил. Дело было пересмотрено. Во время моего выступления перед комиссией, я настаивал на расстреле всех главарей среди этих 15 чел., разгромивших колонию. Мои мотивы были мотивами революционера-анархиста, сознававшего свою идейно и организационно руководящую и ответственную роль на посту прямых дел миллионного украинскою революционною

крестьянства. Они мною изложены были 13 мая на заседании комиссии по разбору этого дела и перед собранием гуляй-польских крестьян в момент, когда совершивших разгром колонии повстанцы усаживали на автомобиль, чтобы вывезти на окраину Гуляй-Поля и убить их, как убийц, рвавших и топтавших невинные жизни еврейских семей колонии Горькой.

Тяжелый был этот акт, но в обстановке той действительности, в которой нам, махновцам, приходилось действовать, он был к месту, и о нем знали и мои друзья и враги. И только еврейским общественным и политическим дельцам в СССР, как и по заграницам, и Кубанину об этом почему-то до сих пор не известно. И они, и он позорнейшим образом измышляют разного рода гнусности об антисемитском и погромном характере махновщины и поощрении всею этого самим Махно, приписывают чужие преступления лучшим крестьянским революционерам и всюду с утонченным иезуитским мастерством лгут на них.

Правда, Кубанин, чувствуя, видимо, себя человеком, по достоинству партией избранным и призванным написать - в лице его книги «Махновщина», документ к изучению истории Октябрьской Революции и своей партии, спешит, на стр. 165-й, отделаться от этой сознательной лжи своей на т. Дерменжи, следующим заявлением:

«Все же, не смотря на эти одиночные факты, все движение в целом не являлось антисемитским... В махновской армии не было также грандиозных погромов, которые организовывала в этот период петлюровская армия, по прямому распоряжению своего командования».

Спрашивается, почему гр. Кубанин прибег в последнем случае к передержке того, в чем сам, несколько строк выше, нас обличал?

Все это ему понадобилось в данном случае для того, чтобы искусственно разделить и более грязно очернить революционный дух и связанный с ним трудовой характер махновщины в последующие за 1918 и 1919 гг., - годы ее деятельности. Это ему понадобилось, чтобы, с одной стороны, показать читателю свою объективность, а с другой стороны, чтобы легче катиться самому и звать катиться за ним других по неверным, ложным путям к изучению махновщины и ее роли в Революции на Украине. К этому он идет через следующую басню:

«Но совершенно иначе (читай - чем в 1918-19 г. Н.М.) обстоит дело в 1920 году, когда надежды на создание своей обособленной махновской республики были разбиты и из махновской армии уходят разочаровавшиеся движением идейные представители анархизма - Барон, Марк Мрачный и т. д.

В 1920-м году махновский штаб, во главе со своим руководителем, обращается лицом к украинской шовинистической интеллигенции. Оставшиеся в армии анархисты во главе с Аршиновым и Д.Поповым (бывш. эсером) слабы, чтобы противостоять напору шовинистической идеологии, завербовавшей себе сторонников в значительной части штаба, во главе с женой Махно»...

Большей глупости уже не нужно, чтобы верить сказкам и по ним определять обращение штаба махновщины лицом к шовинистической интеллигенции, слабость анархистов бороться с напором шовинистической идеологии, во главе с женой Махно и т.п. Однако, у большевистского писателя, действующего на пути изучения истории Революции и своей партии, и глупость сходит за серьезный критический ум в разборе серьезных дел. Он ее комбинирует по указаниям и в интересах своей партии так, что она в глазах не одного даже нейтрального читателя может приобретать историческую ценность.

На каком же основании эта глупость большевика является бесценностью в наших глазах, - видно из нижеследующего:

Социальная природа махновщины основана на классовых антагонизмах современности с революционно-анархической точки зрения. Целями Махновщины на пути революции были - реальная свобода и независимость трудящихся как в делах развития революции, так и в делах строительства на ее пути нового общества, во внутреннем состоянии которого, с точки зрения махновщины, все люди должны быть свободны и равны между собой. Все они группируются между собою, независимо от опеки государства и его полицейских институтов, в союзы-коммуны согласно своим наклонностям, интересам и общественным и личным надобностям. И все сообща с сознанием ответственности за нарушение общественного и личного благополучия всех и каждого в стране, обеспечивают свободу и социальную справедливость в равной мере и степени за всеми, за каждым отдельным человеком.

На этом пути, и в жажде привить широкому, трудовому украинскому населению живые ростки этого идеала, махновскому штабу во главе с его руководителем, не зачем было обращаться лицом к шовинистической интеллигенции. Авангардом махновщины, как социально-революционного движения широких украинских трудовых масс, были крестьяне, рабочие и та часть трудовой интеллигенции, которая в украинско-русской действительности не пошла за течением контрреволюции, которая сознавала за крестьянами и рабочими право на изгнание из их тела бездельников-паразитов и которая считала своей

прямой обязанностью помогать крестьянам и рабочим в их прямой борьбе за воплощение этого права в практику жизни и деятельности социальной революции, - этого единственно реального средства для освобождения человечества.

А Кубанин берет факты из стремления Махновщины добиться от большевизма широкой автономии местности, и перефразирует их в своих партийных интересах, благодаря чему он только глубже залез в, частью чужую, частью же им самим выдуманную ложь.

То же самое с ним, Кубаниным, творится, когда он утверждает «о разочаровании и уходе из махновской армии идейных анархистов - Барона, Марка Мрачного (Барона Совет движения Махновщины попросил удалиться из его состава, и он уехал себе в Харьков, а Марк Мрачный никогда в Движении не был - Н.М.) и т. д. (читатель под этим «и так далее» должен разуметь пустое место - Н.М.) и слабости оставшихся анархистов в армии, во главе с г. Аршиновым и Поповым, чтобы бороться с «напором» шовинистической идеологии, завербовавшей - по выражению Кубанина - значительную часть штабных, во главе с женой Махно.

Я заявляю, что Кубанин залез по уши в ложь и здесь, потому что для меня и для всей руководящей махновским движением крестьянской группы анархистов-коммунистов известно, что т. Аршинов, как и большинство русских и украинских анархистов того времени, жил нелегально где-то в городах. А когда он прибыл в армию, тогда т. Попова в армии не было, - он был делегирован с т. Куриленко в Харьков в качестве временного представителя от армии махновцев при реввоенсовете южного фронта.

Что же касается жены Махно, то я должен сказать, что она, будучи человеком совершенно не политическим, ни к каким политическим группировкам ни до революции, ни во время революции не принадлежала и мало разбиралась в их целях и, тем более, в их коренных идейных расхождениях и взаимной борьбе. Она в штаб не входила и со стороны никакого идейно-политического влияния на моих помощников оказывать не могла, даже, если бы она действительно была в то время сторонницей петлюровской или какой либо другой формации шовинизма и стремилась бы к тому, чтобы формулировать ее и поддерживать среди бойцов армии.

Но такой она не была и к этому не стремилась.

IV. ДНЕВНИК ЖЕНЫ МАХНО. ПОКАЗАНИЯ «ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ» МАХНОВЩИНЫ. ПОКАЗАНИЯ «ТЕОРЕТИКА» ЕДИНОГО АНАРХИЗМА НЕКОЕГО ВОЛИНА (ПО КУБАНИНУ) БОЛЬШЕВИСТСКИМ ВЛАСТЯМ ПРИ АРЕСТЕ ИМИ ЕГО

Как известно, у большевиков, судя по их заявлениям, имеется дневник «жены Махно». Дневником этим большевики пользуются так, как это оправдывается их целями и задачами, связанными с тем, чтобы как можно чернее представить перед массами махновщину и ее руководителей, как можно грязнее запятнать ее и, тем самым, нанести ей, прежде всего и главным образом, удар с идеологической стороны, как революционно-освободительному антигосударственническому движению украинских трудовых масс. Пользуются большевики дневником этим под различными авторскими именами.

Так, например некий Я.Яковлев, автор известной по своей лживости, направленной против анархизма, брошюрки «Анархизм в Великой Русской Революции» пользуется этим дневником, как документом жены Махно - Феодоры Гоенко. А М.Кубанин меняет годовую дату этого же самого дневника и пользуется им, как документом жены Махно -Галины Кузьменко.

Я лично знаю, да знают и мои близкие, и сама Феодора Гоенко знает, что она женой моей никогда не была. Только преступно-политический авантюризм большевиков мог толкнуть их на то, чтобы приписать мне Феодору Гоенко в жены и использовать этот злополучный «дневничок» под ее именем против меня лично и против целого движения, - использовать его под этим авторским именем для того, что бы затем самим же заменить это имя другим, без всяких пояснений; вместо пояснений, они поставили другую, на год более позднюю дату о происхождении этого «дневничка», чуть не с прямым призывом к читателю: смотри, это новый документ против Махно и махновщины. Его автор -новая «жена» Махно - Галина Кузьменко.

Такое, поистине антиреволюционное, партийно-жульническое поведение большевиков в их передержках и разного рода подтасовках в данном вопросе, с данным «дневничком», определенно говорит за то, что они, большевики, получив «дневничок» этот в свои руки, менее всего думали о его глупом содержании, о том, чтобы выяснить, - кому он в действительности

принадлежит, кто его автор. Они решили использовать его худшие стороны со своими красками, поэтому, не стыдясь самих себя, постарались выдумать ему автора в лице, наиболее близком к Махно. Не зная имени и фамилии жены (по их выражению) Махно, они напали на имя Феодоры Гоенко и, экспромтом, окрестив ее женой Махно, приписали ей этот злополучный «дневник».

Держась этих своих партийных целей, большевики, конечно, не задумывались ни над тем, чем была Махновщина в действительности, какую роль она играла в общем процессе Великой Революции, в защите этого процесса (и при каких условиях!) от контрреволюции. Не трогали их и их союзы с этим движением, и их преступления в отношении к самому процессу революции. Их захватила и воодушевила глупость в этом «дневничке» и то, что автор его (это видно из выдержек, представленных нам большевиками) делал в нем свои записи не только без рассуждений, но и без точной осведомленности обо всем том, что он записывал сюда. На этой глупости «дневничка» большевики решили и до сих пор ездить.

Такое поведение большевиков в данном случае обнажает перед нами то, что в их верхах в отношении Революционной Махновщины всегда отсутствовали и революционная честь, и партийная ответственность. Отсутствие последних в жизни и деятельности большевистских верхов именно и помешало им постараться о том, чтобы снабдить свою партию вообще порядочностью, в частности, и для обсуждения этого глупого «дневничка» «жены» Махно. А это ведь было нужно, раз уж они решили кричать об этом «дневничке», писать всевозможные выдержки, якобы из него, в своей прессе, давать их разного сорта рассказчикам и баснописцам и по ним «изучать» махновщину и ее роль в Революции.

Однако, вернемся к существу самого «дневничка» или, вернее, к выдержкам из него, которые М. Кубанин, следуя за Яковлевым и другими своими товарищами, представляет нам в своей книге «Махновщина». О них я именно и считаю долгом кое-что сказать.

Первое. Я категорически заявляю свое опровержение того, что большевиками цитируется, якобы из этого же «дневничка», что будто бы я, руководя таким грандиозным движением, как революционная махновщина, имел привычку напиваться допьяна, ходить по селу или деревне с гармонией, наигрывая на ней на утеху себе и жителям. Я на гармонии не играю и никогда в жизни не играл, хотя и люблю послушать ее, когда на ней играет хороший мастер.

Еще с большей категоричностью я опровергаю то, что (опять таки согласно дневничка) большевики утверждают, будто бы повстанцы махновцы - эти безымянные революционные борцы-добровольцы в армии движения Махновщины - получали жалование по 1000 руб. или вообще жалование.

В. Революц. повстанческой армии Украины (махновцев) жалование повстанцам практиковалось большевистским командованием, когда мы сообща держали фронты революции против Белого Дона и Деникина (весною 1919 г.), и когда большевики старались жалованием убить в повстанчестве дух добровольчества и вольности и разложить его или перетянуть на свою сторону под непосредственное свое командование.

На съезде повстанцев и их командования в г. Мариуполе по вопросу о жаловании, я сделал доклад, и повстанчество сурово осудило принцип жалования и никогда им не пользовалось и не поддерживало восстановления его.

Не знаем мы, махновцы, также и таких случаев, чтобы один из преданнейших движению, один из лучших моих помощников в руководительстве им - Семен Каретник напивался допьяна и специально по пьянке садился на первый попавшийся пулемет, когда части стоят на отдыхе, и палил из него по месту расположению или по деревне.

В практике Семена Каретника, как и у всех моих помощников вообще, которые погибали на своем посту и заменялись другими, было правило, унаследованное ими от меня: *Будучи на руководящем боевом посту, ни на кого целиком не полагаться в вопросе о состоянии вооруженных единиц, перед выступлением в поход. Всегда осмотри их, проверь сам.* Особенно, правило это практиковалось у нас в отношении тех пулеметных единиц, которые во время переходов и походов, должны были следовать вместе со мной в авангарде всех сил армии. Семен Каретник в таких случаях обязательно проверял эти единицы, в особенности в зимнюю пору, когда слабое охлаждение в них могло замерзнуть. Проверял он их потому, что хорошо знал меня, что я, идущий далеко впереди армии, на случай встречи с врагом, не буду поджидать главных сил армии, а по чисто боевым соображениям, чтобы не дать врагу своевременно осмотреться и подготовиться, согласно своему и нашему положению, брошу свои части на него, хотя бы это стоило больших жертв в начале схватки именно нам, а не врагу...

Вот в этих то случаях Семен Каретник проверял обыкновенно пулеметы путем прострелки из них по пяти и десяти патронов, часто сам. Номера их только смотрели на него и, когда нужно, помогали ему.

При таких случаях автор дневничка, оказавшегося удобным подспорьем большевикам, для их «изучения» и «определения» революционной Махновщины, мог записать действия Семена Каретника, притом записать их без проверки или же с бессознательным злым умыслом, рассчитанным так себе, на всякий случай, на предполагавшихся неудачных практических результатах будущего в задачах движения Махновщины.

Во всяком случае, я лишний раз подчеркиваю то, что эти положения этого злополучного «дневничка» «жены» Махно ни в основе, ни в деталях своих, не содержат никакой истины, - они ложны. Фальсификаторская причастность к ним большевиков очевидна, в противном случае они давным-давно положения эти сфотографировали бы и через печать дали бы их нам, благодаря чему можно было бы увидеть в подлинном свете ложь или их самих или же автора «дневничка». Но именно то обстоятельство, что большевистские верхи за 10 лет своего царствования в стране привыкли действовать успешно против своих подданных (силами и средствами фальсификации), - это обстоятельство не позволяет им сфотографировать именно эти положения «дневничка» для печати, ибо они их наполнили своими выдумками, ложью, без которой бороться с нами они не могут. Это то, что делало их всегда лгунами в глазах широкой трудовой украинской крестьянской массы, которая определенно дала им, большевикам, имя «лгуны».

И это не из-за общей ненависти к их партийному политическому деспотизму. Нет, массы не впервые видят большевиков за ложью против махновцев и они так в их сообщениях изверились, что не верят уже им, когда они иногда пишут правду о чем или о ком-нибудь.

Мне из Украины сообщают, что в большевистской прессе появились сообщения, что ты живешь во Франции, а крестьяне, читая их, говорят: лгут большевики. Батько Махно ближе, он в Румынии и скоро переберется на Украину к нам...»

Это крестьянское недоверие к большевистским, в данном случае, правильным сообщениям, характеризует то, как большевики вообще в своей клеветнической кампании против меня и движения Махновщины заврались перед трудовым украинским крестьянством.

Далее, гражд. Кубанин вводит в свою книгу «списочек», поданный большевистским властям, якобы, «представителями» Махновщины, какими - неизвестно.

Содержание его следующее:

«11-XII-1920 г., в селе Андреевка, по распоряжению Махно было изрублено до 30 человек отряда из комнезаможников и

сотрудников Бердянской «чека».

«14-III-1921 г., в Мелитопольском уезде, в с. Рубашевка, по распоряжению Зиньковского и жены Махно, убит комнезаможник и три милиционера.

«30-III - в селе Вербовое Больше-Токмакского уезда, по распоряжению Зиньковского и Галины (жены Махно) убит один предкомисзаможных и два совработника... »

Из этих трех пунктов «списка», я первый пункт оставляю в стороне; так как к нему я вернусь специально.

На второй пункт, именно от 14 марта 1921 года, и на третий пункт от 30 марта, скажу, что они ложны, потому что они составлены на стержне от действий той группы повстанческих войск, при которой находился Зиньковский и жена Махно (читай - члены следственной комиссии -

Н.М.).

10 марта ночью Галина Кузьменко, вследствие усталости, осталась на отдых в одной из немецких колоний, возле Новоспасовки и, следовательно, не занималась делами комиссии 14 марта.

14 же марта, сводная группа повстанческих войск приняла лихую контратаку против 9-й красной кавдивизии под местечком Комары Мариупольского уезда.

Это расстояние более 100 верст от с. Рубашевски Мелитопольского уезда. В этой, руководимой мною непосредственно, контратаке (красному командованию это хорошо известно), я был тяжело ранен, и Зиньковский, как начальник личной моей охраны, в это время находился при мне. Следовательно и в комиссии не разбирал никаких дел, а тем более на 100 верст от меня.

То же самое должен сказать и о третьем пункте списка. 30 марта группа находилась в районе Гришино-Изюм. Галина Кузьменко в Новоспасовке на отдыхе. Это тоже расстояние, отделяющее одно место от другого на добрых 120-140 верст. Прямого телефона между ними не было, чтобы армейская следственная комиссия сговаривалась с Галиной Кузьменко по своим делам. Так же самое и при Кузьменко не было партизанского отряда, который летал бы на крыльях из Новоспасовки в село Вербовое, расстояние между которыми в 69, приблизительно, верст, и мог принести ей оттуда предкомнезаможных и совработников, чтобы она, сговорившись с Зиньковским, местопребывание которого она каждый день не могла знать, и вместе с ним распорядились бы убить этих совработников...

Из этого факта явствует то, где и кем эти пункты «списочка»

составлены. Однако Кубанин в них усмотрел (вероятно но приказу Г.П.У.) отношение Махновщины к труженикам деревни и города и подчеркивает, что это и есть «отношение кулаков к активно выступавшей против них бедноты... »

И чтобы не быть голословным, чтобы прикрыть свою партийную подлость он тут же возвращается опять к дневничку «жены» Махно (о котором в начале главы я уже говорил, что Яковлев пользуется им, как документом «жены» Махно Ф.Гоенко и за 1920 год, а М.Кубанин пользуется им как документом «жены» Махно Г.Кузьменко и за 1921 год) и говорит: «сухо и деловито об этом описывает жена Махно в своем дневнике»:

«23 февраля 1921 года, рано утром, часов в 10, наши хлопцы захватили двух большевистских агентов, которые были расстреляны».

«25 февраля. Переехали в село Маерское. Здесь поймали трех агентов по сбору хлеба, их расстреляли»... и т. д.

Об этих пунктах «дневничка» «жены» Махно (как большевики выражаются) я скажу одно лишь: будет благоприятное время для выпуска в свет моих полных записок, я восстановлю в них с точностью почти, что день за днем, конец 1920 и - до осени 1921 г. факты о действиях и местностях, которые, где и в каких формах были проявлены главными силами революционно-повстанческой армией Украины (махновцев), в отношении большевистских агентов, шпионов и провокаторов, вообще, и к войскам красной армии, в частности. Теперь же я считаю лишь себя морально в праве сказать гражд. Кубанину, что он разнуздался в пользовании злополучным «дневничком» настолько, что свалил все в нем в одну кучу своих грязных замыслов против движения Махновщины и, в частности, против меня лично. В феврале месяце 1921 года, в с. Маерском повстанческие войска, в особенности из главных их сил, при которых я всегда находился со штабом, ни одного раза не останавливались. Повторяю: здесь умышленное спутывание времени, спутывание, которое «красное» командование красных войск, сражавшихся в эти месяцы против руководимого мною революционного повстанчества, при желании восстановить историческую правду, не выгодную для лживого Кубанина, может то же самое подтвердить, ибо ему хорошо известно то, в каких районах оно концентрировало силы красных армий для окружения армии повстанцев-махновцев и где именно в эти февральские дни 1921 г. главные части революционного повстанчества и части красных армий взаимно рубились.

Итак, я возвращаюсь к самому существенному:

Отрицали ли когда-либо повстанцы-махновцы то, что они на своем пути уничтожали иногда большевистских агентов по

продразверстке, а также милиционеров и председателей комнезаможных? - Я заявляю -нет! Повстанцы-махновцы никогда этого не отрицали и не намеревались отрицать. Наоборот, они всегда говорили - да, мы агентов по продразверстке убивали, да - мы председателей комнезаможных кое-где на своем пути расстреливали, как расстреливали мы так же и только кое-где и милиционеров. - Но расстреливали мы их совсем не за то, что они агенты по продразверстке, председатели комнезаможных и милиционеры из рядов бедноты. Махновцы сами представляли сплошную бедноту. Да и не из одной бедноты составлялись и состоят агенты большевистской диктатуры. Мы уничтожали иногда всех этих агентов только за их гнусное издевательство над трудовой частью населения деревни, за их провокаторскую роль в деревнях в отношении тружеников, относившихся отрицательно к насилию и грабежу власти вообще, как таковой. За выслеживание и указание чекистским отрядам, лежавших по деревням, раненых и больных махновцев и сочувствовавших Махновскому движению тружеников-крестьян, мы их уничтожали.

Для общества зарождавшегося и «расцветавшего» под пятой чекистов, нужны были провокаторы. А трудящимся, увидевшим, что провокаторы - это зло, они не нужны были. Они провокаторов ненавидели, а последние им мстили, выдавая их за злостных врагов революции в лапы наезжим чекистским отрядам, которые их сразу же хватали и, способных к ношению оружия, убивали и выбрасывали где-либо в поле, в канавы или запирали в тюрьмы и там уничтожали, не заботясь о восстановлении того, насколько эти труженики деревни были активны в своем сочувствии махновскому движению. Наоборот, вместо выяснения этого, чекистские отряды, будучи обмануты властью партии, еще более стервенели и вслед за уничтожением старшего члена семьи, конфисковали все ее имущество и сжигали двор.

За предательство и разного рода провокацию махновцы не щадили ни богатых, ни бедных. И это потому, что с точки зрения Махновщины, какое бы новое общество ни строилось на месте современного прогнившего рабством общества, - все равно - новому свободному обществу предатели и провокаторы не нужны. Свободному обществу нужен труд и всестороннее для всех и каждого, затрачивающего на этом пути свои силы, одинаково равное право участия, как в построении этого общества, так и в пользовании всеми достигнутыми через него благами его.

Большевики же наоборот, представляли себе, что строить новое общество не должны все жители политически подвластной им страны, но пользоваться его благами полностью могут только они - их партия и ее послушники, рабы. Это сугубо ложное

представление об идее рабочего социализма-коммунизма, которой большевики все время революции прикрывались, привело их к тому, что для жизни системы их большевистско-коммунистического общества, по крайней мере, в процессе ее оформления и развития, нужны предатели и провокаторы. И большевики в русской революции, будучи организованно сильными, а идейно хорошими иезуитами, быстро сделались рассадниками на теле революции нужных их власти предателей и провокаторов. За счет деятельности провокаторов они, большевики, как сила государственной власти, опутали всю бедноту. Следовательно, поскольку мы боролись с большевистской системой власти, мы боролись и с ее носителями, с агентами этих носителей и со всей их вооруженной защитой. Однако в своей борьбе с ними мы не знаем таких случаев, чтобы всех их подряд хватать и группами или в одиночку, ставя под пулеметы, расстреливать. Между тем мы имеем данные о том, как большевистские отряды хватали крестьян-махновцев и расстреливали именно в таком порядке, даже когда эти крестьяне складывали перед ними свое оружие.

Повстанцы-махновцы арестовывали большевистских агентов - милиционеров и председателей комнезаможных, - чаще всего, по заявлению населения на них, как на врагов его прав на свободу и независимость. И то мы через следственные комиссии обыкновенно опрашивали арестованных и трудовое население о том, что эти агенты большевистской диктатуры делали против него в данной местности. И арестованные освобождались нами с предупреждением, что, если второй раз на этом посту за этим гнусным, противореволюционным делом они нам попадутся, то они будут расстреляны.

Бывали случаи когда захваченные большевистские агенты расстреливались тотчас же, когда были опрошены штабом, но к этому элементу относились только военные контрразведчики агенты карательных отрядов и их органов.

Гр. Кубанин утверждает, что в с. Андреевке 11 декабря 1920 года были расстреляны по моему распоряжению Бердянские чекисты с отрядом до 30 человек комнезаможников. Но я знаю, что 11 декабря

1920 года, я, с главными силами перешел через Алексеевку-Берестовая и остановился в с. Новоспасовке. А 12 декабря занял г. Бердянск и лишь к 11 декабря я занял с. Андреевку, где никакой отряд нам не попадался в это время. Здесь был бой с 42 и 40 дивизиями красной армии, в результате которого (красному командованию это хорошо известно) махновская пехота и кавалерия атаковала и пленила 42 дивизию целиком, а 40 на

половину, и, обезоружив их, ночью ушла и с. Каинские-Раздоры, где также захватила все снабжение 12 пехотной и 9 кавалерийской дивизии и остановилась на отдых.

Но что же за чушь городит после этого гражд. Кубанин, опять спросит меня читатель?

Кубанин, в данном случае, сознательно лжет, чтобы затушевать перед трудящимися преступление бердянского чекистского отряда, который Кубанин называет отрядом комнезаможников и который по распоряжению моему действительно был окружен в с. Андреевке весной

1921 года и уничтожен.

История этою отряда такова. Он всю зиму и весну 1921 г. разъезжал по уезду и вылавливал лежавших по селам и деревням раненых махновцев. В одной из своих очередных облав в с. Новоспасовке отряд этот наткнулся в одном доме на жену старого повстанца, у которой в люльке находилось нескольких месяцев от роду дитя.

Забиравшие мать этого младенца на двор, чтобы поставить ее к стенке и убить, пьяные чекисты самого младенца не взяли, и лишь когда приготовились убивать его мать (за то только, что она жена повстанца-махновца), они вспомнили, что есть еще дитя. Они быстро вынесли этого младенца из дому и дали матери на руки.

Волнуясь и рыдая за судьбу младенца, мать его крепко прижала к своей груди. В это время зоркий глаз начальника чекистов приказал стрелять в нее и в младенца. В результате - залп и мать упала с разорванным пулями своим младенцем.

И начальник, и рядовые бердянские чекисты, оставив их лежать возле стенки сарая, ушли со двора. Но соседи их подобрали... И оказалось, что мать тяжело ранена в грудь, а только дитя разорвано пулями. Факт этот ничем большевики опровергнуть не смогут.

Получив сведение об этом злодеянии бердянских чекистов в с. Новоспасовке, я распорядился выделить особый отряд из группы т. Куриленко и во что бы то ни стало словить отряд чекистов.

Долго т-щу Куриленко не удавалось поймать этот чекистский отряд. Но вот в этот район заехала сводная группа повстанческой армии под командой т. Петренко, при которой находился в это время я и штаб движения. Петренко узнает, что отряд бердянских чекистов находится в районах Андреевка-Поповка. Я сделал распоряжение одной из частей этой сводной группы сделать ночной переход в направлении точного местонахождения этого чекистского отряда и во что бы то ни стало словить его.

Отряд бердянских чекистов был настигнут на рассвете под селом Андреевка и в этом же селе, спустя час, был атакован, и на улицах Андреевки был почти весь перебит.

Я лично участвовал в окружении этого отряда, а затем и в атаке на него. Живыми из него попались нам лишь считанные хитрецы, прятавшиеся от повстанческих сабельных ударов, рассчитывая, что мы их примем в свои отряды, и они, таким образом, спасут свои подленькие продажные душонки, а при удобном случае, очутятся снова в Бердянске в Чека. Я сам выслушивал из уст этих людей сведения об их действиях вообще по району против махновцев и сочувствующих махновцам крестьян. А когда им было заявлено, что мы ведь не махновцы, мы буденовцы, атаковали их, думая, что они махновцы, и в подтверждение этого обратили их внимание на буденовские шапки и звезды на атаковавших их бойцах - то эти чекисты совсем распоясались и подробнейшим образом рассказали нам об их бандитских злодеяниях в с. Новоспасовке, коими они и их друзья разорвали и топтали жизнь нескольких месяцев от роду дитя, вместе с его матерью, только за то, что его отец был повстанцем-махновцем, не преклонившимися перед ложью ленинизма из-под знамени чекистов в худшем смысле этого слова; перед ложью, которой чекисты, следуя заветам полиции вообще, хотели и стремились заразить все крестьянство и, таким образом, отравить его ядом преступной власти. Но не смогли. Отец разорванного дитяти был упрямый мужик в своем дерзании бороться и жить, жить и бороться во имя своей и других свободы и независимости, которые сами же большевики вместе с нами поддерживали первые месяцы Революции в городе, а в это время уже топтали их.

Суд и над этими попавшимися нам живыми, в атаке не изрубленными негодяями, был краток. Они были тут же на улицах с. Андреенки перебиты. Но Кубанин бесчестно старается отвести в сторону себя и самый отряд от времени его действий в с. Новоспасовке. Он описывает акт его уничтожения, как акт кулаков, направленный против бедноты.

Я, лично, сомневаюсь, чтобы в большевистской «ч-к», вообще, и в бердянской и ее отряде, в частности, были сплошь комнезаможники, беднота. Но если допустить, что это так - отряд бердянской чрезвычайной комиссии, уничтоженный отрядом революционных повстанцев-махновцев, состоял исключительно из бедноты; то к такой бедноте, за такие ее преступления, какие она науськиванием и руководительством партии большевиков совершала по отношению к бедноте же, не признавшей за большевизмом-ленинизмом права водворять свои принципы в ее жизнь произвольно, путем физического уничтожения

инакомыслящих, большевики, о целях и практических задачах Революции;

за какие преступления этой части бедноты, другая, не пошедшая за большевизмом-ленинизмом часть бедноты, должна была быть беспощадна к ней. Беспощадность эта диктовалась и диктуется все-таки самой жизнью и на том основании, что беднота вся, как класс трудящихся, признана всеми революционерами, всей лучшей частью культурного человечества, той силой, через здоровый путь культурного и технического развития которой только и можно добровольно достигнуть побед в Революции, на пути практической замены эксплуататорского буржуазно-капиталистического общества - свободным обществом тружеников. А беднота, на силу которой обращаются все взоры, как силу прямо заинтересованную и неизменно преданную делу освобождения всех и каждого человека на земле, беднота, на которую возлагается такая великая историческая миссия, как играть роль освободительницы, а не поработительницы человечества, не должна разъединять свои силы по прихоти партии. Беднота, как класс трудящихся, должна уметь не только сохранить силы своих рядов, но и уважать и защищать в них принципы жизни, и в первую очередь из них - принцип свободы и равенства мнений.

В Великой Русско-Украинской Революции партия большевиков сознательно топтала эти принципы, а обманутая и порабощенная ею беднота топтала их бессознательно. А это то, что привело их вместе к тому, что они, мало над чем задумываясь, продолжают топтать их и до сих пор, когда жестоко борются со всеми, кто осмеливается протестовать против этого. Анархисты и шедшая за ними беднота первые восстали против иезуитизма большевиков по отношению к принципу свободы и равенства мнений в жизни Революции. Они первые же и подпали под опалу партии большевиков и ее власти. С ними первыми большевики начали бороться так, как мир социалистических идей никогда в своих учениях не помышлял. Только большевики нашли методы искусственно создавать против своих вчерашних друзей преступления и по ним обвинять их и уничтожать...

Естественно, что на вызов - были ответы. Это создало тяжелую атмосферу среди трудящихся. Но трудящиеся с той и с другой стороны не были к создавшемуся положению равнодушны. В разрешении его они принимали участие. Именно это и создало то, что беднота под знаменами революционной Махновщины так жестоко отвечала на каждый удар по ее целям в Революции, по ее жизням в защите этих целей, со стороны обнаглевшей большевистской власти, - своими ударами.

Одним из этих ответных ударов махновцев в сторону сил большевистской «чека» именно и был удар по бердянскому чекистскому отряду из комнезаможников, как Кубанин это сам подчеркивает.

Я, лично, не отрицаю жестокости в этом ударе повстанцев-махновцев по бердянским чекистам, но он был вызван худшими ударами со стороны чекистских отрядов и красной армии по повстанцам-махновцам, по широкой, крестьянской, трудовой массе, поддерживавшей идеи Махновского движения, по ни в чем не повинным детям этой крестьянской массы.

Далее, гр. Кубанин касается в своем сочинении махновской контрразведки. Он не говорит, конечно, что контрразведка в махновской армии была органом, обслуживавшим только армию, только ее опер. задания в революционной борьбе. Наоборот, он силится доказать, чти махновская контрразведка была органом на подобие их, большевиков, В.Ч.К., но несравненно худшим по своим действиям. И как на наиболее веские доказательства этого, он ссылается на показания о махновской контрразведке «теоретика» набатовского анархизма Волина (В.Эйхенбаума) следователю ревтрибунала красной сов. армии № 14 во время его ареста.

Подлинные эти волинские показания, по книге Кубанина, следующие:

«По поводу злоупотреблений, чинимых контрразведкой армии Махно, - говорит в своем показании следователю ревтрибунала 14-й советской армии Волин, - я ничего не знаю; но ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задачи культпросветительной работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки. Все же беспрерывные жалобы принудили меня предложить реввоенсовету создать комиссию по выяснению дел, возникающих между населением и контрразведкой. Из-за контрразведки у меня были конфликты с Махно и с тем же Зиньковским. Для меня контрразведка была ужасом, и я делал все зависящее, чтобы прекратить чинимое ею».

Таково (по Кубанину) показание Волина большевистским властям. Несмотря на сходство стиля и выражений в этом «документике» с волинскими, я, лично, сомневаюсь все-таки, что это есть показание Волина. Я знаю Волина и знаю, на что он способен, однако, думаю, что Кубанин занимается фальсификацией в отношении его. Мне почему-то кажется, что Волин не настолько жалок, чтобы мог, попавшись в лапы

большевистских властей, сделаться таким подлым субъектом и так подло информировать эти власти о контрразведке, услугами которой он всегда любил пользоваться, будучи в армии махновцев. В сопровождении лучших из контрразведчиков в махновской армии, Волин уехал и ноябре 1919г. из армии на район, где и сдался в плен именно 14 красной армии. Более того, Волин за счет контрразведки армии махновцев завоевал или, по крайней мере, пытался завоевать, у главарей большевистского екатеринославского губнаркома репутацию себе. Ведь это он, Волин, приводил главаря большевистского, некоего

Орлова, ко мне в кабинет и просил вместе с ним меня выдать от имени штаба армии, за моей подписью, Орлову мандат на извлечение большевиками раскрытых в особняке князя У-ва, сбежавшего в стан дениковщины, каких-то ценностей и больших денежных сумм, на идейные нужды большевистского губернского комитета. Этот же самый Волин просил меня вместе с Орловым распорядиться по контрразведывательным отделам армии, чтоб они или приняли участие по извлечению всего этого или же были в курсе дела, что в этом особняке будут работать именно большевики, а не деникинские агенты и чтобы их не заподозрили, вместо деникинских агентов, и не схватили...

Тогда я категорически отказался выдать им, Орлову и Волину, выпрашиваемый у меня мандат за моей подписью, и Орлова отпустил, а Волину сделал соответствующее замечание за его политическую и революционную нетактичность, выразившуюся в его отношениях с Орловым, да еще на почве вымогания у меня мандата, которого я, как глава движения, стоявшего уже определенно в резкой оппозиции к большевистской власти, по многим мотивам не мог выдать.

Это достаточный аргумент для меня, чтобы не верить Кубанину, что приводимое в его книге под именем Волина показание против махновской контрразведки, были подлинно показания Волина.

Но, в то же время, когда я, подходя к этому вопросу, и аргументируя свое сомнение и недоверие к Кубанину, к его сообщению, что «документик» о махновской контрразведке исходит от Волина - в это же время передо мною встают другие аргументы, говорящие совсем другое.

А именно:

Для меня абсолютно доказано, что Волин действительно был арестован и долго возим властями 14 красной армии. Следовательно, не может быть, чтобы он этими властями не был допрошен. Далее. Волин заверил уже здесь, за границей, окружающих его политических детишек в том, что он, Волин,

боролся в махновской армии с какими-то «махновскими тюрьмами». Одно из этих «детишек» как-то сболтнуло об этом перед иностранными товарищами в 1927 г., в Интернациональном Комитете Защиты анархистов.

Эти два аргумента говорят мне: какое же я имею право сказать все-таки гр. Кубанину, что он занимается фальсификацией в отношении Волина, в связи с выше приведенным «документиком» о контрразведке? Мы, анархисты-крестьяне, не можем так разбрасываться честью своей революционности. Мы бываем грубы, но мы всегда честны и можем говорить кому бы то ни было, что он лжет, имея неопровержимые данные на это.

На основании всего вышесказанного я окончательных выводов по поводу этого по Кубанину Волинского документа делать не буду. Кубанин, вероятно, постарается мой ответ на его и его партии лживость против махновщины и меня прочитать и, очевидно, сочтет, нужным дать в прессе фотографический снимок почерка, которым писалось это волинское показание.

Тогда я и махновцы вообще сделаем свои выводы и касательно Волина в роли этих показаниях и касательно Кубанина в роли их использователя.

Теперь же я должен остановиться в нескольких словах лишь на самой контрразведке нашей армии, так как вокруг этого органа армии сгустилось слишком много разного сорта красок, прежде всего, по вине самих анархистов и анархиствующих. Я считаю, что будет не лишним коснуться этого органа мне самому и именно в этом своем очерке; так как чувствую себя в праве сказать о себе, что я был и остался чуждым заоблачных далей и в мыслях и в практической деятельности, чтобы там отыскивать анархические истины, а потому и могущему говорить об этом органе так, как этого требует истина.

Итак, что же такое контрразведка махновской армии? - Какие ее функции? - Что она творила такого из-за чего - по приведенному Кубаниным волинскому показанию - Волину приходилось сталкиваться с Махно и с тем же Львом Зиньковским (не известно, почему с Зиньковским, который начальником арм. контрразведки не был). Лицо, дававшее показание следователю ревтрибунала 14 советской армии, видимо, эти вопросы или не освещало, или Кубанин не захотел их освещение использовать.

Так вот - контрразведка махновской армии есть орган, который настолько был необходим для вооруженной борьбы Революции с вооруженной контрреволюцией, насколько он был и неблагородным органом с точки зрения, конечно, слащавой, ничего с реальной жизнью не имеющей, идеализацией

кабинетного анархизма. В обязанности этого органа в махновской армии входил ряд практических задач, как то: разведывать, в рядах противника о его силах, роде оружия этих сил, о их передвижениях и отношениях к населению местности и последнего к ним, о ближайших оперативных планах штабов, под каким именем, номером, под чьим общим и групповым командованием и в каких именно местах, при каких вспомогательных технического рода средствах подготовляется, согласно планам оперштабов, к действию и т. д. и т. п.

Всюду, всегда военно-революционные формирования, их оперативные штабы, коль скоро будут вызваны к жизни ходом событий (а в том, что они бывают и будут всюду к жизни вызываться, - я не сомневаюсь), они никогда не смогут обходиться без этих «неблагородных» органов.

Но контрразведывательная работа этих органов необходима оперативным штабам не только для работы в зоне противника, - она необходима и в своей зоне, в особенности, в местах, расположенных близко от фронта. Штабы должны знать, и точно и своевременно знать о том, какую и какими силами ведет противник провокаторскую работу в расположении и около нашей фронтовой полосы. Какое впечатление производит эта работа на психологию масс. И группирует ли он и для чего именно группирует через своих секретных агентов вокруг себя массы. Наконец, если группирует, то где же именно. Все это контрразведывательный орган в махновской армии должен был точно знать и давать своевременно о нем различные сведения в штаб, который мог бы во время парализовать эту деятельность противника у себя в тылу или прямо под боком.

На этом пути, за этой работой контрразведочные органы махновской армии были уполномочены на обыски в любом доме, расположенном в зоне военного положения и почему-либо заподозренном, а также на аресты и опросы людей, в особенности, когда таковые указываются населением или подозреваются контрразведчиком в чем-либо, касательно его, контрразведчика, задач и, при запросе населения о нем, подозрение подтверждается. В последнем случае, ничто не могло спасти это лицо или группу лиц от задержания и производства у них самих и в их квартирах обысков, ареста и следствия.

На пути деятельности контрразведывательных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душе, краснеть, извиняясь перед оскорбленными. Но из-за этого упразднять самые органы было бы сверх глупостью революционеров, взявшихся за дело великой борьбы трудящихся с капиталом и его слугою - государством, а

вместо этого играющих в кошки-мышки.

Итак, контрразведка махновской армии являлась, и при необходимости будет являться, - органом армии, необходимым для обслуживания армии. Она никаких своих, отделов по районам живой деятельности мирного населения, занимавшегося строительством новой жизни, не организовывала и никаких инструкций - наподобие инструкции большевистской чека или ленинско-врангелевской контрразведки -для населения не издавала.

Таково истинное существо контрразведки и ее роли в махновской армии.

V. РУКОВОДИТЕЛИ, УЧИТЕЛЯ И ВОСПИТАТЕЛИ

Касаясь движения Махновщины со стороны того, кто им руководил, Кубанин, по примеру марксистов вообще, старается искусственно умалить в крестьянстве его способности, совсем не понятные для многих Кубаниных и в анархических рядах, в которых крестьянство черпает свои силы, вынашивает с помощью их в себе революционные идеи и организационные начала на пути борьбы и защиты идей свободной общественности. Кубанин, держась марксовской догмы, отрицательно относится к крестьянству, как к классу, способному быть революционным (хотя оно революционно более, чем сам Маркс и Ленин были - Н.М.), игнорирует в нем то, что без равного содружества пролетариев города с крестьянством в делах революции, последняя не может полностью никогда восторжествовать в самой главной своей области -в хозяйственной, несвоевременное восстановление которой, согласно новым потребностям революционного района, области, целой страны, грозит гибелью и революции и тем, кто является прямыми носителями и защитниками ее идеи. По Кубанину, крестьянство - это элемент, неспособный сам что-либо организованно творить в Революции, и он с апломбом отмечает: «верховное военное руководство (махновщиной) находилось не в чисто крестьянских руках, а, что чрезвычайно интересно, в руках рабочих и полурабочих... Махно, организатор и единоличный руководитель армии был рабочим-маляром на заводе, Белаш, железнодорожным машинистом, Чубенко - рабочим железнодорожником (я бы сказал, что Чубенко - машинист - Н.М.), Аршинов, учитель и воспитатель Махно, бывшим рабочим... Головка Махновщины состояла из бывших рабочих в большинстве своем деклассированных».

Если бы этот вздор писал не большевик, можно было бы удивляться тому, что у людей под боком районы, где махновщина взяла свои начала, как живая революционная сила, и где имеется масса документов о том, как Махновщина зародилась и кто ее оформлял организационно и вооружал идейно и т. д., и т. п., и они все-таки путаются в тумане, они все-таки подменяют лиц, игравших ту пли другую роль в движении, временами, и не всегда с захватывающим энтузиазмом. Но когда это пишет большевик и пишет по заказу своей партии, быть может, даже с указанием плана и рамок его, тогда удивляться нечему, - партия не хочет сказать правды о том низовом революционно-освободительном

движении, которое столь умело и революционно разбило на Украине контрреволюционную деникинщину, помогло красной большевистской армии разбить врангелевщину и петлюровщину. Но партия большевиков, ее власть, боясь, что это движение может явиться центром внимания пробуждающихся, замечающих контрреволюционную роль на пути революции и ее, партии, и ее власти, оно может поднять эти массы и против них с таким же энтузиазмом и преданностью делу трудящихся, - эта партия поспешила провокаторским образом натравить против него своих слепых защитников в лице солдат внутренней службы и красной армии и затопить его в крови.

Так вот, вопреки всем болтунам, в том числе и Кубанину, я должен сказать совсем другое о представляемых ими руководителях и воспитателях движения Махновщины и Махно. Я должен сказать, что и т. Белаш появился в движении Махновщины, когда оно было уже могучей организованной революционной силой, занимавшей целый ряд революционно-боевых участков против контрреволюционных сил Белого

Дона, генерала Деникина, наступавших на Украинскую Революцию на Гришинском, Таганрогском, Бердянском, Мелитопольском участках, и против таких же контрреволюционных, или, по крайней мере, поддерживавших в Екатеринославе формирование деникинских сил войск Украинской Директории, во главе с атаманом Горобцем.

И еще позже появился в повстанчестве т. Аршинов, которого Кубанин и вообще ему подобные болтуны считают моим учителем и воспитателем.

Стоя во главе от начала и до конца революционной Махновщины и руководя ее авангардом - армией повстанцев-махновцев, я, конечно, старался стянуть в это широкое низовое массовое революционное движение, как можно больше анархических, маломальских знающих анархизм и его прямые задачи в революции, сил. Я радовался, когда некоторые мои идейные товарищи-анархисты появлялись в рядах повстанчества. Я ценил и уважал их. Я слишком близко допускал их к делам, которые в движении возлагались на меня, как на первого, среди равных вдохновителей и руководителей его, движения. Но поскольку появлявшиеся товарищи в армии повстанцев-махновцев выдавали себя временными людьми в ней, т. е., поскольку они в своем большинстве появлялись в рядах повстанчества неожиданно и также неожиданно всегда покидали их, повстанчество в массе смотрело на них, как на приходящий и отходящий элемент в его рядах и мало в чем с ними считалось. Повстанческая крестьянская масса любила и доверяла тем из них,

кого видела в своих рядах не только с хорошим словом, поясняющим задачи повстанчества в революции, но и с винтовкой в руках, умеющих, как и она, бороться и страдать при неудачах.

От этого зависело часто и мое и моих товарищей, стоявших со мною в авангарде движения, деловое отношение ко всем приходящим и отходящим товарищам из городов, т. е., на определении в этих товарищах того, что они вдруг неожиданно появились в наших повстанческих рядах, не для отыскания в них временного удобного места от преследовавших их по городам разного рода властей, а для серьезной жертвенной работы, строилось мое и повстанчества в целом полное доверие к ним и старание дать им все средства для ведения нужной работы.

Так что рассуждать, наподобие Кубанина, что в революционно-крестьянское повстанчество мог каждый, кто только вздумал, залететь и руководить им, значит не понимать ни психологии повстанческой крестьянской массы, ни того, что она давно перестала останавливаться перед каждым возомнившим себя ее учителем и снимать перед ним шапку.

Но вернемся к тов. Аршинову, как к учителю и воспитателю Махно, - конечно, по Кубанину и по «Кубаниным».

Касательно т. Аршинова я должен подчеркнуть следующее: Он приехал ко мне в конце апреля м. 1919 года и, в качестве моего личного секретаря, принял участие, главным образом, в тыловой работе нашей повстанческой организации. Благодаря его стараниям оказать посильную помощь повстанчеству благодаря прямо моей и других товарищей гуляй-польской группы поддержке его в этом, он одно время проделал заметную работу в движении: он наладил выход повстанческой газеты «Путь к Свободе» и был одно время ее существования редактором. Он принял участие в организации культурно-просветительной работы в тылу армии, которая была создана т. Будановым и гуляй-польской группой и целиком поддерживалась прибывшей в повстанческое движение Иваново-Вознесенской группой анархистов-коммунистов во главе с т.т. Макеевым, А.Черняковым и другими...

Но и его, Аршинова, нельзя исключить из рядов большинства анархистов, появлявшихся в повстанческих рядах махновщины из городов, ибо и он, как и это большинство товарищей, появлялся в движении неожиданно, за исключением одного случая, и так же неожиданно покидал его. Да и в движении то он побывал в разное время всего месяцы, тогда как движение выдерживало титаническую борьбу со своими врагами целые года.

Главное руководительство повстанчеством, его армией, во всех ее внутренних разветвлениях, как-то: административных,

хозяйственных, организационных и контрольных, строевых и оперативно-боевых, неизменно находились в руках крестьян и рабочих. Братья Каретники, Ф.Крат, Мощенко, А.Марченко, И.Лютый, братья Махно, Тихенко, Гавриленко и многие, многие другие - все они крестьяне-анархисты, в большинстве своем из батраков.

Т.т. Серегин, В.Данилов, Я.Домашенко - были рабочие.

Эта группа, признав меня первым среди равных на пути движения, сосредотачивала через меня все нити руководства движением. И кто бы ни был из наезжавших из городов анархистов, они должны были с этим во всем считаться и следовать общим, этой группой намеченным, революционным положениям и вытекающим из них планам движения, даже когда хотели вносить что-либо свое.

Правда, тов. А.Чубенко оказал мне и моим товарищам из группы большую помощь с первых дней активного нашего выступления против гетмана Скоропадского и немцев в 1918 г. Он, как машинист, имевший право проезжать по стране, провозил, что было нужно от меня к остававшимся моим товарищам в России и от них ко мне. С июня м. 1919 года он избирается моим адъютантом, а в начале 20 года попадает к большевикам и сидит у них в тюрьме до октября 1920 г. В октябре, по договору с большевиками против врангелевщины, я требую внеочередного освобождения Чубенко из тюрьмы, и он снова появляется в движении, но теперь работает уже в другой области. Как техник, он разрушает препятствия для передвижения наших вооруженных сил и т. д.

Правда и то, что т. Виктор Белаш попал в движение Махновщины в начале 1919 г. и был рядовым бойцом в группе Тихенко-Пузанова-Куриленко, затем был представителем от этой группы в существовавшем при мне оперативном отделе, и с мая месяца по июнь месяц 1919 года был избран командиром 2 бригады моей дивизии, а затем во время объявления большевистской властью меня и движения вне закона он остался у большевиков рядовым бойцом в пехотном прикрытии одной из батарей. По возвращении обратно в ряды Махновщины был, в 1919 г. осенью, два месяца начальником штаба армии, а затем остался больной на селе и появился в движении в 1920г.

Все эти годы, не взирая на такие скачки людей в смысле их пребывания в движении, на которых Кубанин ссылается, что они учителя, воспитатели и руководители, движение Махновщины росло, развивалось и идейно и организационно оформилось, борясь с тем же энтузиазмом против всех властей и их контрреволюцией, с каким оно начало борьбу эту против них в

первой стадии своего зарождения. А это достаточно красноречивый аргумент за то, что движением руководили неизменные его прямые создатели, под идейным и организационным руководительством бесцеремонного дерзкого Махно.

Такова краткая история пребывания кубанинских рабочих руководителей, учителей и воспитателей движения Махновщины и самого Махно. По ней видно, что, если бы революционное украинское крестьянство надеялось, что к нему придут извне воспитывать и учить его, как нужно организовываться в ходе времени и бороться с врагами революции и ее лучших заветов, то на Украине не были бы разбиты ни гетман с немцами, ни Украинская Директория, ни петлюровщина, ни деникинщина, ни врангелевщина. Но то именно, что крестьянство воспитало в своей среде беззаветно преданных ему сынов-революционеров и отдало их целиком на путь служения революции и идеям подлинного освобождения, сделало все для того, что крестьянство, организовалось, восстало и победило их.

Этого то никак не могут понять все борзописцы от большевизма. И поэтому все их писания, все их выводы в них касательно крестьянства и его революционной роли в русско-украинской революции бывают сплошь и рядом полны недоговоренностей и лжи.

VI. БОЛЬШЕВИСТСКИЕ «МАХНОВЦЫ»

Кубанин насобирал ряд бывших своих, большевистских, деникинских и петлюровских удальцов как-то - Волидина, Гришина, Прочана, Савченко, Хмару, Яценко, Голика (которого не следует смешивать с Л.Голиком из-под Никитовки, бывшем нач. контрразведки Махновской армии) и Никиту Чалога - действительно махновца, работавшего на тылах врангельской армии и, благодаря большевистской и самого Врангеля провокации - что «Махно заключил союз с Врангелем против большевиков», перешедший было на сторону Врангеля - и, объединяя их, как это нужно партии большевиков, ее лжи против Махновщины, называет всех этих удальцов махновцами и расписывает всякий вздор о них, как махновцах. Между тем из них Волидин, командир Красной армии, в 1919 г., в августе месяце, перешедший на сторону махновцев, в ноябре месяце испарился и в 1920 году, летом, очутился в армии Врангеля с самостоятельным якобы отрядом. Савченко, Яценко и другие типы - из рядов деникинщины, которые у Врангеля получили разрешение действовать под именем Махновцев с целью увлечь за Врангелем трудовое население, прислушивавшееся к голосу махновцев (Прим. Эта тактика Врангеля действовать против большевиков среди крестьянства под именем махновцев больше всего и послужила тому, что мы начали убивать почти всякого врангельца вплоть до его посланцев - Н.М.). Хмара - это агент Петлюровщины на Запорожье, он работал от имени Петлюровщины с Врангелем и с ним же отступил из Крыма в Константинополь. Лишь в эмиграции ушел от врангельцев и петлюровцев. Никита Чалый - махновец из бедной крестьянской семьи панской деревушки Миргородщины, хороший партизан, блестяще выполнял все задание моего штаба по тылам деникинщины и врангельщины; но провокация большевиков и самого Врангеля, всей их прессы о том, что Махно в союзе с Врангелем идет против большевиков, сбила с правильного пути его и он очутился у Врангеля в качестве командира 10-й бригады имени Батько Махно, которую врангельское командование начало организовывать под этим номером и именем, но мы помешали.

Этот самый Чалый при подходе Махновской армии к линии врангелевского фронта в октябре месяце 1920 года, и в схватке с врангельцами, сразу же приехал ко мне, чтобы умереть, как махновец, от руки махновцев за свои заблуждения, уведшие его в стан врангельщины. Но я, будучи полководцем, знавшим прямое дело революции, в то время не мог его расстрелять, я дал ему

задачу: возвратиться в стан врангельщины к месту формирования 10-й бригады имени Батько Махно и привезти мне весь офицерский кадр, выделенный штабом Врангеля для формирования и обслуживания этой бригады.

Чалый вернулся в стан врангельщины и в ночь с 17-го под 18 октября привез мне в штаб весь этот кадр - в лице полковника, капитанов и поручиков. Все эти врангельские организаторы были опрошены моим помощником С.Каретником в присутствии моем и большевистских представителей от штаба Южфронта во главе с Васильевым. От них я узнал расположение сил врангельской армии в тех местах, где находилась «непобедимая» дроздовская дивизия врангельской армии, и я, не дожидаясь нашего общего с Красной армией наступления против

Врангеля, распорядился по частям сводной группы т. Петренко и кавалерии т. Марченко атаковать знаменитых дроздовцев, которые до сего времени силами одной дивизии гнали беспрерывно силы двух - 23 и 42 - дивизий Красной армии.

Ответственные повстанцы-махновцы при разведывательной помощи опять-таки этого же Чалого пошли против Врангельской гордости -дроздовцев и последние были атакованы и разбиты махновцами так, как они Красной армией никогда не разбивались. Это хорошо знает и Красное командование и сами дроздовцы с Кутеповым и Врангелем во главе. И у нас, махновцев, и в штабе Южфронта Красной армии есть документы о махновских трофеях в этой атаке на дроздовцев, о роли в подготовке этой атаки тов. Чалого. Но гр. Кубанин предпочел обойти эти документы и, как подобает представителю от партии в отделе по изучению документальной истории Октябрьской Революции и своей партии, занялся (и так неудачно) собиранием и навязыванием совершенно чуждого Махновщине и ее идеям и страсти бесстрашно умирать за них, элемента, объединяя его с Малым, каждый шаг которого говорит, что к нему они не подходят, объединить необъединимое с ним нельзя.

Так обобщать исторические факты могут только марксисты-ленинисты. Только они могут роднить себя и свои мысли с ложью даже, когда им приходится заглядывать в подлинные документы о революции, о роли в ней революционеров и масс, шедших за ними, - заглядывать в эти документы и давать о них знать другим, - даже, за этим ответственным и перед историей и перед своим же поколением делом они, большевики, способны извращать факты, не давая им полного и всестороннего освещения только по партийным соображениям, только во имя того, чтобы раз уже партией принятое ложное поведение к враждебному ей движению, оставалось без царапины, круглым, гладким, какого

требуют интересы партии.

Можно ли встретить большую, чем это, мерзость где-либо в других социалистических движениях. Пока она особенно заметна в рядах только марксизма-ленинизма, в его практике.

VII СОЮЗЫ МАХНО С БОЛЬШЕВИКАМИ И «ИЗМЕНА» ИМ

«Три раза был Махно в союзе с советскою властью - пишет Кубанин на страницы 98-й своей книги: - в 1918-м и начале 1919 года в боях против Гетмана и Краснова (атаман казаков Дона), и конце 1919 - против захватившего всю Украину и юг России Деникина и в конце 1920 года - против Врангеля».

Для Махновщины и ее руководителей совершенно не известно о троекратном союзе ее с большевиками. Это Кубанин для большей «политической» важности подчеркивает, что три раза Махно был в союзе с большевистской властью...

Союзов было два: один весною 1919 года против контрреволюции казачества Дона и Деникина и другой в октябре месяце 1920 года против Врангеля.

В 1918 году у нас не могло быть союза с большевиками потому, что Махновщина, как организованная революционная сила трудящихся, была лишь одна на Украине. У большевиков трудовых вооруженных и организованных сил не было. И Махновщине заключать с ними союзы было незачем. Впрочем, это я ясно и определенно отметил в главе «Занятие г. Екатеринослава и басни большевиков об их роли и роли их вооруженных сил при этом». В этой главе так же ясно и определенно сказано об их силах в это время под и за Екатеринославом. Другое дело о периоде, когда они имели свои силы, приведенные из России. Таким периодом являются первые месяцы 1919 года. Махновщина заключила с ними союз, по которому они должны были снабжать ее снаряжением и вооружением, и она подчиняла свои силы общему Красному Верховному командованию. Но этот союз был нарушен большевиками, с одной стороны, своим полицейским подходом против трудовою населения Махновского района, приступившего строить свою социально-общественную жизнь на свободных началах без опеки партии большевиков и ее государственности, тогда как большевики стремились навязать ему именно государственность и диктатуру в ней своей партии. С другой стороны, тем саботажем в делах своевременной подачи патронов и снарядов вооруженным силам Махновщины, который принуждал махновцев всем своим фронтом неоднократно бросаться против Деникина с пятью патронами в винтовке, и при удаче лишь сбивать его с позиции и захватывать у него патроны, а при неудаче, нести неисчислимые жертвы и отступать, оставляя ему свои окопы и тысячи раненых.

Однако, и при таком прямо или косвенно изменническом поведении большевиков по отношению к Махновщине, революции и ее защиты в целом, поведении, ясно показывающим, что большевики стремились во что бы то стало, хотя бы целиком за счет революции на Украине, уничтожить Махновщину физически и извратить ее общественный идеал, показать их революционным труженикам России, как идеал кулачества и контрреволюции. Несмотря на все это, Махновщина, как движение низовое и подлинно революционное, знавшее свое место и роль в обширнейшем русле Революции, не пошла ни на какие союзные комбинации с враждебными большевикам силами, как господствующей организованной уже силе в авангарде Революции. Видя все преступления обнаглевшей большевистской партии и ее власти на пути Революции, Махновщина считала себя морально вправе бороться против самой большевицкой наглости. И она избрала себе путь этой борьбы: 1) во временном уходе от командования своими вооруженными силами всего высшего командования во главе со мной; 2) в оставлении всех вооруженных своих сил под верховным командованием большевиков; 3) в серьезном внутри и извне наблюдении за большевистскими оперативными действиями с целью проверить со стороны, насколько эти действия большевиков родственны великим задачам Революции...

Нужно сказать правду: большевистские военные и гражданские власти этому уходу повстанческого махновского командования радовались - Махно ушел от командования повстанческими силами, значит, силы эти будут все сделаны большевистскими силами и все будет хорошо. Мы восторжествуем и в украинском городе и на селе - злорадствовали большевики в верхах. И начали задабривать повстанчество, переименовывая полки в красных орлов и т. п.

А большевистский фельдфебель Л.Троцкий настолько обрадовался, главным образом, моему уходу от повстанчества, что первое дни не знал, что делать. И лишь когда опомнился, сделал командарму № 14 т. Ворошилову распоряжение: схватите Махно и представьте в центр его живым.

К несчастью Троцкого, в Красной армии нашлись начальники дивизий, большевики, которые, с прямых рук прочитав это его распоряжение, в тот же час сообщили об этом мне.

И Ворошилову схватить меня не удалось. Наоборот, он и присланная к нему из центра свора чекистов, которая и должна была меня схватить живым, сами чуть было не погибли, их деникинцы окружили вместе с бронепоездом «имени Руднева». Мне, уже сдавшему свое командование и ехавшему с

незначительной группой на линии фронта пришлось посылать свои 4 пулемета и взвод кавалеристов, чтобы спасти этих своих палачей. И деникинцы махновцами были отбиты... Бронепоезд был спасен, и спасены Ворошилов и свора чекистов.

Помню, как рад был командарм Ворошилов, как благодарил он меня через моего адъютанта; в присланной мне записке через своего курьера этот самый Ворошилов изливает свое уважение ко мне и настойчиво просит приехать к нему и с ним вместе обсудить ряд важнейших планов дальнейшей борьбы.

Я ему ответил:

«Я знаю распоряжение Троцкого и роль, какая выпала на Вашу, тов. Ворошилов, совесть выполнить в связи с этим распоряжение. Поэтому обсуждение с Вами планов дальнейшей борьбы считаю невозможным. Сообщаю Вам свои планы. - Я намереваюсь пробраться в тыл армии Деникина и займусь разрушением его. Это так важно теперь именно, когда он предпринял на всех своих фронтах решительное наступление...

Бывший Ваш друг в борьбе за торжество Революции Батько Махно». 15 июня 1919 г.

Этот самый Ворошилов в эту же ночь (с 15-е на 16-е июня) распорядился арестовать членов моего штаба Михайлова-Павленко и Бурбыгу и 17-го июня расстрелял. А верховное Красное командование в согласии с правительством Ленина объявило меня и все движение Махновщины в целом вне закона, глупо надеясь, что оставшееся под их командованием вооруженное повстанчество отнесется к этому их преступному акту, если не сочувственно, то молчаливо наверняка.

Но упрямые повстанцы-махновцы в тот же день, как только получили приказы об объявлении меня и движения вне закона, убили проезжавшего по фронту моего заместителя, присланного из центра, и потребовали от своих командиров «немедленно снестись с Батьком Махно и попросить его указаний, как быть дальше оставаться ли под командованием красных дураков и действительных изменников революции и дальше, или же начать такую же жестокую борьбу, какую ведем против Деникина, и с этими преступными красными дураками»...

В то время, когда меня и движение объявляли большевики вне закона, их полки и бригады требовали, чтобы поручить командование над ними Батько Махно, ибо «кругом видим измену Революции» - гласили их резолюции. Даже бригада имени Ленина вынесла свою резолюцию с требованием «допустить Батько Махно до руководства революционными силами против Деникина».

То был момент, когда большевистское Красной армии

командование замешалось, не знало, что делать. Военный комиссар из Александровска тов. Гопе спешно приехал ко мне в час ночи и умолял меня «взять под свое оперативное и организационное руководство защиту города Александровска и плацдарма Александровск-Мелитополь, чтобы дать возможность Крымской армии под командой Дыбенки свободно выйти из Крыма и переправиться на левый берег Днепра. Я от этого отказался после того, как узнал, что у них нет в резерве никаких сил на этом боевом участке, которые мне нужны были, если бы я принял предложение, чтобы заменить ими махновцев и части Красной армии, стоявшие параллельно с махновцами на фронте, и подготовить этим части к защите г. Александровска и района; эти части были испытанными и закаленными в боях. Равно же я счел долгом указать через т. Гопе высшим большевистским властям, чтобы они в связи с его обращением ко мне занять ответственный пост по защите района разъяснили трудящимся свою глупость, которая толкнула их на объявление меня и повстанческое движение вне закона

Это - два условия, которые не позволили мне до их выполнения самими большевиками, занять предложенный мне революционный пост в стороне от повстанчества, чтобы снова вместе с большевиками и их спецами продолжать дело борьбы против Деникина.

За это я был повторно объявлен вне закона. Теперь большевики уже открыто призывали красноармейцев и повстанцев убить меня, заверяя их, что за это из них никто никакого наказания не понесет, а получит награду.

Как раз в это же самое время и Деникин объявлял награду со своей стороны тому, кто убьет меня. Но после всего этого и того, что повстанцы и красноармейцы требовали меня к себе, - я не пошел уже в тыл деникинской армии. Я погрузился в то, как наибезболезненной для революции на Украине перенять инициативу действия против Деникина снова в свои руки. В противном случае Деникин, - говорил я тогда своим близким, - укрепится на Украине, благодаря большевистской политике и стратегии, настолько, что в ближайший год-два нечего и думать о его ликвидации. А это может привести его к недопустимой победе и в России над тружениками.

Вот поэтому то я и начал сближаться снова с оставшимся в красной армии повстанчеством и вести надлежащую работу через него и непосредственно среди трудового населения и красной армии, работу по указанию массам того, что делают большевики с их великими завоеваниями.

Оправдалась ли эта моя работа, - это читатель увидит из

следующей главы.

VIII. ЛОКАЛЬНОСТЬ МАХНОВЩИНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЕЕ РОЛЬ В ЛИКВИДАЦИИ ДЕНИКИНЩИНЫ

Все большевистские «историки» всегда касаются махновщины, стараются показать махновщину в роли узко-местнических целей, не стоящих, дескать, серьезного внимания историка. Гр. Кубанин тоже стал на этот неверный путь толкования Махновщины. Тогда как ему стоило бы взглянуть более трезво на махновщину, ибо, как ни как, он призван дать по вопросам Махновщины исчерпывающие ответы от имени своей партии. Но он обходит факты о том, что Махновщина несравненно дальше своего района смотрела и в связи с этим действовала.

Уже в сентябре и октябре месяце 1918 г. вооруженные силы махновщины, ведя борьбу против гетманщины и немецко-австрийских экспедиционных армий на Украине, выходили далеко за пределы местностей, где Махновщина взяла свое основание, и создавала на своем пути нужные группирования тружеников, а в ноябре месяце 1918 г. Махновщина уже занимала фронтовую линию против белого Дона и Деникина, действуя на ней далеко не во имя только местных целей. Мне известно (не знаю, почему только не известно большевистским историкам), что в это время Махновщина имела против себя четыре контрреволюционных боевых участка, как-то: деникинские - Мелитополь-Бердянский, Таганрогский и Гришинский, и Украинской Директории -Александровско-Синельниковский. Правда, последний боевой участок активно себя в то время не проявлял, но он в наличии был, и против него штабу Махновщины приходилось всегда держать внушительные силы, пока не наступил благоприятный момент, чтобы и на этом подозрительно себя ведшем боевом участке заняться ликвидацией врага. Когда же момент этот наступил, махновщина ликвидировала и на этом боевом участке врага, притом ликвидировала она его далеко не из-за местных целей. Махновщина руководствовалась идеей Революции, свободы и независимости тружеников деревни и города на ее пути и она хорошо сознавала, что ввести в жизнь трудящихся реально эти идеи можно только через полное и решительное физическое уничтожение вооруженных сил действительной контрреволюции на всей территории революции и к этому она стремилась, это она делала.

Так что Кубанин напрасно уклонился от действительных документов, говорящих о целях и связанных с ними действиях Махновщины и выдумал и подменил их своими «истинами». Само протяжение фронтов Махновщины против наступления внутренней и внешней контрреволюции уже в это время говорит за то, что Махновщина, как революционно-освободительное движение, была совершенно свободна от специфически локальных, т. е. приспособленных к обстоятельствам известной местности целям. Выше я подчеркнул, что физическое уничтожение сил контрреволюции, по мнению Махновщины, должно являться первой и незамедлительной задачей вооруженных сил революции, на всей ее территории. Махновщина на Украине это и делала. Стоит Кубанину покопаться во всех прокламациях и с ними в руках проследить деятельность махновщины, ее вооруженных сил, и ему не трудно будет убедиться в том, что он пишет неправду о Махновщине.

Правда, Кубанин аргументирует это свое утверждение о Махновщине:

«Махно, - говорит он, - приняв бой и даже разбив врага, не преследует его, а поворачивает назад и стремится уйти обратно в свой район». И чтобы не быть голословным, он продолжает: «в августе м. 1919 г. Махно, под давлением деникинцев, вышел далеко за пределы своей территории и проделал большой рейд по Донецкой, Екатеринославской, Полтавской и Киевской губерниям. Но, разбив деникинцев, Махно спешит вернуться обратно в свой район».

Но эта аргументация его, помимо того, что является грубой, по умыслу, неточности, неверности, и смешении во времени и в направлениях рейдов махновской армии под моим руководством, - она лишена вообще утверждающего смысла. Ибо в августе 1919 г. революционно-повстанческая армия Украины махновцев не была ни в Донецкой, ни в Екатеринославской и Полтавской губерниях. До августа месяца армия махновцев, не смотря на всю ту грязь и травлю большевистскую против меня лично, против движения в целом, по моему настоянию оставалась под большевистским верховным командованием в борьбе против деникинщины и лишь, когда большевистский маршал - по-махновски фельдфебель - Лев Троцкий прямо заявил Ленину и его присным, что необходимо дать ему право разделаться с Махновщиной и когда таково получил и начал действовать против Махновщины, в согласии со своими заявлениями «лучше отдать Деникину всю Украину, чем допустить расти и развиваться на ней махновщине»... «Деникина нам легче будет разбить» и т. д., и т. п. И когда Красная армия на юге Украины начала

оттягиваться своим командованием из неприступных для врага днепровских позиций далеко на Север Украины, с целью, как будто, выравнивания фронта, а в действительности это была эвакуация Украины с оставлением населяющих ее тружеников на растерзание деникинским палачам, - лишь в это время я со своим штабом решили действовать, не медля ни одного дня. В эти же дни мною было сделано распоряжение повстанческим командирам, которые оставались с повстанцами в Красной армии, под общим красным командованием на противоденикинском революционном фронте, как-то А.Калашнику, Буданову, Льву Голику и Дерменжи чтобы захватили штаб боевого участка и его начальника - Кочергина, издали приказ за моей подписью по войскам «арестовать всех политкомов и ненадежных командиров и передать их всех в распоряжение временно замещающего меня начальника боевою участка т. Калашника, а самим, избрав нужных командиров, перейти в контрнаступление против наседавших деникинских дивизий, не щадя на этом пути решительного действия ни одного врага революции, если бы такие оказались даже из рядов бедноты».

Переворот был устроен решительно и без кровопролития. Лучшие большевистские части сами арестовывали своих политкомов и направляли их в штаб боевого участка товар. Калашника. Таким образом, армия махновцев снова взяла свою прежнюю инициативу в борьбе украинских тружеников против контрреволюции, возглавлявшейся армией Деникина.

Результаты этого насильственного отнятия махновцами от большевистского командования инициативы борьбы, против Деникина известны не только нам, махновцам, а также большевикам, Деникину и вооружавшей и снабжавшей его деньгами - Антанте. Они известны всему культурному миру, который серьезно следил за трагедией украинско-русской революции этого именно периода (или, если ему, этому миру, это не известно, то тогда он не знает украинско-русской революции). Результаты этого понятия нами, махновцами у большевиков инициативы в борьбе с Деникиным выразились в полном уничтожении деникинщины на Украине, уничтожении, вызвавшем полное замешательство и растерянность не только в самой ставке генерала Деникина, убежавшего со всеми представителями Антанты из г. Таганрога в Ростов на Дону, но и на фронте, под Москвой.

Удар Махновской армии по деникинщине и ее армии на Украине был настолько неожидан по своей своевременности и силе, что ставка Деникина (не без совета с Антантой) начала в спешном порядке оттягивать лучшие свои боевые части со своего

фронта на московском направлении, чтобы, во что бы то ни стало, отбить у нас революционную украинскую территорию - этот, один из лучших стратегических плацдармов для его ориентации на западную буржуазию, а последней - на него, против украинско-русской революции и тех идей, которыми революция питалась, но большевики постарались эту пищу отравить и этим убили революцию.

И то, что армия украинских революционных крестьян и рабочих - армия повстанцев-Махновцев - разбила генерала Деникина, не отрицает и Кубанин в своей книге. Он хотя и подтасовал свое признание в этом, но, тем не менее, подтасовка его бьет мимо цели. Вопреки своей воле и партийной обязанности, он должен был это сказать следующими словами: «В конце 1919г. махновская армия, сразив Деникина, сама была сражена тифом». К этому большевистскому признанию через 8 лет, когда видимо, надоело во всем и всегда клеветать на махновщину, - к признанию, что все-таки армия махновцев сразила Деникина на Украине, - я считаю своим долгом добавить: сразила армия повстанцев-махновцев деникинщину и ее армию под предводительством г-ла Деникина на Украине потому, что дерзнула силою отнять у большевиков инициативу борьбы с ними. Не отними махновцы этой инициативы от большевиков, они, большевики, по своей глупости в маневрировании против Махновщины, отдав летом 1919 г. Деникину Украину, отдали бы все Подмосковье и, быть может, самое Москву, лишь бы, как Троцкий выражался, не допустить роста и развития Махновщины. А отнятием от них инициативы борьбы против разлившейся по Украине контрреволюции, Махновская армия в два месяца парализовала деникинские силы и занялась в спешном и решительном порядке полной ликвидацией их. Правда, большевикам в настоящее время, в силу их политиканства и вытекающей из последнего антиреволюционной логики мышления и связанного с ним авантюристически-интеллигентско-кастового отношения к интересам революции, к роли в ней украинских революционных крестьянских низов, не под силу это оценивать. Но, тем не менее, благодаря факту отнятия у них махновцами инициативы борьбы с деникинской контрреволюцией и разгрома ее на Украине, повстанцы-махновцы этим самым оказали не подлежащую измерению помощь русским крестьянам и рабочим - их Красная армия того времени, - помощь, благодаря которой Деникин принужден был замедлить свое форсированное наступление по следам отступавшей Красной армии на московском направлении и даже останавливал его в связи с тщетными попытками спасти свой тыл от смертельных

ударов махновских корпусов.

Это обстоятельство позволило красной армии опомниться и своевременно остановиться на путях своего тяжелого отступления, под натиском деникинской армии на московско-тульском направлениях и, оправившись, перейти в контрнаступление против армии Деникина, как раз в тех местах, где Деникин - снятием ряда своих боевых частей, отправленных в тыл против армии повстанцев-махновцев, ослабил их.

Так в действительности началась повстанцами-махновцами на Украине ликвидация контрреволюции г-ла Деникина, реальность которой спасла красный фронт Тула-Москва и, таким образом, сочетала во всероссийском масштабе, махновцами из Украины, Красной армией из центральных губерний России, ликвидацию этой контрреволюции, в которой эта последняя и нашла приятную для нас всех смерть.

Факты об этом акте движения Махновщины тоже определенно говорят нам, что большевистские историки, в силу своего ничтожества, бессильны охватить действительность русско-украинской революции и понять подлинную роль в ней революционно-повстанческой армии Украины (махновцев), принуждены путаться в вымышленной ими же локальности махновщины, произвольно высасывать данные о ней и лгать в связи с этим на Махновщину и на всех, не впавших перед ложью их государственности и власти на колени лучших преданнейших ее представителей.

ВОЛИН РАЗЪЯСНЕНИЕ

(По поводу ответа Н.Махно на книжку М.Кубанина «Махновщина»).

Париж, 1929.

В России вышла недавно книжка некоего М.Кубанина: «Махновщина». (Изд-во «Прибой», Ленинград). Книжка неинтересная и неправдивая, в которой факты и события, трепетавшие своеобразной и яркой жизнью, искусственно подогнаны под мертвую схему казенного марксизма и искажены до полной неузнаваемости. Большевикам для чего-то понадобилось лишний раз оклеветать и охаять махновское движение, и они сделали это с обычной бесцеремонностью.

Н.Махно счел необходимым печатно же ответить на книжку Кубанина («Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики» Париж, 1928 г.). Я не собираюсь говорить здесь о его ответе в целом, и мне не пришлось бы вмешиваться, если бы не одно обстоятельство.

Отвечая Кубанину, Махно, к сожалению, пользуется этим случаем для того, чтобы, между прочим, свести некоторые личные счеты со мной. И делает он это в такой форме, которая вынуждает меня к печатному же разъяснению и протесту.

Отмечу, что нападает он на меня уже не впервые. Но до сих пор его нападки были мелки, не выносились на столбцы печати и могли интересовать лишь узкий круг лиц. На этот раз дело обстоит иначе.

Товарищи, не знающие лично Махно, но знающие, что я полгода проработал в махновском движении, что отношения между Махно и мной были всегда товарищескими, что Махно затребовал меня из тюрьмы во время своего союза с советской властью против Врангеля и т. д., могут недоумевать, в силу каких причин Махно изменил свое отношение ко мне и обернулся против меня.

Отчуждение между Махно и мной возникло, в значительной степени, благодаря некоторым личным чертам характера и умонастроения Махно, недоброжелательному отношению его к интеллигентам, подозрительности и злобности его натуры. Способствовали этому отчуждению и некоторые другие обстоятельства, о которых я говорить не буду, чтобы не отвлечься

слишком от непосредственной темы.

В своем ответе Кубанину Махно делает против меня два рода выпадов: 1) приводит неверные «факты»; 2) допускает нехорошие намеки, инсинуирует. Сперва - о неверных «фактах »

1. На стр. 42 Махно пишет: «В сопровождении лучших из контрразведчиков в махновской армии, Волин уехал в ноябре 1919 г. из армии в район, где и сдался в плен именно 14-ой красной армии». А несколькими строками выше он утверждает, будто я «всегда любил пользоваться услугами контрразведки, будучи в армии махновцев».

Последнее утверждение - просто злостная выдумка, с целью набросить тень. Махно прекрасно знает, что я всегда был очень далек от контрразведки и ее дел. (Даже члены контрразведки не были мне, в большинстве, известны). Он знает, что вся моя, чисто культурная, деятельность в движении не имела ничего общего с контрразведкой, с ней никогда, ни в каком отношении, ни по какому поводу не соприкасалась. Он знает, - и это самое главное, - что я ни разу, ни по какому поводу не обращался к услугам контрразведки, по той, хотя бы, простой причине, что мне в этих услугах ни разу не пришлось нуждаться. То есть, он знает прямо обратное тому, что пишет. Как это назвать?

2. Что касается обстоятельств и обстановки моего отъезда из армии 29-го декабря 1919г. (а не в ноябре, как пишет, по ошибке, Махно), то они тоже прекрасно известны Махно, и он искажает их, когда пишет, будто я уехал «в сопровождении лучших из контрразведчиков». Освежу его память, если она ему изменила.

В декабре 1919 г. махновская армия отступала от г. Екатеринослава па юг, в направлении г. Александровска. Отступление, начавшееся еще в ноябре, было исключительно тяжелым, благодаря распутице и повальным заболеваниям в армии. Бои с наседавшими с севера деникинцами продолжались. Никакая культурная работа была немыслима. В это время, в армию приехал из района Кривого Рога революционер-повстанец Г., с просьбой отпустить с ним в район Кр. Рога опытного агитатора для борьбы против растущего влияния петлюровщины. По словам Г., в районе имелось до 10 тысяч крестьянской молодежи, готовой к вооруженной борьбе против белых, но усиленно пропагандируемой агентами Петлюры. Махно предложил мне, в виду отсутствия всякой работы в нашем районе, съездить на несколько дней в Кривой Рог и организовать там широкую агитацию против петлюровщины, с целью привлечения ищущей выхода крестьянской массы на нашу сторону.

Поездка заслуживала интереса. Против нее могло говорить только одно соображение: на ближайших же днях нам,

несомненно, предстояло сойтись в каком-либо пункте с советскими силами и властями, двигавшимися по пятам деникинцев с севера. (Все это, - напомню, -происходило вскоре после разгрома махновцами деникинских сил на Украине, занятия нами Екатеринослава и отступления деникинцев изпод Орла. На пути своего отступления они и обрушились на нас в Екатеринославе, выбили нас оттуда и преследовали, сами спешно отступая от наседавших на них красных). Несомненно, деникинская армия должна была через несколько дней исчезнуть, и тогда махновцам, предстояло сойтись на очищенном месте с красными. Встреча предполагалась мирной, но чреватой всякими осложнениями. Я сказал Махно, что хорошо бы съездить в Кривой Рог, но если встреча с большевиками действительно произойдет, я могу быть нужен здесь, на месте. Махно ответил, что раньше двух недель встреча не произойдет, а я буду дней через 10 обратно. Отъезд был решен.

Самой организацией поездки я совершенно не занимался. Ни за какими услугами и, вообще, ни с чем в контрразведку не обращался. Мне выдан был мандат (удостоверение) в том, что «сего числа предъявитель настоящего удостоверения тов. Волин отправляется туда-то...» и пр., за подписями командарма Н.Махно, председателя реввоенсовета Лащенко и начальника штаба (кажется, Белаша), и с датой: 29 декабря 1919 г. (Читатель увидит ниже, почему я так отчетливо помню эти подробности, и какое они имеют значение). Независимо от меня было решено, что необходимо поехать целому небольшому вооруженному отряду, так как путь предстоял довольно далекий, по местам, где можно было наткнуться на всякие неожиданности, главным же образом, на просочившиеся всюду кругом отдельные деникинские отряды. Так и было сделано. Со мной выехали: приехавший из Кривого Рога повстанец Г. и отряд человек в 20 наших повстанцев, при винтовках и двух ручных пулеметах (и при нескольких тачанках). Тем, что в этот отряд входили и контрразведчики, я нисколько не интересовался; никто меня об этом не запрашивал; я сам составом вооруженного отряда совершенно не занимался, и лишь при отъезде узнал, что с отрядом едет и контрразведчик Голик. (Между прочим, я знал, что Голик работал в контрразведке, но не знал, что он был ее начальником). Мне и по сей день неизвестно, ни сколько именно контрразведчиков было в отряде, ни с какими целями они были туда введены. Я об этом эскорте не просил, и о том, что меня «сопровождали» «лучшие из контрразведчиков», узнал только теперь, из брошюры Махно.

Похоже ли все это на то, что он пытается мне навязать?

3. Что значит «сдался в плен 14-ой красной армии»? Как мог Махно написать такую нелепость? Я полагаю, что от того же Голика он должен был знать обстоятельства моего задержания.

Обстоятельства эти были следующие. (Читатель не посетует на меня за некоторые подробности, которые я считаю необходимым передать «фотографически»).

В самом начале пути я заболел, - как впоследствии выяснилось, тяжелой формой возвратного тифа. Я вынужден был сойти с лошади (я ехал верхом) и лечь в тачанку. Добравшись до первого же большого села, я слег в постель и пролежал дня три на частной квартире, куда меня устроили товарищи по отряду. Тем временем, Г. с частью отряда уехали вперед и должны были заранее подготовить в Кривом-Роге организацию митингов. (Предполагалось, что я быстро поправлюсь).

Почувствовав себя лучше, (как потом оказалось, это был перерыв между первым и вторым приступом тифа), я двинулся дальше и прибыл в Кривой Рог. Однако ввиду большой слабости, я выступать на митингах еще не мог и снова поселился на квартире, чтобы совершенно поправиться. Сюда мне принесли свежие газеты, из которых я узнал, что махновцы уже встретились с большевиками в г. Александровске. Тотчас же собрался весь отряд. Было решено оставить Кривой Рог и со всей возможной скоростью двинуться к г. Александровску, ввиду несомненной важности предстоявших там событий.

На следующее утро наш отряд двинулся в путь.

Через сутки слишком пути по проселочным дорогам, с короткими остановками по встречным деревням, мы подъехали к небольшой деревне и еще издали заметили, что она занята какими-то войсками. Расположена она была на пригорке. Внизу протекала небольшая речка, к которой мы подъезжали, и которая отделяла нас от самой деревни. И вот, по гребню пригорка видно было движение вооруженных кавалеристов. «Какие это войска? Петлюровцы, белые, красные?» -спрашивали мы себя, приводя, на всякий случай, в боевую готовность пулеметы, винтовки и револьверы. Когда мы подъехали вплотную к речке, к нам, по ту сторону, спустились с пригорка всадники (на шапках мы теперь ясно различали красную звезду) и через речку стали кричать нам, спрашивая, кто мы. - «Повстанцы-махновцы, - ответили мы, - а вы кто такие?» - «Мы - красные, последовал ответ: - Да вы, товарищи, переходите речку и пожалуйте к нам. Здесь передохнете и поедете дальше....

Решено было вступить в деревню. Она оказалась занятой довольно крупной красной частью. Нас окружила толпа крестьян и солдат. Начались какие-то переговоры, забегали люди...

Тем временем, я опять почувствовал себя очень плохо (начинался второй приступ тифа). Выбравшись из толпы, я подошел к избе с краю площади и облокотился о забор, поблизости от тачанки Голика. Никого рядом со мной не было. Я чувствовал сильный жар. Голова кружилась. Я еле держался на ногах. Вдали, словно сквозь туман, я видел какое-то движение. Бегали и что-то кричали люди. Деревня волновалась.

Через несколько минут к тачанке подбежал с товарищем Голик, запыхавшийся, взволнованный. Заметив меня у забора, он быстро сказал мне: - «Тов. Волин, надо уходить отсюда, пока нас не заметили... Наш отряд разоружают... Людей, кажется, отпустят, а желающие войдут в красный отряд... Но нам лучше уйти... Я проберусь задами и двину дальше, к Махно... Идем?» Я поколебался с минуту, пока Голик выбирал из тачанки кое-какие вещи, и сказал ему, что едва ли смогу двинуться с ним тотчас же в путь. - «Я опять совсем болен, - сказал я, -еле стою на ногах, и в голове мутится... Я вам только в тягость буду... Идти я не могу... Не можете же вы меня нести... И неизвестно, на что мы еще наткнемся в пути, с больным... Нет. Мне придется остаться здесь, совершенно выздороветь, а тогда уже продолжать путь... » Мы простились. Я остался в деревне и был, затем, задержан и отправлен, тяжело больной, в Екатеринослав, куда меня привезли дня через 2, в почти бессознательном состоянии (везли в телеге, во всякую погоду), и положили, под стражей, в номере какой-то гостиницы.

Таков фотографический рассказ. Его надо дополнить некоторыми штрихами, имеющими свое значение: 1) После недавней героической борьбы махновцев с деникинцами, отношения их с большевиками, не будучи дружескими, не могли, однако, быть и резко враждебными. Встреча, как я уже упоминал, предполагалась более или менее мирной. - 2) В частности, ко мне лично большевики не могли иметь никаких претензий, и я был уверен, что они оставят меня в покое. Действительно, они задержали меня не сразу, по распоряжению из Екатеринослава. - 3) Как я узнал впоследствии, Екатеринослав запросил обо мне Троцкого, в Москве. Троцкий ответил краткой телеграммой: «Немедленно расстрелять». Не расстреляли меня по причинам, о которых ниже.

Так я «сдался в плен» 14-ой армии.

4. Имеется еще один «факт», упоминаемый Махно. Это - эпизод с неким Орловым (стр. 42). «Более того, - пишет Махно в обычном своем тоне оскорбительной инсинуации, - Волин за счет контрразведки армии махновцев завоевал или, по крайней мере, пытался завоевать у главарей большевистского

екатеринославского губпарткома репутацию себе. Ведь это он, Волин, приводил главаря большевистского, некоего Орлова, ко мне в кабинет...» и т. д. - Во-первых, никаких «главарей большевистского екатеринославского губпарткома» я не знал и никаких дел с ними не имел, и Махно это знает. Во-вторых, ни Орлова, ни самого эпизода я совершенно не помню. Возможно, конечно, что, по просьбе кого-нибудь из местных большевиков, я обращался к Махно по делу. Ничего ни особенного, ни странного, ни зазорного в этом не было. Многие, - в том числе могли быть и большевики, - обращались через меня к Махно с всякими делами и просьбами, и я обыкновенно эти дела и просьбы передавал. И если подобный факт, действительно, имел место, то, во-первых, никакой «репутации» я себе, конечно, завоевывать на нем не собирался (здесь Махно просто опять бросает в меня грязным камнем), а во-вторых, я не сомневаюсь, что как самый факт, так и его обстановка совершенно искажены Махно, как и прочие, приводимые им «факты». Быть может, он спутал меня, в данном случае, с кем-нибудь другим?.. Эпизод этот, впрочем, не имеет большого значения.

Перейду к намекам и инсинуациям Махно.

На стр. 41, по поводу моих, якобы, показаний следователю ревтрибунала 14-ой советской армии, Махно вскользь бросает: «Я знаю Волина, и знаю, на что он способен, однако думаю...» и т. д. - Махно должен был бы без моей помощи понимать, что такие фразы вскользь не бросаются. Он знает, на что я способен? Хорошо. Я утверждаю категорически, что абсолютно ни в чем сколько-нибудь предосудительном он меня упрекнуть не может. Я заявляю, что, бросая такую фразу, он обязан был подтвердить свои слова фактами, и что он сделать этого не может.

Наконец, основной пункт: мои пресловутые показания следователю ревтрибунала 14-ой армии.

В этом отношении Махно более осторожен и менее категоричен. Он колеблется, сомневается. Он не знает, что думать. Он, видите ли, не совсем верит Кубанину или тексту показаний... И, тем не менее, от всех его рассуждений, «фактов» и намеков остается некое общее впечатление, некий «душок», которого он и добивается. Создается впечатление, что я, он «на что способный» человек, чуть ли не нарочно «сдался в плен» большевикам, вероятно с целью «завоевать себе репутацию», и «подло информировал» большевистские власти о махновской контрразведке.

Обратимся к существу дела.

Цитата Кубанина из моих, якобы, показаний следователю ревтрибунала 14-ой советской армии, да еще со ссылкой на «Дело

Волина, л. 24 Архив ГПУ Украины» (М.Кубанин, «Махновщина», стр. 116), повергла меня в немалое изумление, - хотя бы уже потому, что при моем, описанном выше, аресте на Украине у меня никакого «Дела» не создалось, и никаких показаний следователю ревтрибунала 14-ой армии мне давать не пришлось.

Изложу факты в их дальнейшей последовательности.

Я уже упомянул, что большевики доставили меня, тяжело больного, в Екатеринослав и положили в номере гостиницы. Сюда была вызвана женщина-врач и определила возвратный тиф. Помню, ее спросили, возможен ли теперь же мой переезд по жел. дороге в Харьков. Она ответила, что я очень плох; что, как врач, она против перевозки и за исход ее не ручается. Когда, после ее ухода, я спросил, будут ли меня, все-таки, куда-то опять перевозить, мне ответили, что штаб армии незамедлительно выезжает в Харьков, и что, если прикажут, то повезут туда и меня, в каком бы я состоянии не был. На мое счастье, в эту же ночь был кризис (перерыв между 2-м и 3-м приступом возвратного тифа), и когда, на следующий день, за мной пришли, чтобы везти меня в Харьков, я был в сравнительно лучшем состоянии.

В Харькове меня бросили в какое-то подвальное помещение, в ужасные условия, и предоставили моей судьбе. Если бы не случайная помощь дежуривших в подвале солдат и не моя твердая решимость жить, я в этом подвале погиб бы. Как мне говорили впоследствии, власти, не решаясь меня, тяжело больного, выносить и расстреливать, решили, что можно обойтись и без расстрела: я просто умру сам, лишенный ухода и помощи. (Отмечу, что Троцкий впоследствии выразил сожаление, что меня, «по слабости местных властей», не расстреляли).

Однако в Харьковском подвале я пролежал тоже недолго. Через несколько дней штаб армии переезжал в Кременчуг. Так как я был еще жив, то меня опять вынесли и повезли туда же. Здесь меня поместили в тюрьму, снова в ужасные условия (холодная одиночная камера, несъедобная пища и т. д.). Мне точно известно, что, придя в ужас от того состояния, в котором я находился, начальник Кременчугской тюрьмы (левый с.-р.) доложил начальству (Дукельскому), в самый день моего прибытия, что к нему в тюрьму привезли арестованного анархиста Волина, который так плох, что, несомненно, через несколько дней умрет». На что Дукельский ответил: «Что ж! Умрет, - мы его как следует похороним... »

Спас меня от смерти тот же начальник тюрьмы. Он сделал все, что было в его силах и законных правах, чтобы дать мне возможность выздороветь: прислал ко мне фельдшера, дал лекарств, распорядился топить мою камеру, вымыл мое белье,

зачислил меня на больничное питание (молоко и белый хлеб) и т. д. (Мне известно, что он чуть жестоко не поплатился за это усердие). Скоро сила организма взяла свое, и я стал решительно поправляться.

Как только ко мне вернулась способность двигаться (это было в конце января 1920 г.), меня однажды утром вызвали «на допрос» - впервые за все время.

Я спустился в контору начальника. Сидевший за столом человек, назвавшийся следователем Вербовым (это и был, очевидно, следователь ревтрибунала 14-ой советской армии), предложил мне сесть, положил перед собой папку с бумагами и сказал: «Вот вы, тов. Волин, конечно считаете себя революционером. А между тем, я должен вам сказать сейчас же, что вы обвиняетесь в поступке явно контрреволюционном, и что обвинение, предъявленное вам, крайне серьезно...»

- Любопытно, - сказал я: - В чем же именно меня обвиняют? Я как раз собирался об этом запросить...

- Вы обвиняетесь в том, - довольно торжественно заявил Вербов, -что отговорили Махно, на которого ваше влияние, как нам известно, было решающим, идти на польский фронт, когда советская власть потребовала этого от него в серьезный момент, для защиты революции... На этот счет я и должен допросить вас...

Я был ошеломлен неожиданностью. Польский фронт? Я слышал о нем впервые и совершенно не знал, в чем тут дело. О своем полном неведении относительно польского фронта я и заявил Вербову. Он сперва рассмеялся, а потом рассердился и стал упрекать меня во лжи, в желании отгородиться от ответственности за свои поступки. Я продолжал уверять его, что мне о польском фронте ничего не известно, что я в первый раз сейчас о нем слышу, что я не знаю, почему Махно отказался на него идти... В то же время я старался что-нибудь сообразить. Вдруг, я понял, в чем дело.

- Да позвольте, воскликнул я: - каким образом и когда возник этот самый польский фронт и вопрос о нем?

- Вы превосходно знаете, что переговоры о польском фронте с Махно начались вскоре после прибытия махновцев и советской власти в г. Александровск. Приблизительно, около 15-го января...

- Но я же уехал из махновского района в Кривой Рог еще в конце декабря, - возразил я, - в дороге я заболел и вскоре был арестован. И теперь я перед Вами. Я не был в Александровске и, после отъезда, не видел Махно, и ни о чем не знаю... Около 15-го января я уже лежал больной и арестованный в Екатеринославе.

- Вы путаете... Во всяком случае, я не могу поверить вам на слово. Вы должны доказать...

Новая мысль осенила меня.

- Во время ареста, - сказал я, - при мне находился мандат, подписанный и выданный мне в день отъезда из махновского района. На нем помечена дата. Если все отобранные у меня документы находятся у вас здесь, то этот мандат должен быть здесь же...

Вербов открыл папку и стал перебирать бумаги.

- Вот он, мандат, - сказал я, увидя бумажку.

Вербов взял ее и прочел. Это было то самое «удостоверение», о котором я уже упоминал. В нем удостоверялось, что «Предъявитель сего, такой-то, сего числа отправляется» и т. д., и помечено оно было 29-м декабря 1919г.

Вербов даже побледнел от неожиданности и совершенно растерялся. Очевидно, ему вручили папку, объяснили на скорую руку, в чем меня следует обвинять, но ни он сам, ни, быть может, его непосредственное начальство, дела совершенно не изучали и не знали. Вероятно, был приказ сверху - предъявить мне такое-то обвинение и под этим предлогом расстрелять.

Как я потом узнал, товарищи в это время уже повсюду знали о моем аресте, волновались, наводили справки и т. д., и большевики опасались меня ни за что ни про что расстреливать. Надо было инсценировать «обвинение» и «суд».

Сорвалось. Ознакомившись с содержанием мандата, Вербов сразу переменил тон, сейчас же признал, что здесь вышла явная ошибка, сказал, что, в таком случае, он не может продолжать дела, и отпустил меня. Весь разговор с ним продолжался минут 20.

На следующий день Вербов снова вызвал меня, всего на несколько минут. Он заявил мне, что ошибка окончательно выяснена, что дело обо мне прекращено, так как других обвинений против меня нет; что меня перевезут в Москву, и что пусть там делают со мной, что хотят... Затем он спросил, не имеется ли у меня каких-нибудь заявлений, не может ли он что-нибудь для меня сделать. Он обещал мне выполнить все, что в его силах и на что он имеет право.

Я потребовал передач, права переписки, права свиданий, права чтения газет. На все это он ответил, что не имеет права разрешить.

- В таком случае, - сказал я, - постарайтесь, чтобы меня как можно скорее перевезли в Москву. Там у меня есть близкие друзья... Я еще не совсем здоров, голодаю и вообще мне здесь плохо.

- Это я вам определенно обещаю, - сказал Вербов: - Я сделаю все возможное, чтобы вас как можно скорее увезли в Москву.

По-видимому, он сдержал слово. Через неделю я был отправлен в Москву, куда и прибыл, во Внутреннюю Тюрьму ВЧК, в первых числах февраля 1920 г.

Итак, никаких ни устных, ни письменных показаний я следователю ревтрибунала 14-ой советской армии не давал. Никакого «Дела», никакого допроса у меня так никогда и не было. Никто и ничем мне никогда не грозил, и у меня даже повода не было к «подлым показаниям».

В заключение отмечу, что если Махно имел обо мне такое скверное мнение, если он знал, «на что я способен», и пр., и пр., то зачем же ему было требовать моего освобождения из московской тюрьмы в октябре 1920г.? Зачем было звать меня снова в район движения? Зачем было давать мне ответственные поручения? Зачем было, далее, пользоваться всей той работой, которую я, ценой больших усилий и жертв, проделал, в бытность мою уже в Берлине, чтобы вырвать его из Данцигской мышеловки?

Не ясно ли, что все нехорошие обо мне мысли, и вся злоба ко мне, и все скверные нападки на меня возникли у Махно много позже, сравнительно недавно, и на почве, ничего общего не имеющей с движением и моей ролью в нем?

И что же остается. В конце концов, от всего того, что Махно пытается взвалить на меня? Остается, увы, только одно: черный дым злобы и клеветы... Кому и зачем он нужен?

Париж, ноябрь 1928 г.

Н. МАХНО ПО ПОВОДУ «РАЗЪЯСНЕНИЯ» ВОЛИНА

Париж, 1929.

ВВЕДЕНИЕ

Своей, сознательно введенной в свое «разъяснение», ложью, Волин отвел себя в сторону от существа дела. Своими многочисленными вопросами, при том вопросами сознательного преступного замысла, отставляющего в сторону невыясненную сущность дела, вытекающего из его показаний; по Кубанину - следователю Ревтрибунала 14-ой Совет. Красной армии, Волин старается, как можно больше запутать самое дело, щедро разбрасываясь недопустимой ложью по совершенно второстепенным вопросам, и этим самым вынуждает меня на ответ.

В 1928-м году в сентябре месяце я выпустил ответ на книгу большевика М.Кубанина «Махновщина» брошюру - «Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики». - В этой своей брошюре на стр. 41-й я привел пункт (по Кубанину) из показаний Волина следователю Ревтрибунала 14-й советской Красной Армии, которые, по моему, не верны и явно попахивающие душком провокации.

Пункт этих показаний дословно, по книге Кубанина, следующий: «По поводу злоупотреблений, чинимых контрразведкой армии Махно - говорит в своем показании следователю Ревтрибунала 14-й советской армии председатель Реввоенсовета армии Махно Волин - я ничего не знаю; но ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задачи культпросветительной работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки. Все же беспрерывные жалобы принудили меня предложить реввоенсовету создать комиссию по выяснению дел, возникающих между населением и контрразведкой. Из-за контрразведки у меня были конфликты с Махно и тем же Зиньковским. Для меня контрразведка была ужасом, и я делал все зависящее, чтобы прекратить чинимое ею».

Волин, прочитавши эту мою брошюру и натолкнувшись в ней на вышеприведенный пункт (по Кубанину) его показаний, не аргументируя, стал на дыбы против меня. Невежественная в революционном смысле, случайная публика, но всегда верная его, Волина, утонченной замаскированной лжи, поддержала его в этом бесновании своим, для нее ничего не стоящим бесновением. Это все, слившись вместе, оказало, очевидно, свое влияние и на людей, обыкновенно, хотя и чуждых того, что бы поддерживать

слепо, без определенных данных то или другое возмутительное дело в нашей среде, но не умеющих совладать со своими соглашательскими чувствами там, где ими нужно и должно уметь владеть, и поэтому не могущих различить умело замаскированной перед ними фальши и своим сожалением поддерживающих ее.

Все это вместе взятое, повторяю, поставило Волина в лицемерную позу невинно оскорбленного, невинно страждущего за пороки других. И он взялся за перо, чтобы разъяснить очевидно всем - и друзьям и врагам - все, что только хотите, но только не самое существенное, о чем говорит Кубанин, что я по долгу ответственного руководителя революционно-освободительного движения украинских трудовых масс -не имел права обойти молчанием и отметил его в нужном месте брошюры, дав необходимое ему свое резюме, которое для «многогранного» Волина не весьма лестно.

В самом деле, в своем «разъяснении» Волин прибег к обычной своей замаскированности и мечется вокруг вопросов второстепенных, бесстыдно извращает их и о них кричит; по пунктам из показаний, которые Кубанин извлекает из его, Волина, «дела», как показание Волина, он не воспроизводит в своем «разъяснении» и не заявляет Кубанину в лицо, что это ложь, что «дела» у него никакого не было, не требует Кубанина к ответу и т. д. Волин лишь вскользь удивляется в своем «разъяснении» на стр. 9-й, что это дело было и есть. Но Кубанина он избегает в этом главном пункте. И это не спроста. Волин боится вызвать Кубанина к ответу, ибо это поставит Кубанина в роль заинтересованного активно действующего лица, имеющего возможность вторично взглянуть в «дело» Волина и чего доброго еще с кем-либо посторонним, заслуживающего доверия и от нас, анархистов, и показать анархическому миру: есть или нет «дело» Волина, имеются или нет такие подлые показания в нем о контрразведке армии Махновцев и т. д.

Волин все это взвесил, по-моему, самым серьезным образом и поэтому держится далеко в стороне от этого важного вопроса, столь существенного для него же самого в первую очередь. Вместо открытого, ясного ответа Кубанину по этому вопросу, он предпочел погрузиться в тину самим придуманной лжи и, не стыдясь ни друзей, ни врагов, барахтается в ней.

Волин с конца августа месяца 1919г. занял в армии повстанцев махновцев пост председателя Военно-Революционного Совета. Мог ли он не знать, что товарищ Л.Голик, начальник армейской контрразведки? В то время, по посту своей службы в царской армии, начальник контрразведки равнялся высшему

военному командиру, и на всех серьезных совещаниях этих командиров и президиума Реввоенсовета его присутствие было обязательным, и он всегда присутствовал.

Каким же это образом могло случиться, что председатель Реввоенсовета армии не знал, кто является начальником армейской контрразведки? Нет, тут что-то неладное творится с Волиным. Отрицая это, Волин должен, по-моему, отказаться, что он был председателем Реввоенсовета армии и что вообще он когда-либо нес на себе ответственный пост в движении Махновщины.

Но от этого он отказаться не может, а поэтому «незнание» его того, что т. Голик был начальником армейской контрразведки, что он, - т. Голик, - был послан мною вместе с Волиным в район Кривого Рога с определенной ответственной задачей и что т. Голик, по моему официальному предписанию подобрал несколько человек из лучших контрразведчиков по желанию самого же Волина, сопровождать его в пути и всюду по району на митингах, - незнание всего этого Волиным теперь, - есть гнуснейшая ложь с его стороны. И Волин, и я, и тем более сам нач. контрразведки т. Голик отдавали себе вполне ясно отчет, в том, куда Волин и сам нач. контрразведки посылаются, и соответственно с этим нами подготовлялся кадр людей для сопровождения их...

Не менее гнусной ложью являются виляния Волина в том, как он приводил и для чего именно приводил большевистского лидера в Екатеринославе, - некоего Орлова ко мне, просит о выдаче мандата за моей подписью, на предмет извлечения денег и ценностей в известном особняке сбежавших в стан Деникина хозяев и т. д. В это время при мне было оба моих адъютанта, выслать которых из комнаты при всем моем желании Орлова и Волина я не мог. Они этот случай хорошо знают. Так что беспокоиться о том, что я, очевидно, смешал с Волиным кого-то другого, мне не приходится.

На странице 6-й своих «разъяснений» Волин возмущается тем, что я в своей брошюре выразился «сдался в плен 14-й армии». Я не понимаю этого выражения в том смысле, что Волин со злым намерением сдался. Я об этом сужу по докладу возвратившегося из Кривого Рога нач. контрразведки т. Голика. Последний со своими людьми предложил Волину уехать из этого села, куда вступили красные части. Волин же заявил ему: «мне не зачем от них бежать, у меня есть мандат за подписью Батьки Махно, меня никто не тронет»... Из этого явствует, что Волин дал арестовать себя по глупости. Так понимал я это, так понимал это т. Голик и другие контрразведчики, делая мне доклады об этом, и так понимал весь мой штаб. Вот в каком смысле нужно понимать

слова «сдался».

Волин дает другую окраску своему аресту. Но у меня больше оснований верить т. Голику, чем Волину, особенно теперь, когда он, став на авантюристический путь отмахивания от всего и вся, на каждом шагу, по каждому вопросу, лжет. В самом деле. Я утверждаю, что в г. Екатеринославе Волину и т. Голику приготовлялось все к их отъезду в район Кривого Рога... Здесь им были заготовлены соответствующие официальные документы - удостоверения, о которых в недалеком будущем наши товарищи, очутившись на Украине, при благоприятных условиях смогут узнать по исходящим штабным книгам, ибо они по ним прошли. Здесь же, в Екатеринославе им была выдана надлежащая сумма денег и прочее (о деньгах Волин мог не знать, так как они выдавались на пищу, и их получал руководитель отряда). Откомандировка Волина и н-ка контрразведки приготовлялась в г. Екатеринославе в конце ноября - начале декабря 1919 года, накануне оставления нами города Екатеринослава...

А в 12-15 верстах от г. Екатеринослава - в селах Александровка-Сурско-Литовское, Волин и т. Голик во главе со своим маленьким отрядиком распрощались со мной. Я выезжал в поле к развернутым боевым фронтом частям лично руководить операциями на задержании наступавших деникинцев, а они должны были двинуться в свой путь по направлению Кривого Рога. Со времени, как мы попрощались, больше я Волина не видел нигде, - ни в штабе, ни в реввоенсовете, ни в обозе последнего. Через два дня после этого штаб и реввоенсовет расположились в одной из немецких колоний близ села Башмачки. Здесь, когда я возвратился из фронта, мне было доложено, что Волин и т. Голик, отлучились от передвижения штаба с дороги, при его переезде из Сурско-Литивского в район Башмачки, и направились, куда были откомандированы, т. е. в район Кривого Рога.

Волин же (с какой целью, - это только ему и его друзьям очевидно известно), став определенно на гнусно-иезуитский путь политиканства и, бессовестно извиваясь на нем, лжет себе, лжет своим друзьям и вообще читателям его «разъяснений», что он, дескать, имел мандат-удостоверение от 29-го декабря и это - де - спасло его от предъявленного ему следователем Вербовым опасного обвинения...

К чему это авантюристически-преступное двоедушничанье перед одними и пускание пыли в глаза другим? - Неужели Волин перестал понимать, что в нашем мире не все преступно, что поэтому все своевременно будет замечено в этом его преступном двоедушничании и выведено наружу, - даже не нами, а нашими врагами, при том в таком свете, что всем этим занимается-де не

какой-то Волин лично, а целая плеяда представителей анархизма. Ибо враги-то наши не знают того, что этими гнусностями живет один лишь Волин, да, быть, может, кое-кто из близких его; анархистам же, живущим судьбами своего движения, все это двоедушничанье Волина там, где он должен быть прямым и честным, хотя бы с самим собой, ненавистно. Или, быть может, Волин рассчитывает, что все то, что он «разъясняет» в своем «разъяснении», есть пища только для эмигрантской ему лишь известной и понятной среды, которую-де легче всего вооружить ложью и натравить против меня. Но и в этом случае ему следовало бы быть осторожным в отношении тех фактов и связанных с ними истин, которые, если и не обязывают ни в чем и не перед чем самого Волина и тех, кто закулисно кричит за его честь, и топчут других, - то обязывают других, в ком есть честь, чтобы эти другие ни перед чем не остановились, чтобы разъяснить их, эти истины.

Волин в своем «разъяснении» на странице 5-й, желая утвердить свою ложь в том, будто он получил удостоверение от меня и, следовательно, когда расстался со мной и армией, повторяет: мандат-удостоверение было датировано 29 декабря 1919г. (читатель увидит ниже, почему я так отчетливо помню эти подробности и почему они имеют такое значение)... - и пошел размалевывать чепуху о ней, о которой я уже сказал, чего она стоит, и повторяться не буду. Приведу лишь неопровержимые данные в доказательство его лживости о дате 29 декабря. Если бы Волину можно было поверить, что удостоверение его было датировано не ранее, а только 29-го декабря и что он это показал следователю Вербову, то следователь этого дела, которое ему предъявлялось, не прекратил бы, а довел бы его до конца и Волин был бы предан суду.

Мне могут сказать - почему?

Потому, именно, что и для меня и моего штаба и для штаба 14-й Красной армии доподлинно известно, что встреча повстанческих вооруженных сил с 45 дивизией красной армии произошла под городом Александровским 20-21 декабря 1919 года, даже по его «разъяснениям», во время этой встречи повстанческих войск с красной армией не было: он был в районе Кривого Рога. Это принуждает меня спросить всех крикунов и людей исподтишка клевещущих, будто я оговариваю Волина, - нужно ли еще далее раскрывать грязную наготу Волина в этом вопросе?

Я подчеркиваю, что после встречи повстанческих войск с частями красной армии (она происходила под руководством моего помощника - старшего Каретника, замещавшего в это время

больного командира 2-го Азовского корпуса - тов. Вдовиченко...), когда повстанцы и красноармейцы расположились на отдых в самом городе и вокруг него по селам и хуторам - именно 24-го декабря 1919 года я и весь главный штаб нашей армии въехали в город Александровск.

Через два дня по моему прибытию в город, штаб повстанческих войск получил на мое имя приказ Реввоенсовета 14 красной армии -собрать все повстанческие войска в один кулак и двинуться с ними на польский фронт.

Приказ этот поставил все повстанческие силы на ноги. Последние дни 27-28 декабря, перед 1-м январем, к нам переходили некоторые красные части, в частности, и батальон красных китайцев, а красные бронепоезда передали нам до тысячи трехдюймовых снарядов и наш штаб, желая избежать назревавших кровопролитий с красной армией, в то время, когда я был уже подкошен тифом, к 1-му января сам выехал и снял все повстанческие части из города Александровска в направлении Гуляй-Поля.

Спрашивается - как же все-таки могло случиться то, что у Волина, расставшегося с повстанческой армией почти что месяц тому назад, очутился мандат-удостоверение, датированный от 29-го декабря 1919 г.? И почему, если бы это было верно, следователь Вербов, благодаря этой дате на мандате-удостоверении, направил «дело» Волина на прекращение, когда эта дата (29 декабря) должна была быть катастрофической для Волина: ибо она указала бы на то, что Волин да был в г. Александровске во время обсуждения штабом и реввоенсоветом повстанческих войск, приказа красного военного командования и ответа на этот приказ? - А Волина ведь (по его же разъяснениям видно, -см. стр. 10-ю его «разъяснений») за то только лишь и обвиняли арестовавшие его большевистские власти, что он-де «отговорил Махно... идти на польский фронт, когда советская власть потребовала этого от него в серьезный момент».

В чем тут дело? Неужели в этом сказывается простое заблуждение Волина и его утверждения лживы, а не сознательные грязные плутни? Неужели же это еще ничего не говорит о том, какого политического плута Волин из себя представляет в этом его несчастненьком «разъяснении», в котором что ни строка, то ложь, при том ложь, наделенная такими самоуверенными утверждениями и такой гордой позой, что только держись, а то с ног сшибут за отстаивание лжи перед истиной? Что это? Идейная пища среды, с которой Волин обсуждал и подготовлял все это свое выступление с грязно-пошлым по своей лживости и подлым по своей сознательности «разъяснением»? Или это акт личного

политического достоинства самого Волина?..

Уж как кто хочет понимать все это, я его понимаю за сознательную подлость и протестую перед всем революционным миром лишь как против таковой. Протестую я против всего этого открыто по следующим мотивам. Во-первых, Волин сознательно подменивает сущность дела второстепенными вопросами, стараясь, таким образом, запутать самое дело. Во-вторых, объяснение второстепенных вопросов он строит на недопустимых, лживых выдумках, которые, мои, не подлежащие никакому оспариванию данные в корне уничтожают. И, в-третьих, я знаю, что наши враги - большевики располагают убийственными данными против этих выдумок Волина. А т.е., большевики имеют у себя и «дело» Волина, и его мандат-удостоверение за моей подписью и точные данные о дате на нем, точные данные о днях и месяцах, когда Волин был ими арестован. Наконец, когда повстанческая армия махновцев и части красных армий встретились в декабре м. 1919 г. Под городом Александровском и т. д. Большевики, имея все эти данные в своих руках и прочтя это иезуитское «разъяснение» Волина, легко заметят в нем всю ложь и наглость Волина, которые он с таким лицемерием развивает вместо истинных фактов, рассчитывая очевидно, на наивность одних и глупость других из своих благожелателей. И большевики используют и эту ложь и наглость вместе с ничтожеством самого Волина, против русских и украинских анархистов, там, где анархисты выступают и говорят им - большевикам - открыто об их сознательных преступлениях против революции, против революционных организаций тружеников села и города и преследуемых ими идей...

Правда, мне могут сказать товарищи, что протест мой несколько слабоват, благодаря тому, что под ним нет подписей «влиятельных» лиц. Но подписи ничьи здесь и не нужны. В самом деле, нельзя же вербовать людей для подписи с сентиментально-соглашательскими чувствами и, тем более, нельзя собирать подписи людей, сомнительных или с действительно - тусклой революционной совестью, которым ничего не стоило бы сегодня подписаться, а завтра делать закулисные выпады против того, что подписали...

Поступки, против которых я протестую, так ясны и понятны для каждого, желающего искренно и честно вникнуть в их позорную сущность, что звать кого бы то ни было к поддержке моего протеста против этих поступков, да еще самому, значит не отдавать себе отчета в глубине оснований этого протеста и не верить, что ложь Волина скоро ли, поздно ли будет вскрыта до конца документами, сомневаться в которых никому не придется.

И тогда для всех станет ясно, почему он так нагл в своем ложном утверждении, что документ - удостоверение, выданное ему штабом повстанческой армии и подписанное мною, датированы 29 декабря 1919 г.

Далее. В том же своем позорно-лживом «разъяснении» Волин говорит, что я давно нападаю на него.

«Отвечая Кубанину, Махно, к сожалению, пользуется этим случаем для того, - говорит Волин, - чтобы, между прочим, свести некоторые личные счеты со мной... »

Здесь Волин вновь лжет. В своем ответе Кубанину я и не упомянул бы его имени, если бы в книге Кубанина не было ссылок на Волинское «дело» и «показания»... Но то обстоятельство, что в книге Кубанина авторитету Волинского мнения о контрразведке армии повстанцев махновцев уделено известное внимание, заставило меня остановить на нем и свое и товарищей внимание, что я и сделал в своем ответе Кубанину.

А ниже Волин подчеркивает: «отчуждение между Махно и мною возникло, в значительной степени, благодаря личным чертам характера и умонастроения Махно: недоброжелательному отношению его к интеллигенции и т. д.»...

И здесь Волин, не стыдясь, как подобает людям его типа, лжет. Все годы моей революционной деятельности я ценил и ценю подлинных интеллигентов, особенно в наших анархических рядах. И ненавижу я лишь негодяев из них. А таковых различать я могу. Долгий опыт моей революционной деятельности в самой гуще трудовых масс, куда интеллигенты часто заглядывают, но не всегда и не все из них остаются до конца преданы этим массам в их борьбе, научил меня их понимать и различать...

И не из-за личной неприязни я отвернулся от Волина. Никогда я не делал никаких попыток, чтоб сводить с ним какие-то личные счеты. От известного времени, после встречи с ним здесь за границей, я его просто не считаю товарищем, а это - я думаю - революционера обязывает не иметь никаких счетов с тем, кого не считаешь товарищем... Волин все это отлично знает, и я удивляюсь, как он мог делать в своем разъяснении заметки, утверждающего смысла о существовании каких-то личных счетов у меня с ним. Стоило ему прочесть лишний раз мое письмо к нему от 7-го августа 1926 года и честно, хотя бы с самим собой, поразмыслить, о чем он должен был бы, по-моему, поразмыслить раньше, чем писать ложь о моих попытках свести с ним личные счеты. Это письмо ему подсказало бы, как раз обратное. Но он этого не сделал и потому залез и в этом вопросе в пучину лжи.

Что же касается заключительных Волинских вопросов, то я могу лишь сказать, что большинство их них глупые вопросы.

Волину отлично должно быть известно, что, если бы он проявил себя в рядах революционного повстанчества таким, каким он проявил себя здесь на эмиграции, то он ни одного лишнего дня не задержался бы в этом движении. Он был бы выброшен из него, потому что крестьянско-анархический авангард в повстанчестве лукаво-лживых людей не только что ненавидел, но и преследовал их. Особенно преследовал бы этот авангард Волина, который им был освобожден из-под ареста в августе м. 1919 г. и добровольно остался в повстанческом движении, помогая ему кое в чем, кстати, отметить, около 4-х месяцев, а не погода, как это он, Волин, сознательно ложно подчеркнул на 1-й же странице своего «разъяснения».

Касательно же вопроса: «Зачем было пользоваться всей той работой, которую я, - выкрикивает Волин, - ценой больших усилий и жертв, проделал, в бытность мою уже в Берлине, чтобы вырвать его (т. е. меня) из Данцигской мышеловки? - я должен сказать многое. Во-первых, мне вопрос этот кое-что говорит о жертвенности Волина совсем не в его пользу, как бы он этой жертвенностью не прикрывался. Во-вторых, он помогает мне точно установить и здесь, в этой жертвенности, которою он козыряет, плутни Волина.

Итак, в чем заключались усилия и жертвы Волина, во время устройства мне побега товарищами, проживавшими в Данциге, из данцигской городской больницы, а, спустя 40 дней и из самого Данцига?

Усилия и «жертвы» Волина заключались, во-первых, в переписке и пересылке денег, которые ему направлялись организациями и Александром Беркманом, и, во-вторых, в обещаниях, которые он обыкновенно не выполнял...

Побег был устроен без ведома Волина. Когда тов. из Данцига написали Волину, что я уже на воле, необходимо ускорить обещанный документ для меня, то Волин ответил им, что они форсировали побег мой, нужно было бы обождать еще. А для чего? Никто из нас не мог понять его безответственной болтовни.

Когда же товарищи ему, Волину, написали, что положение мое на нанятых нелегальных квартирах таково, что медлить с вызовом меня из Данцига нельзя, меня могут схватить и препроводить в какую-нибудь крепость, откуда вырваться не представляется никакой возможности, и вы, - заметили товарищи Волину, - постарайтесь больше делать, чем обещать, в направлении того, чтобы помочь Нестору выбраться из Данцига... На это Волин сразу же прислал им письмо, что он отказывается от этого дела. Товарищи с этим письмом прибежали ко мне сердитые и взволнованные. Это заставило меня написать Волину

ответ на его письмо.

Я ему писал: «Дорогой дедушка, вы пишете, что вы отказываетесь от ведения порученного вам организацией дела помощи мне выбраться из Данцига. Я просить вас не буду. Мне очень надоело слышать от вас обещания и невыполнение. Уходите к черту от дела. Но пришлите мне 75 долл., которые тов. Карнук прислал на ваш адрес для меня из Северной Америки от 24 ноября 1924 года. Эти деньги здесь нужны и т. д. (мое письмо к Волину из Данцига от марта 1925г.).

Волин прислать эту сумму денег не мог. Он ее истратил на себя. И это принудило его смягчить свой тон перед молодыми товарищами, переписывавшимися с ним по делу моего побега и вызова меня из Данцига, и продолжать переписываться с нами в том же безответственном духе обещаний прислать паспорт мне и т. д.

Так я просидел на нелегальных квартирах больше месяца. За это время Волин прислал одного тов. из Гамбургских индивидуалистов, чтобы вывезти меня из Данцига морем. А вслед за ним Фельдман и Волин прислали нам еще одного нелегального человека, тоже помочь мне выбраться. Этого последнего я с товарищами решил отослать обратно. Но он заявил, что мы обязаны его вывезти вместе с собой, так как он нелегальный и обратно пробираться не может, кроме как нелегальным путем. Помню, какой обузой был этот человек для всех нас и как мы сердились и смеялись в то же время над Волинским «содействием».

Но и гамбургский товарищ ничем не помог нам. Он как будто имел какую-то связь в Данциге. Но по этой связи его как-то странно надули. Он заплатил хозяину катера, на котором предполагалось вывезти меня морем из Данцига в Штетин (Германия), наперед 300 марок золотых. Но хозяин этого катера на другой день не явился на свидание и лишь передал через жену свою, что он все деньги за ночь пропил и от стыда не может явиться нам на глаза...

После этого товарищи попробовали еще один путь переезда моего из Данцига в Германию непосредственными силами. Он тоже оказался неудачным. Это все вызывало у нас ненависть к обещаниям Волина прислать паспорт, и я решил не обращаться и ничего не писать в Берлин к Волину, и идти с одним товарищем, который все время также жаждал выбраться из Данцига в центры Европы, через польскую территорию в Германию. И мы в один вечер ушли, захватив с собою и нелегального человека, присланного из Берлина...

Так я добрался до Берлина. И только в Берлине уже т.

Фельдман сообщил Волину, чтоб он пришел встретиться со мной...

Таковы в действительности «усилия» и «жертвы» Волина на пути содействия мне выбраться из «Данцигской мышеловки».

Можно ли ими похваляться? Я говорю - нет. Есть люди, которые имеют основания говорить о своем содействии мне на этом пути, но только не Волин. Для Волина в этом не было ничего искреннего и преданного. Он действовал здесь, желая не отставать от других, но всегда с особой бухгалтерской предосторожностью ограждал себя именно от усилий и жертв!

Вопрос о моем побеге из Данцига в свое время будет освещен полностью. Но уже из этого краткого освещения его видно, какая мелочная, расчетливо-торгашеская душонка у Волина!..

Он ставит мне и перед читателями своего лживого «разъяснения» вопрос о своих «великих» усилиях и жертве, затраченных им когда-то в интересах моей свободы.

Какой стыд! Какой позор! - Революционный работник, принявший поручение организации вести со мной переписку и своевременно оказывать мне нужную помощь в организации побега, нет! К мысли о побеге я и Александр Беркман пришли без Волина в нашей переписке, и Волин был привлечен к этому после... Волин был посредником между мной и организацией. И до того, пока я с Беркманом пришел к окончательным выводам, что только побег даст возможность мне выбраться из Данцига в то или иное из западных государств, Волин имел от моего имени дела с одним товарищем адвокатом, хлопотавшим мне визы... И вот, сделавши на копейку (притом все, что он делал, он делал за счет организационных средств то «русской группы за границей», то получаемых А.Беркманом... и выдаваемых ему), а кричит о цене «великих усилий и жертв».

Что это? Не хамство ли запутавшегося во лжи человека. Впрочем, на такого рода «разъяснения» он только и мог проявить свою «политическую мудрость» перед теми, кто его воодушевлял своими обещаниями целиком поддержать в выступлении против меня с протестом. И раз этот несчастненький человечек был воодушевлен своими друзьями, он естественно нашел в себе максимум антиреволюционности и иезуитского хамства лгать своим друзьям, лгать всем, кто вообще сможет прочесть его «разъяснение», лгать о том, что он не знал, что т. Голик был нач. армейской контрразведки, не знал, его, Волина, сопровождали контрразведчики в Кривой Рог, лгать, что его мандат-удостоверение было ему выдано 29-го декабря 1919 года, а не месяц раньше, лгать, что повстанческая армия встретилась с красной армией под город. Александровском около 15-го января

1920 (в то время, как она встретилась в 20 числах декабря 1919 года), и что, наконец, у него не было никакого следственного «дела» на Украине при его аресте властями 14-ой красной армией и т. д. - Раз он перед всем этим не останавливается и лжет, то чего же ему не трепануться также безответственно и цинично и о своих «великих» «усилиях и жертве» в деле содействия мне выбраться из «Данцигской мышеловки». Тем более, что невежественной публики не оберешься, вся она кричит, что Махно оговорил Волина и пр.

Но что бы ни кричали и как бы ни кричал и сам Волин и «почетная публичка», носясь с этим его «разъяснением» и пуская пыль в глаза другим о положительности и правдивости фактов о нем, - я заявляю, что «разъяснение» Волина есть разъяснение грязно-пошлое по своей лживости и подлое по своей сознательности... Правда, по ним только и можно правильно понять Волина...

notes

1

Nestor Makhno. La lutte contre i'Etat et autres ecrits. Paris, 1984.

2

The Struggle Against the State and Other Essays by Nestor Makhno. AK. Press, Edinburg-San Francisco, 1996.

3

В 1999 г. мы предоставили 6 статей для участия в замечательной книге: Нестор і Галина. Розповдають фотокартки. Віктор Яланський, Лариса Верьовка. Київ-Гуляйполе, 1999, стр. 513-540. Вечная память покойному В.Яланскому († 2003), внучатому племяннику Нестора Махно, посвятившему многие годы и приложившему немало усилий для реабилитации своего прадяди.

4

Следует уточнить, что выдержки из этого дневника были использованы злонамеренно М.Кубаниным: Махновщина, Прибой, Ленинград, 1928, стр. 144146 и 184. С тех пор выяснилось, что этот дневник достоверен, написан на украинском языке и впервые опубликован в русском переводе в Под черным знаменем, жизнь и смерть Нестора Махно Сергея Семанова, Москва, 1990, стр. 45-56. Однако остаются некоторые уклончивости и противоречия, несмотря на разногласия русских переводов 1928 и 1990 гг. Жаль, что в то время большевики не удовлетворили желание Махно «сфотографировать этот дневник и через печать дать знать его полный текст».

5

Она выдержала три издания, готовится четвертое и должно выйти в этом году на английском языке в Америке

6

См. нашу работу, в которой собраны все документы по данной проблеме: Autonomie individuelle et force collective. Les anarchistes et l'organisation, Paris, 1987, и на русском языке Индивидуальная автономия и коллективная сила, Громада, Париж, 2002.

7

Это был презрительный отказ от так называемого примитивного коммунизма, существовавшего многие столетия у русских крестьян в форме общины (общинного владения землей), которую даже Маркс считал в одной из своих последних работ основой «социального возрождения» страны.